

The background of the cover is a detailed, monochromatic relief sculpture in shades of brown and tan. It depicts a complex scene with various figures, including a central seated figure, a lion-like creature, and several other human figures in dynamic poses. The relief is set against a textured, slightly mottled background.

Г.Ю. СЫЗРАНОВА

ОНОЯЯСТИКА

Учебное пособие

Министерство образования и науки Российской Федерации
Тольяттинский государственный университет
Гуманитарно-педагогический институт
Кафедра «Русский язык и литература»

Г.Ю. Сызранова

ОНОМАСТИКА

Учебное пособие

Тольятти
Издательство ТГУ
2013

УДК 81:811.161.1

ББК 81:81.2Рус

С95

Рецензенты:

к. филол. н., доцент кафедры социальных наук и межкультурной коммуникации Тольяттинского филиала Международного института рынка *С.В. Земскова*;

д. филол. н., профессор Тольяттинского государственного университета *М.А. Венгранович*.

С95 Сызранова, Г.Ю. Ономастика : учеб. пособие / Г.Ю. Сызранова. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. – 248 с. : обл.

Учебное пособие содержит курс лекций, контрольные вопросы и задания для самопроверки, темы рефератов по дисциплине «Ономастика». Цель пособия – дать базовые теоретические сведения по курсу, сформировать целостное представление об ономастическом пространстве русского языка, способствовать организации учебной деятельности студентов.

Предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 032700.62 «Филология».

УДК 81:811.161.1

ББК 81:81.2Рус

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом Тольяттинского государственного университета.

ISBN 978-5-8259-0707-9 © ФГБОУ ВАО «Тольяттинский
государственный университет», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало 60-х гг. прошлого века стало этапом становления науки об именах собственных в её современном статусе, именно с этого времени ономастика становится одной из наиболее активно изучаемых областей языкознания. В процессе научного поиска определяются объект и предмет исследования, ведется активная разработка методологического аппарата ономастической науки. Традиционно ономастика взаимодействует с рядом других языковедческих дисциплин: социолингвистикой, ономасиологией, лингвистикой текста, стилистикой, коммуникативной лингвистикой и др.

Разрабатываемые на современном этапе проблемы ономастических исследований опираются на философскую и общелингвистическую традиции (Дж. Милль, Б. Рассел, О. Есперсен, Е. Курилович, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, А.А. Реформатский, В.В. Виноградов и др.). Исследуются общие вопросы ономастики (А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, В.А. Никонов, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев, В.Д. Бондалетов, М.В. Горбаневский и др.), дано описание основных разрядов имен собственных (С.И. Зинин, М.В. Карпенко, Ю.А. Карпенко, Е.Л. Березович, А.К. Матвеев, И.В. Крюкова и др.), ономастический материал рассмотрен в различных функциональных аспектах: апеллятивизация, онимизация, трансонимизация (Л.А. Введенская, Э.М. Мурзаев, Н.П. Колесников, Д.С. Мгеладзе, Т.Н. Кондратьев и др.); дана характеристика основных исторических процессов в ономастической области (А.М. Селищев, П.Т. Поротников, В.К. Чичагов, Л.М. Щетинин, О.Н. Трубачев и др.), проведено лексикографическое описание отдельных разрядов онимов (Н.А. Петровский, А.В. Суперанская,

Б.-О. Унбегаун, Ю.А. Федосюк и др.); активно изучается роль имен собственных в художественном тексте (С.И. Зинин, Э.Б. Магазаник, В.Н. Михайлов, О.И. Фонякова и др.).

В конце XX – начале XXI века проблемное поле ономастической науки расширяется: изучаются названия небесных тел, звезд, исследуются теонимы, этнонимы, названия внутригородских объектов, праздников, фестивалей, газет, описываются названия подводного океанического ландшафта; в поле зрения ученых попадают новые ономастические феномены – названия коммерческих предприятий, магазинов, товаров. Расширение объекта исследования активизирует рассмотрение общетеоретических вопросов, уточнение типологии имен собственных, выяснение своеобразия ономастической системы в языковой картине мира. На современном этапе ономастических исследований усиливается и социолингвистический аспект, нацеленный на изучение факторов выбора и смены личных имен и фамилий, причин и критериев переименований в топонимии, отражения в ономастике социоисторических процессов и явлений.

Все обозначенные вопросы и проблемы составляют сегодня объект и предмет ономастики как науки об именах собственных.

Курс «Ономастика» предназначен для студентов-бакалавров направления «Филология». Учебный курс базируется на знаниях, полученных студентами в рамках таких дисциплин, как «Введение в языкознание», «Современный русский язык». В соответствии с ФГОС третьего поколения изучение данной дисциплины ставит своей задачей формирование у будущих специалистов следующих навыков и способностей:

- демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка (ПК-1);
- собирать и анализировать языковые факты с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК-2);
- применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка, теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности (ПК-5);

- проводить под научным руководством локальные исследования на основе существующих методик в конкретной узкой области филологического знания с формулировкой аргументированных умозаключений и выводов (ПК-6).

Целью курса является формирование целостного представления о всех сферах знания в области ономастики, задачах, основных понятиях и методах ономастического исследования, а также представления о научной и профессиональной ценности знания ономастической теории и самого онимического материала, содержащейся в нем страноведческой и культурно-национальной информации.

Задачи курса:

- изложить систематизированный объем теоретических сведений, касающихся вопросов теории ономастики, методов ономастических исследований, классификации имен собственных в русском языке;
- помочь освоить необходимый минимум знаний о современном русском именнике, его составе, статистической структуре и особенностях изменения;
- дать общие сведения о российском и региональном ономастике;
- сформировать навыки, связанные с отбором, анализом и интерпретацией ономастического материала.

В структуру пособия включены конспекты в соответствии с содержанием лекционного курса, контрольные вопросы и задания для самопроверки, а также примерные темы рефератов и рекомендуемый список литературы.

В целом внутренняя направленность учебного пособия имеет в виду создание необходимых условий для знакомства студентов с максимально широким кругом вопросов филологической области знания, для формирования гуманитарного мышления – важнейшего компонента университетского образования.

Изучив разделы курса, *студент должен:*

- **знать** базовые понятия ономастики, историю изучения имени собственного, современное состояние и тенденции развития ономастических исследований;

- *уметь* применять полученные общие и специальные филологические знания в различных сферах профессиональной деятельности;
- *ориентироваться* в пограничных и смежных с избранной областью знания и профессиональной деятельности.

Такое расширение круга знаний в области современного ономастического пространства, истории и практики ономастических исследований позволяет студентам овладеть общекультурными и профессиональными компетенциями, необходимыми будущим специалистам филологического профиля.

Содержание лекционного курса предполагает рассмотрение следующих вопросов.

I. Вопросы теории ономастики

1. Ономастика как наука об именах. Место ономастики среди других наук.
2. История изучения собственных имен. Статус имени собственного.
3. Границы ономастической лексики.
4. Апеллятив и его онимизация. Апеллятивация.
5. Понятие «ономастическое пространство»: объем и содержание. Проблемы классификации собственных имен.
6. Семантика имен собственных. Категории имени собственного. Семантическая модель онима.

II. Методы ономастических исследований

1. Описательный метод.
2. Исторический метод.
3. Сравнительно-сопоставительный метод.
4. Ареальный метод.
5. Семиотический метод.
6. Стилистический метод.
7. Психолингвистический метод.
8. Статистический метод.

III. Разряды имен собственных

1. Антропонимика. Личное имя как социальный знак.
2. Система личных имен. Национальные именники России.

3. Основные этапы и процессы в истории русской антропонимики.
4. Русская антропонимическая модель.
5. Происхождение русских отчеств.
6. Семантика фамилий.
7. Топонимика. Группировка и классификация топонимов.
8. Топонимика Самарского Поволжья.
9. Другие разряды онимов. Космонимы и астронимы. Зоонимы и зоонимическое пространство. Этнонимы, их история и типы. Древнерусская теонимия.

IV. Художественный статус имени собственного

1. Поэтическая ономастика. Ономастическое пространство художественного произведения.
2. Разряды поэтонимов. Классификации поэтонимов.
3. Литературная ономастика в России.
4. Имя собственное как компонент фразеологизма, прецедентные онимы.

Глава 1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОНОМАСТИКИ

1.1. Ономастика как наука об именах

Термин «ономастика» имеет два значения:

- во-первых, им обозначается комплексная наука об именах собственных;
- во-вторых – сами имена собственные (в последнем значении употребляется также термин «онимия»).

Выделение специальных ономастических проблем из общего круга лингвистических обусловлено положением имен собственных в языке. Собственные имена – часть языка, демонстрирующая наиболее парадоксальные ситуации, анализ которых должен способствовать возникновению новых, более углубленных общелингвистических концепций.

По мнению А.В. Суперанской, построение общей теории имени собственного – это «выявление общих закономерностей, присущих данной лексической категории, это поиски закономерных свойств имен (онома), независимо от языка, в котором они созданы или употребляются» [74, с. 6].

Ономастика возникла как прикладная наука, необходимая историкам, географам, этнографам, литературоведам, и не выходила за рамки «вспомогательной научной дисциплины», пока ею занимались представители этих специальностей. Когда к изучению данной проблематики подключились лингвисты, принесшие с собой методы структурного и семантического анализа, ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину, анализирующую ономастический материал лингвистическими методами.

Поскольку ономастика возникла «на стыке» наук, она отличается чрезвычайной комплексностью предмета исследования. Доминирует в ономастике лингвистический компонент не только потому, что каждое имя — это слово, развивающееся по законам языка, но и потому, что информация каждого имени «добывается» с помощью лингвистических средств.

Однако, если бы ономастика ограничивалась лишь лингвистическим компонентом, не было бы основания выделять её в особую дисциплину. Специфика изучаемого предмета состоит в том, что, лингвистический в своей основе, он включает также этнографический, исторический, географический, социологический, литературоведческий компоненты, которые помогают лингвисту выделять специфику именуемых объектов и традиции, связанные с их именованием. Кроме того, в ономастических исследованиях используются данные археологии, истории материальной и духовной культуры, биологии, теологии, философии, логики, психологии и т. д. Всё это выводит ономастическую проблематику за рамки одной лишь лингвистики и придает известную самостоятельность комплексу составляющих её компонентов.

Ономастика, или онимия, как совокупность имен разных типов, связана со всеми сферами человеческой жизни и деятельности. Везде, где требуется выделение для идентификации или индивидуализации, человек употребляет собственные имена как наиболее удобный способ обозначения объекта. Иные пути индивидуализации (числовое обозначение, система координат и описательная фраза) имеют ограниченное применение. Использование же собственных имен всеобщее, универсально.

Собственные имена — это индивидуальные обозначения, данные объектам, имеющим, кроме того, общие (родовые, видовые, подвидовые, а иногда еще и сортовые) наименования (*Марья Ивановна — человек, женщина, старуха, мырра; Юлия — человек, женщина, девушка, красавица*).

Основные отличительные признаки собственного имени:

- 1) оно дается индивидуальному объекту, а не классу объектов, имеющих черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс;

- 2) именуемый с помощью имени собственного объект всегда четко определен, ограничен, очерчен;
- 3) имя не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка четкой и однозначной коннотации [74, с. 324].

Эти признаки позволяют квалифицировать слова как онимы или апеллятивы (несобственные имена) даже в тех случаях, когда граница собственных и нарицательных имен размыта и неясна.

У собственных имен нет общего значения, так же как у нарицательных нет индивидуального. Превращаясь в индивидуальное (собака *Волк*, конь *Орел*), нарицательное теряет способность к обобщению и начинает индивидуализировать. Сохранение основой имени апеллятивного значения – это лишь частный случай, подчиняющийся общей закономерности, согласно которой лексическое значение именных основ редуцируется.

Имя собственное характеризуется повышенной предметностью, т. е. более тесной связью с именуемым им объектом (определенным и ясно очерченным), чем имя нарицательное, для понимания которого может быть достаточно абстрактной и неопределенной предметности (например, объяснение слов в энциклопедиях и толковых словарях). Собственное имя не мыслится вне связи с предметом. Ни одно имя не возникает просто так. Создавая имя, мыслят об определенном объекте, для которого оно предназначается.

Поскольку собственные имена лишь тогда осуществляют свою коммуникативную функцию, когда они связаны с денотатом и денотат этот известен участникам речевой ситуации, характеристика денотата приобретает чрезвычайно важное значение для ономастики. Специфика ономастики такова, что она не может ограничиваться одними лишь лингвистическими данными. В наиболее сложных случаях отнесение имени к нарицательному или собственному решается из анализа денотата (экстралингвистическая данность), а это можно сделать лишь привлекая материал той науки, к ведению которой он относится.

Каждая эпоха приносила с собой переосмысление имен, унаследованных от предыдущих эпох, в соответствии с духом и социальным кодом эпохи. В то же время во всех ономастических

преобразованиях имеется много параллельного, аналогичного, универсального. Универсален характер плана выражения.

Сравнительное изучение имен разных типов позволяет выявить специфические черты, свойственные всем или многим именам разных языков, и общие закономерности, в соответствии с которыми развиваются ономастические системы. Эти ономастические универсалии базируются на общих свойствах человеческого мышления – отбирать и закреплять в собственных именах типовые экстралингвистические явления, а также на том, что в любом языке представлены определенные, типичные значения и отношения, правда, выраженные в каждом языке своим особым способом (лингвистические универсалии).

Ввиду комплексности семантики имен собственных целесообразно при их анализе говорить не об их семантике в целом, а о различных типах заключенной в них информации. Языковая информация имени обычно не зависит от речевой ситуации. Она не полностью раскрывается перед рядовым человеком, говорящим на данном языке, и во всем своем объеме доступна лишь исследователю.

Проблема значения имени собственного – это центральная часть общей теории собственного имени.

К семантике собственных имен примыкают и такие проблемы, как структура образа в художественной литературе и фольклоре или общественно-историческая оценка отдельных личностей. В художественной литературе стилистически значимой оказывается и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация имени. Вплетаясь в единую художественную ткань произведения, они вносят дополнительные сведения, порой недоступные для понимания при первом прочтении произведения.

Особое положение имен собственных в языке, их тесная связь с именуемыми объектами, а через них с членением человеком наблюдаемого мира – все это издавна привлекало к себе внимание философов и логиков. От античных теорий через средневековую теологию к учениям новых времен прослеживаются такие категории, как *lexis* и *logos*, *nomina propria* и *nomina appellativa*, универсалии (тотали) и индивидуальные обозначения, при этом они преобразовываются в зависимости от взглядов исследователей и уровня современной

им науки. С именами Аристотеля, Гоббса, Лейбница связано развитие тех категорий и отношений, с помощью которых классифицируются явления действительности. К Гоббсу и Лейбницу восходят современные основы классификации и логического деления (и в частности дихотомии), зародившиеся ещё в трудах средневековых схоластов. На труды Гоббса и Лейбница, сформулировавших теорию знаков, опирался логик Дж. С. Милл, концепция которого в той или иной степени повлияла на все позднейшие лингвистические теории имени собственного [74, с. 328–329].

В настоящее время ономастика вполне сложилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина. Она имеет ясно очерченный круг проблем, относящихся к её ведению; методы ономастических исследований продолжают совершенствоваться. Помимо сбора, записи и систематизации ономастических материалов, в задачи ономастов входят структурные и типологические исследования имен, реконструкции более древнего состояния ономастических систем, анализ механизмов их преобразования и многое другое. Все это выводит ономастику далеко за рамки «вспомогательной» и превращает в самостоятельную лингвистическую дисциплину, несколько обособленную от общей лингвистики благодаря повышенной денотативной связи собственных имен.

1.2. Место ономастики среди других наук

Ономастика и лингвистика

Взаимоотношение ономастики и лингвистики может быть охарактеризовано как отношение части и целого. Ономастика — часть лингвистики, но часть, «не вполне укладывающаяся» в рамки целого.

Выход за пределы лингвистики осуществляется за счет экстралингвистических компонентов ономастики, которые для неё обязательны.

Преобладает изучение ономастического материала лингвистическими методами: установление языковой принадлежности имен, выявление фонетических и фонематических закономер-

ностей, морфологических чередований, структурных типов и т. д. Важное значение имеет текстологический анализ письменных памятников, атрибуция их к определенной эпохе и диалекту, выявление разнописаний, отнесение их к формам достоверным и ошибочным, определение языковых влияний, которым подвергался пишущий, и т. д.

При экстралингвистическом анализе ономастического материала изучают историю возникновения объектов, изменение их названий, перенесение названий известных объектов на другие, хронологию географических открытий и передвижения племен и народов и т. д.

Все эти изыскания, основные для историков или географов, являются для ономастики вспомогательными – они способствуют выяснению причин возникновения и смены имен, тенденций именуемых и традиций, связанных с присвоением имен.

В лингвистике собственные имена могут изучаться вместе (параллельно) с нарицательными, тогда между ними может и не делаться принципиальной разницы, и одни и те же явления (фонетические, грамматические) могут проследиваться на тех и других. Может быть анализ отдельно собственных и отдельно нарицательных имен с выявлением их различий (фонетических, фонологических, грамматических и т. д.).

По мнению А.В. Суперанской, в наибольшей степени можно обнаружить сближение ономастики с такой частью лингвистики, как терминология (терминоведение) [74, с. 13]. Последняя, как и ономастика, будучи «частью» лингвистики, также не полностью «укладывается» в отведенные ей языковые рамки. Как и онимы, многие термины активно употребляются лишь узким кругом специалистов, и установление их лингвистического статуса как слов невозможно без участия специалистов тех отраслей, к которым эти термины относятся.

Термин – всегда член какой-нибудь терминологии, в пределах которой он однозначен, как и имя собственное – всегда достояние какого-нибудь коллектива, внутри которого понятна не только его объективно-номинативная связь, но и связанная с ним информация. Подобно тому, как для правильного понимания содержания

какого-нибудь термина бывает необходимо понять всю теорию, для понимания роли какого-либо имени в обществе необходимо изучить историю этого общества и связи именуемого объекта с другими. Поэтому характер работы терминоведа и ономаста имеет много общего: первый выявляет терминологические элементы, второй – лексемы-наполнители именных моделей, оба анализируют словообразовательные средства, но терминологист соотносит терминологические элементы с понятиями, а ономаст – топо- и антропоэлементы с объектами.

Ономастика и исторические науки

Способ именования, образ, положенный в основу имени, весьма индивидуален у каждого народа. Несмотря на то что в образности имен отмечается типичность и усматриваются антропологические универсалии, применение этого типичного и универсального определяется особенностями индивидуального развития народа. Чем примитивнее культура народа, тем больше самобытных этнографических черт он хранит и живее связь его со спецификой быта и обрядов. Имена (и особенно прозвища) в живой разговорной речи тесно связаны с реалиями, традициями, религией, мирозерцанием и т. п., свойственными определенному народу, а все это как раз и составляет область интересов этнографии как одной из исторических наук.

Решение серьезного историко-этнографического вопроса – о народах, исчезнувших с исторической арены или переселившихся в другие, отдаленные районы, связано с ономастикой. Ономастические же данные помогают этнографу установить границы былого расселения этнической общности, датировать памятники материальной и духовной культуры.

Наибольший интерес представляют те археологические находки, которые содержат фрагменты какой-либо письменности. При этом особенно часто в обнаруженных археологами текстах встречаются собственные имена. Остатки древнейших ономастических систем хранят черты исчезнувших языков и делают возможной хотя бы частичную реконструкцию их. Благодаря собственным именам были прочтены египетские иероглифы и вавилонская клинопись, памятники хеттского языка, языка майя и др.

Таким образом, археологи, добывая материалы по материальной культуре, получают в то же время и материалы для языковых анализов и даже для дешифровки. Ономастика же здесь оказывается ведущей, помогая и датировке, и идентификации культур, и разгадке неясных фрагментов текста.

Для древнейшей истории особенно важен анализ родовых имен. Он может дать информацию о происхождении отдельных племен и об их родстве с другими племенами. Для истории последующих периодов бóльший интерес представляют географические названия, которые отражают расселение народов и взаимопроникновение этнических групп.

Летописи, буллы, разрядные и писцовые книги и т. п., служащие важными документами для изучения древней и новой истории, оказываются в то же время неисчерпаемыми источниками для ономастических исследований.

Генеалогия (историческая дисциплина, изучающая родственные связи отдельных лиц и историю различных семей), сфрагистика (вспомогательная историческая дисциплина, анализирующая печати), нумизматика (историческая дисциплина, анализирующая древние монеты) теснейшим образом связаны с ономастикой, поскольку в надписях и документах, привлекаемых к изучению всеми этими дисциплинами, основное место принадлежит собственным именам (антропонимам и топонимам).

Родословные росписи и генеалогические таблицы и справочники, материалы переписей и различные списки (сотрудников или выпускников каких-либо учреждений и учебных заведений, послов, награжденных и т. п.), составленные в различные эпохи, представляют ценный материал и для историка, и для ономатолога.

Ономастика и социология

Язык имеет общие психологические, физиологические, анатомические предпосылки своего развития; но единственным переменным элементом, наличие которого может объяснить изменение языка, являются изменения в структуре общества. Таким образом, возможность и необходимость языковых изменений вытекает из

социального характера языкового знака, но это же создает и его традиционность и косность.

Онимы в большей степени, чем апеллятивы, реагируют на всевозможные общественные изменения. В имени всегда, независимо от воли называющих, отражаются культура и социальная жизнь общества. В связи с этим ономастические исследования помогают вскрывать социальные процессы и ономастика должна занять важное место в социологических трудах.

Состав имен, бытующих в обществе в тот или иной период, характеризует «лицо» общества.

«Выполняя ряд социальных функций, имя живет и развивается по законам языка, хотя причины, стимулирующие развитие именных систем, по своему происхождению социальны, т. е. лежат вне сферы действия лингвистики» [74, с. 26]. Даже форма имени – структурный компонент ономастики – зачастую обуславливается социальными факторами. Это наиболее ясно может быть показано на материале названий учреждений, своеобразных для каждой эпохи. Антропонимия же или топонимия оказываются более консервативными, хотя в некоторой степени социальный фактор касается и их.

Ономастика и география

Связь ономастики и географии необычайно тесна, хотя предметы исследования обеих наук достаточно далеки.

Специальное филологическое исследование географической номенклатуры оказывает значительную услугу географической науке, способствуя выяснению этимологии названий, помогая выработать оптимальные правила орфографии собственных имен и давая ценные сведения для истории географических знаний.

В XX веке во многих странах были образованы специальные бюро по транскрипции географических названий. Проблемам транскрипции был посвящен Международный конгресс ономастических наук (София, 1972).

Взаимоотношение литературных и диалектных, современных и исторически отдаленных вариантов географических названий заслуживает внимания и филологов, и географов. Филологам сопоставительный анализ различных форм одних и тех же названий

позволяет выявить ряд языковых закономерностей. Географам он позволяет установить «правильную» форму названий.

Большую ономастическую проблему, разрабатываемую и географами, и филологами, представляет изучение компонентов, из которых состоят топонимы, выделение их наиболее частотных элементов — топонимических терминов и формантов.

Пространственным размещением языковых явлений определенных хронологических уровней и передвижением этих явлений в пространстве занимается лингвистическая география.

Лингвистическая география (как и ономастические исследования, направленные на выявление ареалов определенных ономастических явлений) способствует проникновению в глубь истории, выявлению былых мест поселения тех или иных племен, но ономастика дает более глубокое проникновение благодаря особенностям самих имен, их индивидуальности и концентрации в них большого исторического потенциала.

Ономастика и литературоведение

Литературоведы уделяют значительное внимание собственным именам в творчестве отдельных писателей.

Специальные ономастические исследования имен в художественных произведениях могут дать многое и литературоведам, и лингвистам.

Эволюция антропонимии в литературе — это процесс широкий, связанный с эволюцией социальных условий, политических направлений и т. п. Параллельно ему в творчестве каждого автора происходит процесс изменения его отношения к описываемым событиям, эволюция образов, а вместе с тем и имен его персонажей. Иногда имена в литературном произведении служат созданию «эзопова языка».

Особую проблему в литературоведении составляют совпадающие имена в произведениях различных авторов и имена, повторяющиеся в разных произведениях одного автора. Например, имя *Лиза* в ряде произведений Достоевского свидетельствует об идейной связи их с «Пиковой дамой» Пушкина.

Транспонирование сюжетного положения, взятого у другого автора, перенесение его в другую обстановку и социальную среду настолько велики, что без «наводящей» (А.А. Реформатский) роли собственных имен все это было бы трудно вскрыть.

Таким образом, ономастика как особая лингвистическая дисциплина оказывается связанной с комплексом гуманитарных наук, а также с науками о Земле и Вселенной. Все они, помогая выявить специфику именуемых объектов, а вместе с тем и статус имени, оказываются вспомогательными для лингвистики, методами которой проводятся ономастические исследования. В то же время лингвистика оказывается вспомогательной, прикладной дисциплиной для историков, географов, литературоведов, археологов и пр., помогая извлекать из анализируемых имен неязыковую (историческую, географическую и т. д.) информацию.

1.3. История изучения собственных имен

Особое положение собственных имен в языке и их отличие от нарицательных отмечалось исследователями с древнейших времен. Попытки теоретически обосновать эти различия столь же стары, но задача и по сей день далека от решения.

Противоречия начинаются с термина «имя собственное» – русская калька с лат. *nomen proprium* (ср. нем. *Eigenname*, фр. *nom propre*, англ. *proper name*). В латыни этот термин калькирован с греч. ὄνομα κύριον.

Термин ὄνομα у греков мог обозначать и нарицательные имена (у Платона и Аристотеля), и собственные (у Ксенофонта). Категории ὄνομα κύριον греки противопоставляли προσήγορία – общие, или нарицательные, имена. Однако Аристотель и Плутарх употребляли этот термин в значении «прозвище», равно лат. *cognomen*.

Стоик Хрисипп, подчеркивая различие имен собственных и нарицательных, называл первые просто ὄνομα, а позднейшие грамматики – ὄνομα κύριον, подразумевая, что категория προσήγορία также включается в класс ὄνομα на правах имен, не столь истинных.

Неустойчивость греческой терминологии и понятий, закрепленных за перечисленными терминами, проникла и в позднейшие

европейские грамматики, затемняя суть явлений, обозначаемых указанными терминами.

Самой трудной задачей оказалось определить своеобразие значения имени собственного.

В XIX веке эта проблема воспринималась не столько как лингвистическая, сколько как логическая, поэтому её исследователями были преимущественно логики и философы.

Много усилий её разрешению посвятил крупный английский логик Джон Стюарт Милль (1806–1873). Он приходил к выводу, что собственные имена не обладают значением, они – своеобразные ярлыки, или метки (вроде крестика), помогающие узнавать предметы и отличать их друг от друга. С именем-меткой не связывается характеристика названной вещи, они не «коннотируют» (не обозначают, не описывают её), а лишь «денотируют», или называют, её. Милль предполагал, что «коннотирующие имена появились после собственных» [10, с. 11].

Другой английский логик Х. Джозеф, не соглашаясь с Миллем, отказывавшим собственным именам в семантике, высказывал прямо противоположное мнение: он не только допускал наличие у собственного имени значения, но находил, что «собственное имя имеет даже больше значения, чем нарицательное», например во фразе «Паликур за бортом» (спутник Энея) по сравнению с выражением «Человек за бортом!».

В XX веке логическую концепцию имен собственных развивал знаменитый английский логик и философ Бертран Рассел (1872–1970). По его мнению, все то, что обозначается в пространстве-времени собственными именами, вполне может быть обозначено с помощью системы координат, причем обозначено точнее, научнее. Но для повседневного, в известной мере «примитивного» общения удобнее собственные имена, этим и оправдано их существование в языке. Б. Рассел заметил определенное сходство собственного имени с указательными местоимениями (*то, это, тот* и т. п.).

Датский лингвист Пауль Кристоферсен разницу между именами нарицательными и собственными видел в том, что первые абстрактны, вторые конкретны. Собственное имя является прямым наименованием индивида, нарицательное – непрямым. Нарича-

тельное сначала называет класс, в который входит данный индивид, а уже потом — индивида.

Важной вехой в изучении имени собственного стал труд английского лингвиста Алана Гардинера «Теория имен собственных» (1954).

Принимая основной тезис Милля об отсутствии у имен собственных значения, А. Гардинер уточняет и развивает его трактовку. «Собственное имя — это слово или группа слов, специфическим назначением которых признается отождествление и которые выполняют, или имеют тенденцию выполнять, это назначение исключительно посредством различительного звука (звукового облика слова), независимо от какого-либо значения, присущего этому звуку с самого начала или приобретаемого им в результате ассоциации с объектом или объектами, отождествленными посредством этого звука» [10, с. 12].

Интересна мысль Гардинера о «воплощенных» и «развоплощенных» собственных именах. Воплощенные, или «телесные», — это имена, прикрепленные к определенным лицам, местностям и т. д. (типа *Вильям Шекспир*, река *Темза*). Развоплощенные, или «бестелесные», — это те же самые слова-имена, но рассматриваемые вне связи с конкретными лицами или топообъектами (*Вильям* как личное имя вообще, например, в словаре английских антропонимов).

Тезис Дж. Милля о том, что «у собственного имени нет решительно никакого значения», который поддержали лингвисты В. Брёндаль, Э. Бойссенс, Л. Ельмслев и ряд других ученых, привел современного датского языковеда Кнуда Тогебю к выводу о том, что имена собственные (а также местоимения), будучи лишены семантического содержания (с «нулевым корнем»), являются синонимами. Это обстоятельство, по его мнению, служит причиной того, что один индивид может иметь несколько разных имен, а несколько — одно имя (тезки, однофамильцы).

Противоположный взгляд на имена собственные как на слова, обладающие большим, чем нарицательные, значением, высказанный ещё древнегреческими философами-стоиками и поддержанный в XIX в. Х. Джозефом, современником Дж. Ст. Милля, в XX веке отстаивали О. Есперсен, М. Бреаль и др. Есперсен писал:

«Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени, и очень мало занимались его контекстуальным значением в той конкретной ситуации, в какой оно произносится или пишется» [10, с. 14].

Подводя итоги этому далеко не полному перечню точек зрения на имя собственное, обратим внимание на то, что большинство теорий принадлежат логикам. Но логики не располагали достаточным языковым материалом. Примеры, которыми они оперировали, были в достаточной мере случайными. Лингвисты, оперировавшие конкретным языковым материалом, зачастую не имели возможности абстрагироваться от частностей изучаемого языка, от специфики его форм, что в значительной мере обесценивало их теоретические выводы. Например, определения имени собственного как категории, не имеющей артикля в единственном числе (Бертельсен), или как некоторого «икса», для которого создается формула, включающая артикль (Сёренсен), показывают, что языки, не имеющие категории артикля, их авторами игнорировались [74, с. 88].

Расширение фронта специальных ономастических работ в XX веке, привлечение нового научного материала имеет своим непосредственным следствием потребность в обновленных общих ономастических теориях.

1.4. Статус имени собственного

Вопрос о том, какое слово или словосочетание, часть речи или фраза способны быть собственным именем, тесно связан с проблемой, какой объект (человек, местность, вещь, идея и т. п.) может зваться именем собственным, т. е. с вопросом о границах ономастической номинации.

Из всего комплекса окружающих нас предметов, действий, качеств, свойств, отношений лишь предметы могут иметь собственные имена, и чем реальнее и конкретнее предмет, тем выше его способность иметь собственное имя. Если отдельные идеи, акустические и зрительные образы воспринимаются предметно, они могут получить собственное имя.

Вопрос о языковых единицах, способных участвовать в ономастической номинации, связан с проблемой, считать ли саму эту способность сущностью или особой функцией слова. Наличие имен собственных, омонимичных нарицательным, иногда воспринимается как специфическое функционирование одних и тех же единиц в разных условиях (ср. *много львов, город львов* и *город Львов, предгорный ландшафт* и *санаторий «Предгорный»*). Если бы имя собственное было грамматической категорией, такой подход к решению проблемы имел бы некоторые оправдания. Но имя собственное – категория лексическая, а не грамматическая, и грамматических оснований выделения его из категории имени вообще слишком мало, чтобы опираться на них. Имя собственное отличается от нарицательного объемом и характером заключенной в нем информации, а также спецификой лексических парадигм.

Становясь собственным, имя порывает с классом и начинает обозначать единицу не столько в соответствии, сколько вопреки первоначальной семантике апеллятива. Быть собственным именем – это свойство определенной лексической единицы, а не её функция. Поэтому едва ли справедливо говорить о том, что слово может одновременно быть и собственным, и нарицательным.

Какие же лексические категории обладают свойством быть собственными именами?

Восприятие незнакомых человеку и не вызывающих у него никаких ассоциаций слов как собственных имен может быть легко подтверждено материалом тестов на свободное восприятие слов. Возможно, положение это имеет психолингвистические основания. Во всяком случае эта сторона вопроса пока что недостаточно изучена и нуждается в дополнительных исследованиях. Легкость превращения в собственное имя почти любого комплекса, значение которого непонятно в данном языке, подтверждается тем, что в истории географических открытий есть немало случаев, когда на карты в качестве названий географических объектов попадали фразы типа «я не понимаю» на языке аборигенов. Например, и остров и животное *кенгуру* означает «я не понимаю» на языке австралийцев.

Какие части речи участвуют в формировании имен собственных, во многом зависит от свойств языка. Например, в арабской

ономастике, помимо существительных, для именованя индивидуальных объектов служат прилагательные в положительной и превосходной степени, а также глаголы и глагольные фразы. Ср. личное имя *Šammar* – «подпоясался», или имя-фраза *Abi-Yathn'a* – «моему отцу помогли» [74, с. 108].

Однако предметность как основное свойство категории собственных имен требует от слов, относящихся к ней, субстантивности. Поэтому при широких возможностях различных частей речи быть собственными именами лучшие «кандидаты» в имена собственные – существительные. А не-существительные (слова и даже фразы) – стремятся к субстантивации. Например, у Лескова («Соборяне»): собака, именуемая *Как Вас...?*, превращается в *Какваску* по модели, «заданной» именем.

Полная субстантивация меняет словоизменительную и словообразовательную парадигму слова, а вместе с тем и его морфологическую и синтаксическую валентность.

Сложнее обстоит дело с названиями-фразами, в которых содержатся не вполне обычные для именованя слова: кот *Руб-Семь-Гривен*, прозвище человека *Два-с-Полтиной*, *Хлеб-с-Маслом*. Как утверждает А.В. Суперанская, в том случае, «если каждый склоняемый элемент подобного сочетания склоняется по парадигме, которая присуща ему в отдельном, самостоятельном употреблении: *Руба-Семи-Гривна*, *Рубу-Семи-Гривну* (кот А.А. Реформатского), то трудно говорить о субстантивации всего сочетания в целом. Если склоняется последний компонент, а первые, как бы инкорпорируясь, не склоняются: *Руб-Семь-Гривна*, *Руб-Семь-Гривну*, то можно считать, что субстантивация произошла полностью» [74, с. 110].

В современной теории признается, что значение слова – это то его содержание, которое приблизительно одинаково понимается и говорящим и слушающим и включает в свой состав три типа отношений: 1) денотативное (отношение значения слова к предмету: от лат. *denotatare* – «отличать, обозначать»), 2) сигнификативное (отношение к понятию, лат. *significare* – «обнаруживать, давать знать»), 3) структурное (отношение значения слова, а также всего слова к другим словам данного языка) [10, с. 21].

Имя собственное, будучи единицей языка – словом или функционально сходным с ним словосочетанием, обладает всеми названными типами отношений, однако их качество в собственном имени несколько своеобразно по сравнению с соответствующими компонентами значения нарицательных слов, что и обеспечивает собственным именам языково-речевую специфику и объединяет их в особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка.

Собственные имена – это единицы языка-речи, служащие для *подчеркнуто конкретного названия отдельных предметов действительности* и вследствие такой специализации *выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и функционировании*.

Назначение нарицательного – выражать понятие об определенном классе предметов и называть один или несколько конкретных предметов этого класса. Назначение имени собственного – называть определенный предмет, соотнося его с классом однотипных или родственных предметов. У нарицательного слова на первом плане – выражение понятия, на втором – обозначение предмета, у собственного имени на первом плане – *выделение* предмета, на втором – соотнесенность предмета с ему подобными. Для нарицательного имени обязательно обозначение понятия и факультативно название конкретного предмета, для имени собственного обязательно название конкретного предмета и факультативна его (предмета) понятийная соотнесенность.

1.5. Границы ономастической лексики

Апеллятив и его онимизация

Все современные грамматики русского языка, включая и самую последнюю – «Русскую грамматику» (1980), – традиционно противопоставляют имена нарицательные (или нарицательные существительные) именам собственным (или собственным существительным), проводя такое разграничение лишь в классе существительных.

Процессы перехода апеллятивной лексики в онимическую и онимической в апеллятивную непрерывны, поэтому невозможно точно установить в каждый данный отрезок времени объем той и другой. Имя собственное по диапазону используемых лексем значительно шире класса имен существительных нарицательных. Одно и то же слово и сочетание слов может быть и именем собственным, и апеллятивом: *береза* – село *Береза*, *белый волк* – Павел Семенович *Белый Волк* Кислеевский (XV в.).

На основе анализа приведенных примеров становится очевидным, что граница имен собственных и нарицательных проходит не внутри класса имен существительных (существительные нарицательные – существительные собственные), как это считают многие исследователи, но за пределами этого класса. Именно поэтому вводится термин апеллятив как обозначающий любое «несобственное слово», не обязательно имя существительное, поскольку имена собственные могут быть образованы практически от любой части речи, при этом иной раз без всякой деривации. В результате этого могут быть имена собственные, омонимичные любой части речи, и все эти несобственные имена будут апеллятивами по отношению к соответствующим им собственным именам. Ср. такие пары, как *клякса* (сущ. «чернильное пятно») и *Клякса* (кличка собаки), *привольное* (прил. «хорошее, легкое, свободное») и *Привольное* (название поселка), *вперед* (наречие со значением направления движения) и «*Вперед*» (название газеты) *сорок пять* (числительное) и «*Сорок пять*» (название романа А. Дюма), *ведь* (частица) и *Ведь* (фамилия), *что, где, когда* – вопросительные местоимения и «*Что, где, когда?*» – название телепередачи [79, с. 38].

Следует отметить, что все несуществительные, перейдя в класс собственных имен, подвергаются субстантивации, что выражается в их словообразовании, словоизменении и функционировании в предложении. Так, многие из глагольных образований начинают в русском языке склоняться: позвать *Догоняя*. От них образуются производные, типичные для данного лексического класса, например, люди, выпускавшие газету «Вперед» или группировавшиеся вокруг неё, именовались *впередовцы* – образование, совершенно невозможное от наречия. В предложении они употребляются

в качестве подлежащего, дополнения, обстоятельства места, могут принимать вид определения и встречаются в сочетаниях с такими словами, с которыми это невозможно в апеллятивном употреблении: бедный *Ау*, дрейфующий «*Стерегающий*», на «*Стерегащем*» переполох, в *Привольном* новый учитель, *Нелено* бодро отрапортовал, от *Ведя* никаких известий, *Догоняй* устремился вперед.

Кроме того, категория апеллятивов существует лишь для «прозрачных» омонимов. Такие имена, как *Александр*, *Волга*, *Тюмень*, в русском языке не имеют омонимичных апеллятивов и воспринимаются только как существительные собственные.

Таким образом, чем менее понятен в русском языке состав какого-либо слова, тем более вероятно восприятие его как имени собственного [85].

Соотносящееся с апеллятивом данного языка имя собственное может быть чистой основой (фамилии *Пруд*, *Ряб*), может включать разнообразные форманты (фамилии *Запрудный*, *Рябенский*), может быть сложным словом (*Рябокляча*), сложением с аффиксацией (*Белопрудский*). При этом имя полностью или частично совпадает с апеллятивом.

Если в данном языке используются заимствованные имена, их апеллятивы обычно остаются в языках-источниках. Например, широко распространенное в нашей стране имя *Георгий* заимствовано из греч. Γεωργός (от γεωργός «землепашец»), но слова *георгос* мы не заимствовали. И это справедливо для большинства заимствованных личных имен. Однако апеллятив любого заимствованного имени может быть заимствован в язык-приемник. Обычно это происходит вне зависимости и вне временной связи с заимствованием онима. Таковы, например, апеллятивные основы имен *Виктория*, *Лев*, *Лавр*. Однако апеллятивы заимствованных имен в языке-приемнике чаще отсутствуют.

Как известно, онимы стремятся отмежеваться от своих апеллятивов (разное склонение слов *любовь* и *Любовь*, различия в производных от слов *лев* и *Лев*, *крокодил* и «*Крокодил*» и т. д.). Однако можно отметить и противоположно направленный процесс, когда привнесенные в данный язык онимы сближаются с его лексикой, например, усеченные и сокращенные формы русских календар-

ных имен, в особенности в народных говорах, стремятся обрести связь с именами нарицательными: ср. *Перя* (Порфирий) и *перо, перья*; *Костя* (Константин) и *кость, кости*. При образовании фамилий от подобных сокращенных имен: *Пеньков, Хорьков, Палкин, Костин*, создается впечатление, что они восходят к апеллятивам *пенёк, хорёк, палка, кость* и т. п., а не к именам *Пантелеймон, Харитон, Павел, Константин* [79, с. 41]. Следовательно, перечисленные апеллятивы по отношению к данным именам и фамилиям оказываются мнимыми. Очевидно, мнимые апеллятивы имеются и в составе географических названий.

В состав топонимов любой территории входят элементы различных языков и эпох: от древнейших до самых новых, при этом выделяются ключевые слова, или «индикаторы», т. е. этнически дифференцирующие топо-форманты. К их числу можно отнести топонимические апеллятивы, нередко именуемые местными географическими терминами.

Топонимические апеллятивы образуют более или менее компактную группу слов, поддающихся учету и классификации. Они, подобно названиям профессий, чинов, занятий и т. п. слов, сопровождающих антропонимы и вовлекающихся в антропонимический ряд, часто сопровождают топонимы и втягиваются в их состав, при этом один и тот же апеллятив может формировать названия объектов разных категорий (ср. *соленое озеро*, озеро *Соленое*, станция *Соленое Озеро*; *черный яр*, село *Черный Яр*, река *Яр под Зайчиком*).

Топонимические апеллятивы составляют одну из категорий слов, достаточно легко онимизирующихся. В таких случаях они теряют свое основное лексическое значение и становятся онимическими основами, которые уравниваются внутри топонимов с основами иных типов (онимическими и пр.).

Имена, образованные от типовых основ, составляют некоторый онимический массив. Прочие имена восходят либо к основам, случайно вовлеченным в онимический ряд, либо к типовым основам другого языка, откуда они были заимствованы. Но не все они восходят непосредственно к апеллятивам.

Онимизация апеллятива — это древнейший способ создания собственных имен. Порывая с классом апеллятивов, такие имена в

дальнейшем подвергались своим собственным, онимическим перестройкам (деривация). Возникая для обозначения одного объекта, имя нередко переходило на иной объект (трансонимизация).

Апеллятивация

В противоположность онимизации апеллятива, т. е. перехода его в онимический ряд без специальной онимической деривации, в языке происходит также процесс апеллятивации имен собственных, их деонимизация. Например, это могут быть термины или номенклатурные обозначения различных областей знания: *рентген* – *рентгеновы лучи*, *рентгенография*, *рентгеноскопия* (немецкий физик Рентген), *гжель* – белая фаянсовая посуда с синим рисунком (Гжель – густонаселенная местность в Подмосковной Мещере), *болонья* – тонкая водоотталкивающая ткань (Болонья – город в Италии) и т. п.

Часто в результате апеллятивации имени собственного новое нарицательное имя переходит в общую лексику. Это сопровождается обычно значительными лексико-семантическими изменениями. Нередко в процессе апеллятивации оно проходит через несколько различных подсистем. При этом практика употребления игнорирует имена собственные, от которых образовались нарицательные. Например, *армянский коньяк* (ср. Коньяк – название городка во Франции), *ленинградский шевит* (ср. Шевит – название гор в Англии).

Деонимизация может происходить естественным путем. Тогда она протекает постепенно и может быть неполной. Например, *Ева*: 1) женское имя; 2) переносно: соблазнительница; *Соломон*: 1) мужское имя; 2) мудрый человек; *Вавилон*: 1) древний город в Месопотамии; 2) переносно: неразбериха, шум, гам, сумятица. В перечисленных случаях имена неполностью апеллятивировались. Первое и основное назначение их «быть собственным именем» осталось, о чем говорит и начальная прописная буква.

В случаях *гжель*, *палех* происходит полный разрыв значений первичного и вторичного, слово уходит в другой именной ряд (сортовых обозначений), превращаясь в омоним исходного (топонима).

Примером мгновенного и искусственного перевода собственного имени (фамилии космонавта Леонова) в разряд специальной

(космической) лексики было образование от него, правда с помощью деривации, глаголов *леонировать*, *леонизировать* и существительного *парлеон* от основ *парить* + *Леонов*.

Для людей разных стран и разных культур может быть своя национальная специфика в наборе имен и свои пути их апелляции. Самое распространенное в прошлом в Англии имя *Jack* постепенно стало обозначать любого мужчину, особенно слугу, крестьянина, матроса. Именем *Hans* англичане обозначают немца или датчанина, а немцы — мужчину, крестьянина, слугу, человека с нелестными характеристиками, например глупого. Наиболее популярные женские имена — англ. *Gill*, нем. *Grete*, *Metze* апеллятивно обозначают любую женщину, крестьянскую девушку, служанку, возлюбленную, характерологически *Grete* — глупая ленивая девица, *Metze* — проститутка. Такое употребление прослеживается по крайней мере с конца Средневековья [79, с. 45].

Имя человека, широко известного благодаря какой-либо черте внешности или характера, легко переносится на других людей, обладающих теми же чертами, при этом не подвергаясь полной апелляции. Так, широко известное имя *Нерон* стало обозначать тирана вообще. По аналогии король Дании Кристиан II получил прозвание *Северный Нерон*. Имя *Зоил* (злбный критик Гомера и Платона) стало обозначать злбного критика вообще, откуда англ. *zoilism*.

Для Нового времени характерен массовый переход уменьшительных форм личных имен в сферу нарицательной лексики, подготовленный в сфере фольклора, ср.: хороша *Маша*, да не наша (при этом *Маша* может быть и неодушевленным предметом); стоит на горке в красной шапке *Егорка* (гриб) и т. п., — он закрепляется в народных названиях растений (*ромашка*), игрушек (*ванька-встанька*, *матрешка* и т. п.), ср. англ. *jack-rabbit* «большой американский заяц», *jack-snipe* «бекас», *tom-cat* «кот самец» и т. п.

Английский язык шагнул в этом отношении ещё дальше. В нем в XIX–XX веках сокращенные формы имен переносятся в технику, становясь элементами технического просторечия: ср. *Jack* — уменьш. от Джон (John); *jack* «парень», «поденщик», «матрос»; *jack* «флаг», «домкрат», «рычаг», «пружинный переключатель», «ручной

пневматический молот»; *jack-knife* — «большой складной нож»; *Billy* — уменьш. от Вильям (William), *billy* «товарищ, приятель», «подходный котелок»; *billy-boy* «одномачтовая шхуна» и т. п. [79, с. 46].

В области специальной лексики собственные имена находятся вне эмоций. Будучи переведенным из пассивного запаса в активный, имя обретает стилистические возможности и эмоционально-оценочные характеристики. Но оно отрывается от своего основного назначения — идентифицировать лицо в коллективе или точку на земном шаре. Во фразе: в помещении было так тесно, словно туда набилось пол-Нью-Йорка, — слово *Нью-Йорк* обозначает не столицу США и не точку на северо-востоке этой страны, а лишь обилие народа, для размещения которого потребовалась бы, по крайней мере, половина большого города.

Ласкательные формы имен — *Сашенька*, *Машенька* — достояние бытовых ситуаций, где важно не идентифицировать личность (она и без того тут присутствует и ни в какой идентификации не нуждается), а показать отношение к ней.

1.6. Ономастическое пространство: объем и содержание

Всё многообразие мира вещей реальных, мнимых и гипотетических составляет то первичное, данное извне или созданное человеком, для обозначения чего необходимы названия: нарицательные (как обобщающие) и собственные (как выделяющие индивидуальные предметы) заслуживающие особо пристального внимания человека.

Окружающая нас Вселенная составляет мировую субстанцию. Бесконечный для познания мир может быть назван Абсолютной Вселенной, а та область её, которая доступна людям, — Вселенной «для нас».

Первая известная классификация реалий — всех вещей, способных иметь имена, — принадлежит Аристотелю. Им были выделены 10 категорий, или предикаментов, среди них: *Substantia*, *Quantitas*, *Qualitas*, *Actio* и пр. Рассматривая эти категории, Дж. Ст. Милль (1865) отмечал непоследовательность их, поскольку одни вещи

(умственные и психические восприятия и проявления) в них пропущены, а другие допускают возможность включения в разные рубрики. Предлагая свою классификацию, Дж. Ст. Милль прежде всего выделял вещи существующие и несуществующие.

Анализ вещей реальных и мнимых смыкается с анализом слов, существующих для их обозначения.

Ономастическое (В.Н. Топоров – топономастическое) пространство создается на основе реальной, вымышленной и гипотетической Вселенной «для нас» так же выборочно, как избирательно и наименование предметов реального мира. Естественно, что наиболее расчлененная часть словесной субстанции соотносится с кругом предметов, наиболее близких и необходимых человеку.

Соотношение понятий Абсолютной Вселенной, Вселенной «для нас», словесной субстанции имен нарицательных и ономастического пространства показано А.В. Суперанской в общих упрощенных чертах в табл. 1 [74, с. 140].

Таблица 1

Объекты и слова, их обозначающие (по А.В. Суперанской)

Объекты		Имена нарицательные		Имена собственные
		<i>Бытовые слова</i>	<i>Научные термины</i>	
Реально существующие объекты	Люди	Обозначения людей в связи с их различными характеристиками	Антропологические, этнографические, биологические, социологические	Антропонимы
	Животные	Народные названия животных	Биологические, зоологические	Зоонимы
	Растения	Народные названия растений	Ботанические	Фитонимы
	Географические объекты	Общепринятые обозначения форм рельефа, водных объектов, поселений и т. п.	Географические, геологические, топографические, гидрологические	Топонимы (оронимы, гидронимы, ойконимы, урбанонимы, дромонимы и др.)
	Явления природы	Обозначения явлений природы	Метеорологические, фенологические	Собственные имена ветров, сезонов, стихийных бедствий и т. п.
	Зоны космического пространства, небесные тела и их части	Общепринятые обозначения частей небосвода и небесных тел	Астрономические, астрофизические, астроботанические	Космонимы, астронимы, астротопонимы

Объекты	Имена нарицательные		Имена собственные
	<i>Бытовые слова</i>	<i>Научные термины</i>	
Точки и отрезки времени	Общепринятые обозначения времени	Физические, исторические	Хрононимы
Праздники	Общепринятые обозначения праздников	Социальные, исторические	Собственные имена отдельных праздников
Мероприятия, кампании	Общие обозначения категорий мероприятий	Социальные, экономические, политические, исторические	Собственные имена отдельных мероприятий, кампаний и т. п.
Учреждения, предприятия, общества	Общие обозначения разновидностей предприятий, обществ и т. п.	Социальные, экономические, политические и др.	Собственные имена – названия учреждений, предприятий, обществ и т. д.
Средства передвижения	Общие обозначения транспортных средств	Технические, производственные, транспортно-экономические	Собственные имена пароходов, самолетов, экспрессов и т. п.
Произведения искусства	Общие обозначения видов произведений искусства	Литературоведческие, искусствоведческие, музыковедческие	Собственные имена – названия литературных, музыкальных, сценических, кинематографических, живописных, скульптурных и т. п. произведений
Периодические издания	Общие обозначения типов периодических изданий	Полиграфические, общественно-политические, литературоведческие	Наименования органов периодической печати
Документы, законы	Общие обозначения документов и их видов	Социальные, политические, экономические, исторические	Документонимы
Различные предметы, оружие	Общие обозначения различных предметов	Ремесленные, промышленные, торговые	Хремотонимы
Товары, машины	Общие обозначения товаров, машин и т. п.	Товароведческие, машиноведческие, коммерческие	Собственные имена – названия марок и сортов изделий, моделей машин, образцов товара

Объекты	Имена нарицательные		Имена собственные
	<i>Бытовые слова</i>	<i>Научные термины</i>	
Объекты, созданные фантазией людей	Общие названия фантастических реалий	Литературоведческие, искусствоведческие, богословские, исторические	Мифонимы (демононимы, теонимы, мифотопонимы, мифохрематонимы и др.)
Объекты, существование которых предполагается, но не доказано	Описания гипотетических реалий	Геологические, географические, астрономические, биологические	Собственные имена – наименования гипотетических объектов – гипотезионимы
Объекты, созданные творчеством художника	Имена героев произведений литературы и искусства, названия мест действия и т. п.	Литературоведческие, искусствоведческие	Имена, употребляющиеся в художественных произведениях, – фиктонимы

Интересно, что предметы тех областей Абсолютной Вселенной, которые доступны человеку, имеют в языке свои регулярные обозначения и регулярные индивидуальные именованья, а предметы микромира (невидимые живые существа, молекулы, атомы) и мегамира (звездная Вселенная, галактики), недоступные человеку в своей непосредственной данности, почти не имеют общепринятых бытовых обозначений; для этого применяются научные термины.

В разные эпохи и в разных странах человек выделял и индивидуализировал различные вещи, иной раз не похожие друг на друга. Так, людей было принято наделять индивидуальными именами как будто бы всегда, во всех коллективах и обществах. Даже в тех случаях, когда люди, как например американские индейцы, обращаются друг к другу «мой друг», «мой брат», «мой племянник», «сестра моего брата» и т. д., каждый из них имеет индивидуальное имя, которое по каким-либо причинам не принято употреблять. Но животные далеко не всегда и не у всех народов получают индивидуальные клички.

Помимо имен реальных, фольклорных, легендарных или мифологических объектов, в состав ономастического пространства входят и имена ошибочно выделяемых и гипотетических объектов: Земля Санникова, подпоручик Кижэ, Атлантида, планета Фэзтон.

Для ономастики в целом безразлично, существует именуемый объект в действительности или только в фантазии людей. Но характер связи имени с денотатом от этого меняется.

Имена гипотетических объектов не могут соотноситься ни с объектами (поскольку существование последних не доказано), ни с образами (потому что последние варьируют в чрезвычайно широком диапазоне и не обладают конкретностью). В данном случае имя может соотноситься лишь с понятием. По своей морфологии они уподобляются именам объектов реальных, ср. *Антарктида, Таврида – Атлантида, Пацифида*.

Особняком стоит историческая ономастика: имена давно умерших лиц, названия давно не существующих поселений и т. п. Они заполняют «глубину» ономастического пространства, при этом место их зависит от значимости денотата. Есть имена (*Юлий Цезарь, Александр Македонский, Нерон*), которые актуальны даже для синхронного ономастического среза, а есть имена менее известных лиц, даже если они жили в более приближенное к нашим дням время, они остаются в пассиве и актуальны лишь для того хронологического среза, который соответствует датам их жизни.

Этот случай не может быть поставлен в один ряд с мифонимами, где нет объекта и образ связывается с понятием. Здесь был реальный объект, и образ, выступающий субститутом его, первоначально бывает связан с объектом. Образ складывается при жизни человека из его реальных качеств и характеристик и связывается с объектом при помощи имени.

Континуум, который представляет собой ономастическое пространство с его разнообразным заполнением в разные эпохи и у разных народов, доступен в полном обзрении лишь для лиц, специально этим интересующихся. Ономастическое пространство, доступное отдельному индивиду, включает разные области его, но лишь в фрагментарном виде.

Отдельные области, на которые делится ономастическое пространство, могут быть в соответствии с именуемыми объектами обозначены как топонимия, антропонимия, мифонимия, зоонимия, хрематонимия, астронимия и т. д. Внутри этих областей могут быть выделены ономастические поля. Имена, входящие в состав

каждого поля, представляют собой систему (или комплекс систем), каждый член которой увязан с остальными по ряду параметров: территория, время, тема и т. д. Собственные имена, составляющие каждое поле, системны. Системы смежных территорий и эпох плавно переходят друг в друга. Перебой преемственности отмечается при резкой смене эпох, сопровождающейся сменой государственного языка и политической, религиозной, ономастической и т. п. ориентации, а также на территориях, длительное время разделенных государственной границей, если население по обе стороны её говорит на разных языках.

Таким образом, ономастическое пространство может быть условно разделено:

- 1) на имена реальных предметов;
- 2) имена вымышленных предметов;
- 3) имена гипотетических предметов [74, с. 148].

Имена в художественных произведениях занимают промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов, потому что: а) денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, музыканта, но не обязательно существуют в действительности; б) они создаются по моделям имен реальных или нереальных предметов с учетом принадлежности их к определенному ономастическому полю.

1.7. Классификации собственных имен

Описание и анализ собственных имен невозможны без определенной классификации, которая либо незримо присутствует в ономастической работе как своеобразная платформа автора, либо специально им вводится для четкого разграничения явлений. Отметим, однако, что до настоящего времени более или менее детальной классификации подвергались лишь топонимы.

При классификации ономастического материала можно исходить из принадлежности названий к определенным языкам, территориям, хронологическим отрезкам, социальным формациям и т. д. В зависимости от этого и подход к материалу, и методы его изучения, и глубина охвата будут различными.

Принимая во внимание лингвистические и экстралингвистические характеристики имен, можно выделить (не претендуя на исчерпывающую полноту) следующие типы их классификации [74, с. 150].

1. Классификация имен в связи с именуемыми объектами (предметно-номинативная).

2. Естественно возникшие и искусственно созданные имена.

Эта классификация тесно связана с классификацией имен по их назначению и с дихотомией «имена в официальном и неофициальном употреблении».

3. Классификация по линии «микро» – «макро».

4. Структурная классификация имен.

5. Хронологическая классификация имен.

6. Классификация имен в связи с мотивировкой и примыкающая к ней этимологическая классификация (также разделение имен на апеллятивные и эпонимические, на первичные и «перенесенные»).

7. Классификация имен в связи с объемом закрепленных в них понятий.

8. Классификация в связи с дихотомией *язык – речь*.

9. Стилистическая и эстетическая классификация.

Все перечисленные аспекты (и быть может, ещё другие, невыявленные) присущи каждому имени и могут выступать в качестве его характеристики. Для одних типов имен может быть более актуальной одна характеристика, для других – другая. При этом необходимо отметить, что указанные характеристики весьма разнообразны по своим свойствам: одни из них лингвистические, другие – логические, третьи – исторические, четвертые – социальные, иные – психологические, но все они находят отражение в ономастике.

Из всех возможных классификаций на первое место должна быть поставлена предметно-номинативная, поскольку соотнесенность с предметом, как правило, определяет «лицо» имени и его прочие характеристики.

Классификация имен в связи с именуемыми объектами

Ономастическое пространство может быть разделено на своеобразные секторы, внутри которых выделяются отдельные зоны, или поля. Это деление объективно необходимо, поскольку все ономастическое пространство в целом трудно обозримо. Однако подход к делению может быть разным в силу не только объективных, но и субъективных причин, которые определяются как факторами общественного порядка, так и индивидуальностью исследователя.

Так, А. Бах (1952) делит собственные имена в связи с обозначаемыми объектами:

- 1) на имена живых существ или существ, которых считают живыми;
- 2) имена вещей, куда относятся местности, дома, средства передвижения, произведения изобразительного искусства, названия астрографических и космических объектов;
- 3) именованя учреждений, обществ;
- 4) именованя действий: танцев, игр;
- 5) имена мыслей, идей: литературных произведений, военных и пр. планов;
- 6) имена музыкальных мотивов и произведений [74, с. 174].

Имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые¹

Антропонимы

Несмотря на то что антропонимы относятся к именованию людей и только людей, этот единственный объект дает чрезвычайно сложный спектр категорий имен, что связано с историей культуры, особенностями психологии людей, традициями и многим другим.

Индивидуальные антропонимы. Выделяют личность из коллектива. Этнографическая пестрота в традициях, связанных с именованьем личности, затрудняет установление общей классификации для имен всех народов и ставит на повестку дня внимательнейшее изучение и описание обрядов присвоения или изменения имен там, где это практикуется. Деление ономастических систем разных народов на одноименные, двуименные, трехименные и т. п. едва ли мо-

¹ Классификация приведена на основе монографии А.В. Суперанской [74, с. 173–213].

жет с полным основанием считаться классификацией. Кроме того, локальные неофициальные антропонимические системы могут быть совершенно не похожими друг на друга при единстве записей имен в официальных документах. Большую роль здесь играет последовательность поколений, вносящая определенную организацию в систему имен. Изучение частных особенностей ономастической системы каждого народа вскрывает интересные факты, связанные с его историей и этнографией, и дает большой материал для дальнейшего исследования.

Групповые антропонимы. К ним относятся родовые, семейные и династические имена, денотаты которых – коллективы людей, выделяемые по различным признакам. Наиболее древняя из перечисленных единиц – род. Родовые имена, как правило, слова *singularia tantum*: *Волк, Лисица*. Фамилии, т. е. семейные имена, являются непосредственными преемниками родовых имен. Однако в отличие от последних фамилии – слова *pluralia tantum*: *Ивановы, Зайцевы, Песковские*. Династические имена по своим лингвистическим свойствам очень близки к именам фамильным: *Романовы, Габсбурги, Бурбоны, Птолеми* и т. д. Употребление в единственном числе, так же как и употребление в единственном числе обычных фамилий, говорит о том, что имеется в виду отдельный представитель означенной семьи, именуемый индивидуальным антропонимом.

Зоонимы

Имена различных животных, птиц и пр. – особый отдел ономастики со своими традициями, которые варьируются в значительном диапазоне у разных народов и в разные эпохи.

Групповые имена животных, даваемые всему виду в целом, известны из арабской зоонимии: все гиены – *Qutham*, один из видов змей – *ibn Fitrah* и т. п.

Индивидуальные имена (клички) домашних и диких животных имеют существенные отличия. Дикие животные обычно не получают систематических, регулярно даваемых кличек. В искусственных условиях отдельные особи диких животных получают индивидуальные клички в зоопарках и заповедниках. При этом выдерживается нередко национальный принцип: животное получает кличку, напоминающую о его родине. Именованье домашних животных имеет

свои, иногда очень глубокие традиции. Здесь большое значение приобретает момент специальной культивации и индивидуализации. Международные традиции собаководства, собачьи выставки, специализация собак в связи с различными службами (охотничьи, служебно-розыскные, комнатные и т. п.) создали, например, своеобразные традиции именованья собак различных пород с различной национальной ориентацией и со своими специфическими мотивировками. Наиболее массовые животные – овцы, свиньи и домашняя птица обычно не имеют индивидуальных кличек. В зоонимии, как и в антропонимии, выделяются официальные (паспортные) и неофициальные (обиходные) формы имен (конь *Гиацинт* – *Геша*, лошадь *Ракета* – *Рая*, *Капитал* – *Кана* и т. д.).

И зоонимы, и антропонимы образуют региональные ономастические системы.

Мифонимы

Мифонимия – это своеобразный сектор ономастического пространства, созданный наподобие реальной его части. В него входят именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т. п., в действительности никогда не существовавших.

Особое место в нем занимают теонимия (имена богов), наиболее ярко представленная в политеистических религиях, и демонимия (именованья различных духов, высших и низших, добрых и злых).

В мифонимах могут быть почерпнуты крупницы сведений о более ранних этапах истории человечества. Кроме того, многие теонимы или их элементы входят в состав антропонимов и других типов собственных имен, и без специального изучения их ономастические исследования были бы неполными и хронологически неточными.

Именованья неодушевленных предметов

Топонимы

Классификация топонимов в связи с именуемыми объектами отличается стройностью и единством на всем земном шаре.

Прежде всего, вся поверхность Земли делится на сухопутную (территорию) и водную (акваторию).

Собственные имена гор и прочих возвышенностей объединяются в специальный разряд *оронимов*. Могут быть также специально выделены *спелионимы* – названия пещер, гротов и целых подземных систем. *Дримонимы* – названия лесных массивов и *фитонимы* – собственные имена отдельных растений могут условно включаться в состав топонимии, поскольку участвуют в формировании географических имен. Однако целесообразно выделять и самостоятельную категорию – собственные имена растений, так как в различные эпохи они были связаны не только с ориентацией на местности, но и с различными культурами, верованиями, мифами.

В акватории выделяются моря, названия которых относят к *пелагонимам*; озера, названия которых относятся к *лимнонимам*; болота со своими *гелонимами*; реки – с *потамонимами*. Названия всех водных объектов собирательно именуется *гидронимами*.

Помимо природных географических объектов, имеется большая группа объектов, связанных с деятельностью человека. Это названия населенных пунктов, получившие в последнее время обозначение *ойконимы*, с более мелким подразделением на *астинимы* (названия городов) и *комонимы*, или *хорионимы* (названия сельских поселений).

Названия улиц и других мелких объектов внутри населенных пунктов составляют сложную систему, связанную с многочисленными переосмыслениями одних и тех же имен в связи с включением их в разные системы. Поэтому для них целесообразно принять особый термин – *урбанонимы*. Названия путей сообщения и маршрутов составляют особый раздел ономастики, который может быть назван *дромонимией*. Названия больших областей (географических, экономических, исторических) могут быть выделены в разряд *хоронимов*. Названия зданий и интерьеров входят в урбанонимию на правах мельчайшей градации топонимов.

Космонимы и астронимы

Космические дали необозримы и бесконечны, в связи с чем термин *космонимия* может быть принят как более общий, включающий названия галактик, звездных скоплений, туманностей, со-

звездий. Термин *астрономия* может быть закреплен за названиями отдельных небесных тел: звезд, планет, астероидов, комет.

Любопытны и традиции, связанные с лунной топонимией (*селенонимией*). Названия «морей» латинизированы. Их латинская форма переводится на национальные языки: *Море Спокойствия*, *Море Туманов*. Названия лунных гор повторяют названия горных цепей Земли и передаются в соответствии с национальными традициями каждого народа. Названия кратеров даются в честь прославленных ученых.

Фитонимы

Собственные индивидуальные названия отдельных растений в нашей современной действительности встречаются довольно редко. Особый культ дубов сохранялся в Иордании до недавнего времени. В Сейлуне большой дуб назывался *Балутат-Ибрагим* «дуб Авраама». Дуб близ Бет-Эля, под которым похоронили Дебору, кормилицу Ревекки, был назван *Дерево Плача*.

Хремотонимы

Собственные имена отдельных неодушевленных предметов (оружия, посуды, драгоценностей, музыкальных инструментов и т. п.) получили название хремотонимы.

Ещё в «Песне о Роланде» встречаемся с рогом *Олифантом* и мечом *Дюрондалем*. Чешский лингвист Иван Гонл (1967) собрал множество индивидуальных собственных имен старинных пушек. Названия драгоценностей, в особенности крупных бриллиантов, — своеобразный раздел ономастики с определенными традициями.

Названия средств передвижения

Не имеют специального термина. Это индивидуальные названия парашютов (наиболее старые из всех), лодок, яхт, космических кораблей, самолетов, экспрессов, автомашин и т. п.

Сортовые и фирменные названия

Эта группа имен занимает промежуточное положение между нарицательными и собственными: вишня «*Краса Севера*», автомобиль «*Волга*», радиоприемник «*Турист*», мыло «*Серебристый ландыш*», конфеты «*Суфле*».

Чем глубже внедряется в быт фирменное название, тем сильнее его апелляция. Становясь общим обозначением сорта или вида

товара, название может утратить специфические черты, которые были с ним первоначально связаны, т. е. расширить объем своего применения (кашемир – тонкая шерстяная ткань, вырабатываемая отнюдь не обязательно в Кашмире). Фирменные названия в ряде аспектов аналогичны товарным знакам.

Собственные имена комплексных объектов

1. Названия предприятий, учреждений, обществ, объединений: завод *«Серп и молот»*, *Мытищинский машиностроительный завод*, трест *«Татбурнефть»*, *НАТО*, *ООН*.

2. Названия органов периодической печати: *«Комсомольская правда»* – *«Комсомолка»*, *«Литературная газета»* – *«Литературка»*.

3. Хрононимы: *Петровская эпоха*, *эпоха Гомера*, *Средние века (Средневековье)*, *эпоха Возрождения*.

4. Названия праздников, юбилеев, торжеств: *День Победы* и т. п.

5. Названия мероприятий, кампаний, войн: *Международный фестиваль демократической молодежи*, *Лига спорта*, фестиваль *«Пражская весна»*, *Крымская война*, *Аустерлицкое сражение*, *Троянская война*.

6. Названия произведений литературы и искусства.

7. Документонимы: *Пакт мира*, *Договор о дружбе*, *план Маршалла*, *доктрина Трумена*, *закон Маккарена*.

8. Названия стихийных бедствий: циклоны *Эдит*, *Флора*.

9. Фалеронимы (от лат. *Falera* – «бляха, которой награждались наиболее храбрые легионеры»): орден *Подвязки*, *Мальтийский крест*, орден *Андрея Первозванного*, медаль *«За битву при Ватерлоо»*.

Естественно возникшие и искусственно созданные имена

Деление имен на естественно сложившиеся и искусственно созданные перекликается с такой областью теоретического языкознания, как стихийное и сознательное в языке.

Данная классификация проходит через все категории онимической лексики. Она тесно смыкается с классификацией имен по их назначению, а та в свою очередь базируется на условиях их употребления (торжественные акты или повседневное общение). Имена, специально созданные, преобладают в официальной сфере,

в неофициальной обстановке чаще употребляются естественно сложившиеся имена, при этом не исключено и сосуществование обоих (*Симбирск* и *Ульяновск*).

Между официальной и неофициальной сферами употребления имен непроходимых границ нет. В обеих сферах употребляются те же самые имена. Но сами эти сферы настолько различны, что, меняя сферу, имя неизбежно подчиняется господствующей системе с её закономерностями и претерпевает значительные преобразования. В частности, с переходом в неофициальную сферу имя часто подвергается диминутивной деривации и эллипсису. Например, антропонимы: *Ирина* – *Ира*, *Ирочка*, *Иринка*; зоонимы: кошка *Нефертити* – *Тишка*; топонимы: *Петербург* – *Питер*, *Владивосток* – *Владик* (диминутивная деривация). Эллипсису обычно подвергаются имена-фразы: «*Спящая красавица*» – «*Спящая*», «*Князь Игорь*» – «*Игорь*».

Для официальной сферы характерно ограничение частотности в употреблении имени и несколько искусственные условия его функционирования, обычно (но не обязательно) бережное отношение к имени. Всё это препятствует непосредственному воздействию на имена общеязыковой и ономастической систем. Когда эти ограничения снимаются, искусственное сменяется естественным, сознательное – стихийным, официальное – неофициальным, внесистемное систематизируется.

Противопоставление естественным именам религиозных вытекает из специфики арабского материала, где большинство доисламских естественных имен отражает растительный и животный мир, земные предметы и космос, а искусственные имена, в массе своей рожденные исламом, почти всецело ограничены теоформами. Следовательно, религиозные арабские имена – разновидность искусственных.

Деление имен на естественно сложившиеся и искусственно созданные и связанная с этим классификация имен по их назначению составляют основу ономастических исследований. Пути создания имен и цели, с которыми это делается, определяют и возраст имен, и их судьбы в языках, где они создавались или в которые были заимствованы. Указанная классификация – основа стилистики имен.

Проблема «микро» и «макро» в ономастике

Идея микрообъектов и микроименований возникла при изучении топонимии, где существует термин микротопонимы, относящийся к названиям мелких физико-географических объектов. Однако границы и объем микротопонимии спорны. Прежде всего, существенными представляются количественные и качественные критерии выделения микротопонимов. Количественный критерий – это не только малый размер объекта, но и вопрос, не дается ли первоначально топонимическое название лишь какой-то части, детали объекта, а не всему объекту в целом. С этим связаны качественные критерии: возможно, что все (или почти все) естественно сложившиеся названия бывают на первых порах микротопонимами.

Первичные названия больших территорий нередко бывают весьма случайными, потому что название получает небольшой «кусочек» территории, на который впервые ступает нога открывателя, колониста и т. п. Таковы арабское название большой североафриканской территории *Алжир – Алджазаир* («острова»), данное по прибрежной её полосе, или название всего Африканского континента, в основу которого положено наименование одного из североафриканских племен.

В связи с указанными фактами проблема микротопонимии получает иное освещение: микроименования рассматриваются как первичные именованья любых объектов, ещё не конституировавшиеся как топонимы.

В историческом плане, очевидно, все топонимы носили первоначально описательный характер. Например, гладкие голые скалы на вершинах гор крымские татары называли птичьими скалами (*Куш-каля*), тесные горные проходы многие тюркоязычные народы называли железными воротами (*Демир-кану*). Такие и подобные названия близки к нарицательным, отличаясь от них лишь прикреплённостью к конкретным объектам.

Возникновение микротопонимов – вечно живой процесс, а сами они – постоянный, но не единственный источник топонимов. По мере превращения их в собственно топонимы они теряют мотивированность и превращаются в символы, назначение которых сводится к фиксации мест на поверхности земли.

Микротопонимы обычно узколокальны. Собственно топонимы известны за пределами места своего нахождения.

Естественно сложившаяся микротопонимия предполагает длительное пребывание определенного языкового коллектива на данной территории. Её нет там, где население появилось недавно.

Надтопонимические названия, или макротопонимы, появляются в позднейшее время, когда собственно топонимические системы уже в основном сложились. Макротопонимы в массе своей системны и отчасти понятийны, поскольку назначение их – «подытожить» особенности рельефа стран и континентов, объединить и сгруппировать то, что уже входит в топонимические системы.

1.8. Семантика имен собственных

Семантика (то же, что и семасиология, в переводе с греческого *sēmaino* – «указываю, означаю») – это отрасль языкознания, занимающаяся изучением значений языковых единиц. Одной из языковых универсалий являются онимы.

Имена собственные, которыми названы различные объекты, выделяют их из общей массы подобных объектов. Благодаря им есть возможность индивидуализировать и идентифицировать (определить) данный объект (или вид данного объекта). Каждой языковой единице присущи план выражения (внешняя сторона) и план содержания (внутренняя). Эти же самые качества присущи и именам собственным.

План выражения у имен собственных и нарицательных может быть в некоторой степени тождественным (более или менее), однако план содержания их не сходится никогда, и даже может показать явное противоречие (например: умный человек с фамилией *Глухов*). У имен собственных апеллятивный смысл может видоизменяться от экспрессивного (*Мертвое Море*) до условного (город *Зеленый Гай*, где сейчас леса нет), стертого (*Сарагоса*) и совершенно неясного (такие названия, как *Минск*, *Киев*, *Крым*, *Урал*, имеют множество гипотетических объяснений возникновения, но ни одного ясного).

В повседневных речевых ситуациях апеллятивный смысл имен собственных может ни для кого не представлять интереса, но при

этом имена все равно будут выполнять свои функции. Имя воспринимается как исконное собственное в большей степени, если в нем меньше апеллятивного смысла, если апеллатив менее ощущим.

Если в имени связь с понятием апеллатива, который послужил основой данного имени, чувствуется в большей степени, то это имя близко к разряду имен нарицательных. Такие названия, как *Экономический университет, Городской театр, Спортивный интернат*, отличимы от имен нарицательных только тем, что они закреплены в конкретной ситуации, за одним конкретным объектом, благодаря чему ослабевает их связь с понятием. Бывает так, что при продолжительном функционировании слова в качестве имени собственного в нем ослабевает семантика нарицательного, которое было для него основой. Но существует и довольно большое количество кратковременных имен собственных (различные клички, прозвища), где ослабление (редукция) семантики попросту не успевает произойти. Помимо всего прочего, часто эта редукция весьма нежелательна. Как правило, такие имена создаются в каком-то узком кругу лиц, и их смысл полностью ясен только в этой среде, среди тех, кто их создал. Если по некоторым причинам у этих имен собственных предполагается редукция семантики, то они тут же заменяются на более актуальные. Поскольку такие имена собственные (прозвища) не зависят ни от какой официальной регистрации, рождение новых имен и забвение старых осуществляется довольно легко и быстро, без каких-либо трудностей.

Используя в качестве примера новые имена, возникшие после революции (придуманные или заимствованные), такие как *Роза, Лилия, Октябрина, Новомир* и другие, можно показать, как легко и быстро в ономастике ослабевает апеллятивный смысл основ, послуживших появлению этих имен. Такие имена производят впечатление благодаря своей необычности и новизне, но постепенно они теряют связь с нарицательными, их породившими. Эта связь становится такой же «заглушенной», как в традиционных именах, таких как *Вера, Надежда, Любовь, Лев*. В итоге получается, что такие имена, как *Москва, Минск, Академический театр, Медведь, Днепр* и т. п., воспринимаются как имена собственные, которые действуют каждое в своей области применения, и осмысляются именно

в том виде, в каком требует конкретная ситуация и контекст, невзирая на то, сохранились ли в них понятия апеллятивов или нет.

Категории имени собственного

Чтобы лучше уяснить вопросы, связанные с семантикой собственных имен, нужно заострить внимание еще на ряде общеязыковых категорий и символов, показывая совокупность их признаков в ономастике. Это категории: значимость, информация, ценность, функция, значение, знаменательность.

Значимость имени собственного выделяется в языковом плане. Она уравнивает собственные имена с другими частями речи, выделяя из не-собственных и объединяя их друг с другом. При этом основным на уровне языка оказывается отнесение слова к именам собственным — этого обычно бывает достаточно для того, чтобы непосредственные участники речевого акта правильно поняли речевое произведение.

В связи с этим до известной степени правы те, кто ограничивает семантику имен собственных тем, что это имена собственные. Например, для того чтобы понять прочитанный текст и перевести его на другой язык, достаточно понять, что одно или несколько незнакомых слов — имена собственные. Этого понимания будет также достаточно для удовлетворительного (не художественного) перевода, как достаточно дать подстрочный перевод для всех прочих слов. Для самого общего понимания текста более детальный анализ имен собственных не нужен. Синтаксис предложения обычно дает указание, обозначает ли имя место, действующее лицо или что-либо еще.

Для более глубокого понимания текста требуется более расчлененное отношение к содержащимся в нем именам как своеобразным лексемам. Однако общей значимости слов как собственных имен, достаточной для синтаксического анализа предложения, недостаточно для восприятия их информации.

Различаются три типа *информации* имени: речевая, языковая и энциклопедическая. Они лежат в разных планах и существуют независимо друг от друга.

Речевая информация осуществляет связь имени с объектом и выявляет отношение говорящего к объекту. Это — наиболее массо-

вая и «поверхностная» информация имени, присутствующая всегда и для всех. Именно в силу своей массовости она весьма неконкретна, объемна, может меняться от одного говорящего к другому в зависимости от черт их характера и от экстралингвистических условий речевой ситуации. Речевая информация имени предполагает, что первоначальное знакомство с объектом уже произошло; это — неперемнное условие для введения имени в речь.

Энциклопедическая информация — это комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, пользующемуся данным именем. Не имея имени, объект не может получить энциклопедической информации, поскольку она связывается с объектом посредством имени. В ряде случаев (объекты со всемирной известностью) имена могут выступать даже своеобразными «заместителями» объектов. Энциклопедическая информация имени во многом субъективна, она не может быть объективной из-за индивидуальности восприятия. Для имен и объектов со всемирной известностью энциклопедическая информация будет значительно однороднее и больше по объему, чем для имен (и объектов) с локально ограниченной известностью. Но и в наши дни может встретиться человек, не знающий, кто были Наполеон или Сервантес.

К энциклопедической информации имени относится не только тот комплекс сведений, который появляется у говорящего в результате знакомств с объектом, но и сумма предварительной информации об объекте, которую он может получить, никогда не видев его. Минимум этой информации, необходимой для введения имени в речь, сводится к нахождению того родового определяемого (понятийного слова), с которым это имя соотносится. Например, *Нирк* — название острова, *Василий* — имя человека.

Языковая информация имени (кроме первичной и минимальной о том, что это имя) — его наиболее постоянная и неизменяющаяся информативная часть. Она заключается в характере и составе компонентов имени. Но чтобы ее получить, необходимо детально проанализировать имя, что само по себе очень трудно.

Ю.А. Карпенко выделяет пять аспектов такой информации:

- 1) языковая принадлежность имени или слова, от которого оно образовано;

- 2) словообразовательная модель имени;
- 3) этимологический смысл;
- 4) выбор именно данной (а не другой) производящей основы;
- 5) локальная обстановка, ситуация в момент создания имени [40].

При более детальном анализе собственных имен мы сталкиваемся с понятием их *ценности* в системе. Поскольку это понятие – порождение системы и вне системы не существует, о ценности отдельных имен можно говорить лишь в тех случаях, где рассматривается вся система имен в целом. Это относится, прежде всего, к синхронному описанию имен, бытующих на ограниченных территориях, а также в замкнутых коллективах, т. е. к региональным ономастическим исследованиям. В таких легко обозримых системах, основанных на современных и легко доступных каждому говорящему языковых средствах, каждый элемент наделен своей особой ценностью. Поскольку в живой ономастической системе все элементы понятны, то изменения и перестройки системы происходят легко и незаметно. Перестройки, происходящие с одним или несколькими элементами, тем не менее касаются всей системы в целом, так как они меняют роль и ценность каждого элемента по отношению к каждому, а не только двух «соседних» элементов относительно друг друга.

Собственное имя – слово и как таковое оно подходит под определение двусторонности слова, имеющего звучание и значение. *Значение* слова – это те понятия, ассоциации, которые возникают в сознании при произнесении слова.

Функция – это назначение; роль, выполняемая единицей языка при ее воспроизведении в речи.

Возможны следующие функции имен собственных в речи:

- 1) коммуникативная (сообщение, репрезентация), когда имя, известное собеседникам, служит основой сообщения;
- 2) апеллятивная (призыв, воздействие);
- 3) экспрессивная (выразительная); обычно в ней выступают имена с широкой известностью, находящиеся на пути превращения в нарицательные;
- 4) дейктическая (указательная). Нередко в этой функции произнесение имени сопровождается указанием на объект.

Перечисленные функции свойственны и нарицательным именам. Каждое слово, и в том числе имя собственное, в известных условиях может стать основой сообщения.

Помимо «вещей», которые могут иметь названия, и слов, служащих для этих целей, существует и понятийная сфера, которая с давних времен подвергалась упорядочению в трудах логиков и лингвистов. Подобно тому, как совокупность собственных имен в их приложении к денотатам может быть названа ономастическим пространством, сфера идеального (смысл, значение как отношение слов к обозначаемым ими предметам) может быть названа семантическим пространством, которое делится на семантические зоны, или поля.

Собственные имена – это прежде всего лексика, при этом лексика, обладающая особой системностью со сложными отношениями параллелизма и контраста, а также с ослабленной связью с понятийной сферой. Поэтому использование терминов «понятийное», или «ассоциативное», поле применительно к ономастической лексике возможно лишь в ограниченном числе случаев, когда имеются в виду имена со всеобщей известностью, которые могут в ряде ситуаций переходить в нарицательные.

Поле в ономастике – это определенная сфера соотнесенности имени, которая для коммуникантов обычно определена экстралингвистически. Знание границ и иерархии ономастических полей необходимо для правильного употребления и понимания имен. Если границы полей не ясны, то затруднено и восприятие имен.

На уровне лексики семантика имени собственного сводится лишь к тому, что это имя собственное; имя включается в одно общее нерасчлененное ономастическое поле, входящее в комплекс семантических полей. Это поле может быть разделено на более частные в связи с объектной соотнесенностью имен: антропонимическое, топонимическое и т. д. в соответствии со сферами, на которые мы делим ономастическое пространство.

Степень расчлененности ономастических полей и их иерархия для лиц, пользующихся именами, зависят от степени их знакомства с объектами, носящими эти имена. А поскольку это для каждого члена языкового коллектива индивидуально, то и выделение более

частных ономастических полей в известной мере субъективно, хотя и существует для всех. Часто оно определяется профессией и степенью образованности и начитанности человека.

Для понимания одних имен (с широкой известностью) достаточно минимально очерченного ономастического поля: такие имена, как *Репин*, *Лев Толстой*, известны и понятны каждому культурному человеку. Для понимания других имен необходим ряд последовательных сужений поля.

Помимо далее членимого специального ономастического поля для имен собственных, особенно для антропонимов, может быть выделено и социальное поле, дающее внутри данного частного ономастического поля указание на ряд экстралингвистических отношений денотата и социума. Социальное поле обладает сложной иерархической структурой и объединяет в себе элементы как чисто лингвистические (слова), так и экстралингвистические. С социологической точки зрения, социальное поле представляет собой социальную группу (группу лиц, совместно живущих, связанных друг с другом различными социальными отношениями); с лингвистической точки зрения – социальный диалект с его специфическим словарем, в полном объеме понятном лишь членам данного социума; с предметной точки зрения – типичный круг вещей, характеризующих жизнь данной социальной группы. Экстралингвистическое в своей основе понятие «социальное поле» может, однако, служить для объяснения и уточнения ряда чисто лингвистических проблем.

Общество, т. е. поле деятельности конкретных людей, это первичное, реальное, экстралингвистическое. Социальное поле антропонима – это языковое преломление экстралингвистических социальных отношений и закрепление их за определенными формами именованной.

Исследование различного рода ассоциаций чрезвычайно важно при изучении любой номинации, особенно ономастической.

Ассоциации, имевшие место в момент создания имен собственных, как и связанные с именами в процессе их употребления в речи, широки и разнообразны. Они составляют комплекс, намного превосходящий круг ассоциаций нарицательных имен. Помимо ассоциаций, более или менее однозначно связывающихся у членов

языкового коллектива с тем или иным именем, в индивидуальном употреблении у каждого человека имеются и свои, особые и неповторимые ассоциации. Если единообразные исторические, политические, бытовые и другие коннотации, связывающиеся у коллектива с именем, по своей силе и яркости перерастают его прямое географическое или антропонимическое назначение, имя может превратиться в нарицательное.

Превращение собственных имен в нарицательные (*шевиот, бордо, утопия*) – факт языка, один из путей пополнения его словарного состава. При этом, порывая с одним понятием (город, страна), связь с которым была опосредствованной, слова связываются прочной, логической связью с другими понятиями (ткань, вино, цвет, несбыточные идеи). Но это – раритетно для собственных имен, хотя и закономерно. Типичнее для них – ассоциация с именуемым объектом + комплекс различных сведений об объекте + комплекс эмоций, вызванных этим объектом у говорящего.

Семантическая модель онима

Современная «апеллятивная» семантика считает означаемые слова сложным образованием, состоящим из следующих компонентов: денотативного, сигнификативного, прагматического, синтаксического. При этом денотат, сигнификат и некоторая часть прагматической информации, выделяемые традиционно, являются основной частью лексического значения, а остальные компоненты, описываемые в новейших исследованиях, образуют «второй эшелон» информации, которая связана со словом-лексемой. Можно ли спроецировать эту модель на семантику имени собственного?

Интересный и продуктивный вариант моделирования семантики онима предложен М.В. Голомидовой и обозначен ею как разработка *концепта* имени собственного [20]. Под концептуальностью имени автор понимает совокупный объем представлений о возможностях его применения – языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием ономастического знака, которые сложились у носителей данного языка. Выделяются следующие уровни этой концептуальной модели:

1) общая категориальная семантика имени, вырастающая из его противопоставления апеллятиву, благодаря чему высвечивается специфика способа означивания: имя является знаком-индивидуализатором, который не только на речевом, но и на языковом уровне свидетельствует о ценности вербального выделения отдельной реалии;

2) частная категориальная семантика, основанная на связи онома — нарицательный термин и создающая возможность для противопоставления разных разрядов собственных имен в онимической системе языка;

3) частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, отличающая имена друг от друга и основанная на денотативной отнесенности и мотивировочном значении, которое определяется «на момент» создания имени и оказывается чрезвычайно важным для выполнения именем его различительной функции, поскольку несет указание на индивидуализирующий мотивировочный признак, служащий для различения и опознавания реалии среди подобных;

4) фреймы (несобственно языковые знания), отражающие значимые для языкового коллектива фоновые знания о специфике применения имени (ритуальный фрейм, предполагающий в некоторых конфессиональных традициях смену имени при пострижении или принятии сана; фрейм наречения ребенка в русскоязычной среде, подразумевающий не изобретение имени, а выбор его из существующего списка русских либо иноязычных имен; метафрейм социальной мимикрии, предопределивший многочисленные акты смены фамилий после революции 1917 года и т. п.).

Семантическое своеобразие онимов коренится в том, что наиболее значимым, идентифицирующим является третий уровень этой модели — уровень частной характеризующей и индивидуализирующей семантики. На этом уровне осуществляется семантизация конкретно-чувственного представления об объекте номинации, т. е. образа, означенного именем. Образный компонент — главное в семантической структуре имени собственного, поскольку без конкретно-чувственного представления об объекте онома как такового просто не существует.

Первые три компонента модели — общая категориальная семантика имени, частная категориальная семантика и частная характеризующая и индивидуализирующая семантика — соответствуют сигнификативному и денотативному компонентам «апеллятивной» модели.

Четвертый компонент — фреймовый — следует считать частью прагматической информации, соотносимой с именем, поскольку разворачивание фрейма определяет программу употребления онима. Следует отметить, что в топонимическом узусе данный компонент проявляет себя не столь активно, как в антропонимическом: последний гораздо более тесно связан с традициями общественной жизни, а значит, более определенно и разнообразно вписан в ее сценарии.

Наиболее активно в топонимии проявляет себя, к примеру, фрейм официального (неофициального) общения, определяющий тактику выбора соответствующего варианта из парадигмы обозначений какой-либо географической реалии, ср.: деревню *Мост* жители окрестных деревень называют ее основным именем в «паспортных» ситуациях (когда приезжий выясняет дорогу, когда надо оформить какие-либо документы и др.), а в ситуациях неофициального общения употребляется шутивное название *Северная Корея*.

Фреймовым компонентом прагматическая информация не исчерпывается. В рамках прагматической зоны могут быть выделены еще как минимум два компонента. Один из них связан с реализацией эмотивной функции языка и может быть обозначен как эмотивный. В русской топонимии экспрессивные топонимы представляют немногочисленную, но весьма выразительную группу, ср.: покос *Проклятые* — «чертово место, начупаешься с им», лес *Бажоница* — «бажонное место, сколь грибов и ягод там было», д. *Город Страм*, посос *Красотинка* и т. п. При выделении топонимов-экспрессивов следует учитывать свойства топонима субъективизировать качественно-количественную характеристику объекта, актуализировать его субъективную эмоционально-оценочную семантику при сохранении объективно-денотативного значения.

Другой компонент прагматической зоны — коннотации. Определяя это явление в апеллятивной лексике, Ю.Д. Апресян предла-

гает понимать под коннотациями «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею (лексемой) понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [3, с. 159]. В данном определении неоднозначно может быть понято слово *оценка*: поскольку Ю.Д. Апресян намерен разводить коннотацию и оценочный компонент значения (последний иллюстрируется примером слов *застрельщик* = «...относись хорошо» и *зачинщик* = «...относись плохо» при нейтральном *инициатор*), предпочтительнее при толковании коннотации избежать упоминания об оценке.

Коннотация в топонимии проявляет те же свойства, что и аналогичное явление в сфере апеллятивной лексики: логическую факультативность и вместе с тем устойчивость, имеющую языковую верификацию (в данном случае верификация может быть осуществлена при анализе семантических связей в парадигме названий одного объекта, связей в рамках семантической микросистемы онимов, закономерностей объектной соотнесенности имен). Так, атрибутив *чудной* в топонимии может коннотировать символику «нечистого места», что доказывается, в частности, устойчивостью фиксации «чудных» топонимов в составе одной микросистемы с «лешевыми» и «чертовыми» названиями, например: *Лешакова Яма* у ручья *Чудное*; овраг *Чёртов Овражек* у бол. *Чудное*. Топонимы, образованные от числительного *семь*, могут отражать идею неопределенного множества, что проявляется в параллелизме *Семь Озер* // *Девять Озер*; ср. также: бол. *Семиземельный Столоп* – «там столоп стоит и все болота от него», оз. *Семиозерки* – «там маленькие озерки, как ямки такие. Не семь их, а больше», оз. *Семиозёрные* – «там одиннадцать озер»; эта же идея, вероятно, представлена в названии оз. *Семиводное*, противопоставленном названию соседнего оз. *Сухое*. «Девятые» названия используются для маркировки удаленного расположения объекта; «светлые», «громовые» – коннотируют символику святости, сакральности; образы «бабы, кошки, петуха и курицы» в топонимии манифестируют близость объекта к населенному пункту и т. п.

К коннотациям примыкает ассоциативный фон топонима. Особый экстралингвистический статус этого компонента обусловлен

тем, что ассоциативный фон не имеет собственно языковой верификации. Он может быть эксплицирован в показаниях метаязыкового сознания носителей топонимической системы, т. е. в актах мотивации, а не собственно номинации. Процессы номинации и мотивации обратимы, а границы между лингвистическими и экстралингвистическими коннотациями подвижны. К примеру, топонимы, образованные от апеллятивов «темный, бездонный», потенциально несут в себе идею нечистого места, ср.: оз. *Темник* – «темное озеро; нечистая сила ведет туда людей и топит», руч. *Тёмной* – «там кладбище, да ручей сам такой сумрачный, страшное место, в общем», оз. *Бездонное* – «там дна нет, говорят, выходили из него какие-то черти», пруд *Бездонный* – «в нем купаться старики не разрешали, нечистое место, он без дна»² и др. Устойчивость и повторяемость реакций такого рода свидетельствует о том, что соответствующие смыслы могут приобрести статус языковых коннотаций.

Модель семантики языковой единицы включает семантические связи в рамках определенного семантического континуума. Частная характеризующая и индивидуализирующая семантика топонима вводит его в определенное семантическое поле; все семантическое пространство топонимии может быть представлено как сложная конфигурация пересекающихся полей. К примеру, могут быть выделены поля «цветовые характеристики», «этническая принадлежность жителей», «постройки и сооружения», «характер почвы» и т. п.

При формировании семантических полей в топонимии важную роль играет селективный фактор, срабатывание которого ощущается в ономастиконе гораздо сильнее, чем в системе нарицательной лексики. В силу особенностей денотативной привязки топонимикон принципиально не может дать целостную картину окружающей действительности, он фиксирует лишь сетку приоритетов, которая определяет формирование образа пространства. Вследствие этой селективности возникает присущая топонимикону идеографическая асимметрия: в рамках поля обнаруживаются «неровности», проявляющиеся либо в отсутствии ожидаемой идеограммы, либо в ее крайне низкой активности по сравнению с ближайшим семан-

² Ономастический материал приведен из статьи Е.Л. Березович [8].

тическим «партнером». В качестве иллюстрации можно привести хорошо известные топонимистам эпизоды вроде чрезвычайной избирательности цветовой палитры русской топонимии, где с большим отрывом лидируют «черные, красные и белые» названия, но практически не представлены «голубые и серые», весьма пассивны «желтые, синие и зеленые».

Селективность топонимической семантики обуславливает четкое закрепление тех или иных смыслов на «семантической карте» топонимикона и делает возможным включение в семантическую модель топонима такой составляющей, как проекция семантического поля. Данная характеристика семантического потенциала топонима, подобно значимости (структурному значению), может быть определена только контрастивно, на фоне других единиц поля. Таким образом, выявить проекцию семантического поля означает определить место топонима в составе определенной полевой структуры.

Следует подчеркнуть, что в топонимиконе – и ономастиконе вообще – семантические поля организованы рельефнее, чем в системе апеллятивной лексики, где смысловые характеристики, доминирующие (или, наоборот, минимально «прописанные») в структуре определенного семантического поля, «невидимы» на первый взгляд и могут быть обнаружены только в результате специальных исследовательских процедур (так, в рамках апеллятивного поля «цвет» идеограммы «красный, оранжевый, бежевый» и «охряный» вполне равноправны друг относительно друга; разная «ценность» этих смыслов и соответствующих слов не лежит на поверхности). По этим причинам семантический «рельеф» топонимии легче поддается интерпретации с аксиологической точки зрения, представляя, по сути, в снятом виде систему предпочтений носителя именника.

Анализ семантического «рельефа» топонимии (места каждой топонимической идеограммы в структуре семантического поля, а также места поля в семантическом пространстве топонимикона, иными словами – набора семантических полей и их наполненности конкретными идеограммами) позволяет выйти на интерпретационный уровень – уровень глубинных структурообразующих принципов семантической организации именника, вписанных в определенный социохронотоп. К примеру, при изучении семантического

поля «ориентация в пространстве» в русской топонимии, в состав которого входят названия-ориентиры типа *Заднее Поле, Дальний Лог, Крайняя* и пр., могут быть сделаны выводы относительно типичной позиции номинатора при ориентации в окружающем пространстве (эта позиция статично закреплена в центре осваиваемого пространства, которым является дом, жилище номинатора).

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как определялось значение имени собственного в истории его изучения (Дж. Ст. Милль, Х. Джозеф, Б. Рассел, А. Гардинер, К. Тогебю, О. Есперсен и др.)?
2. Перечислите основные достижения современной лингвистики в изучении специфики имени собственного.
3. Как определяется исследователями граница между нарицательной и ономастической лексикой?
4. Какие предметы и явления (денотаты) могут получить собственные имена?
5. Из табл. 1 А.В. Суперанской «Объекты и слова, их обозначающие» выпишите группы объектов, не имеющих соотносительных ономастических терминов.
6. Составьте глоссарий (в алфавитном порядке) ономастической терминологии на основе таблицы А.В. Суперанской.
7. Прочтите и законспектируйте статьи В.Н. Топорова «Из области теоретической топономастики» и/или «Из теоретической ономатологии».
8. Сформулируйте взгляд исследователя на природу имени собственного. Согласны ли вы с его точкой зрения? Какие аргументы автора кажутся вам наиболее убедительными, какие – сомнительными?
9. Выпишите из любого этимологического словаря 10 различных эпонимов с объяснением их происхождения.
10. Какие характеристики онимов служат основанием той или иной классификации?
11. Перечислите основные группы онимов по классификации в связи с именуемыми объектами.

12. Каковы различия в соотношении плана выражения и плана содержания у имен собственных и нарицательных?
13. Назовите общезыковые категории, признаки которых определяют семантику имени собственного.
14. В чем специфика трех типов информации у собственных имен?
15. Какие функции имен собственных определяют исследователи?
16. Назовите уровни семантической модели онима. В чем специфика каждого уровня? Какой уровень наиболее значим в семантике онима?
17. На основе семантической модели сделайте анализ 2–3 топонимов из «Словаря географических названий Самарской области» [4].

Рекомендуемая литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – С. 7–35.
2. Блау, М.Г. Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий : словарь-справочник / М.Г. Блау. – М. : НЦ ЭНАС, 2010.
3. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 45–90, 102–112, 138–148.
4. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.] ; отв. ред. А.П. Непокупный. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007в. – С. 31–63.
5. Топоров, В.Н. Из области теоретической топономастики / В.Н. Топоров // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 3–12.
6. Топоров, В.Н. Из теоретической ономатологии [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров. – URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/topor/nomen.php.

Глава 2. МЕТОДЫ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В процессе познания и описания своего объекта изучения каждая научная дисциплина вырабатывает целый комплекс разнообразных приемов. Эти приемы, или способы, с помощью которых исследуется тот или иной объект, называются *методами*. Многообразие предметов и их свойств, множество стабильных и нестабильных отношений между ними требует для адекватного изучения предмета применения совокупности различных методов. Для правильного выбора и использования в исследовательской работе конкретного метода нужны некоторые предварительные знания о предмете изучения, умения вычленять его из среды и сопоставлять с другими предметами таким образом, чтобы отчетливо проявлялись наиболее важные и существенные стороны рассматриваемого предмета.

Методы представляют собой искусственно созданные человеком приемы познания, поскольку они не содержатся в предметах или окружающей действительности наподобие закономерностей, правил, отношений. Однако методы не существуют в отрыве от этих закономерностей, правил, отношений. Удачно выбранный и примененный в исследовании метод помогает вскрывать и фиксировать закономерности и свойства, не лежащие на поверхности явлений.

Выбор методов определяется спецификой предмета, накопленными знаниями о нем, целью исследования, а также зависит от того, какие стороны и свойства предмета предстоит анализировать. Учет всех этих факторов обеспечивает эффективность применения методов.

2.1. Описательный метод

Это наиболее широко применяемый во всех естественных и общественно-исторических областях знания метод исследования.

Требования описательного метода:

- четкое представление о предмете изучения (антропонимы, топонимы и т. д.);
- последовательное описание, систематизация, группировка или классификация изучаемых объектов;
- характеристика материала (количественная или качественная) в зависимости от поставленных задач исследования.

Описательный метод является исходным в ряду других методов исследования. Тот же материал, просмотренный в иных аспектах с помощью других методов, может быть только тогда успешно изучен, когда этому исследованию предшествует этап, базирующийся на описательном методе.

Основными компонентами описательного метода являются наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация. Суть наблюдения сводится к умению выделять из множества свойств исследуемого объекта наиболее существенные и важные, с помощью которых можно, с одной стороны, охарактеризовать предмет, а с другой – отличить его от остальных предметов. В умении наблюдать и отличать типичные свойства предмета проявляются способности, опыт и мастерство исследователя. Обобщение фактов и вскрытие в повторяющихся явлениях определенных закономерностей, правил – главная особенность описательного метода.

Начальный этап изучения на основе описательного метода – сбор материала, его каталогизация, систематизация, которая представляет разные части (виды, типы) собранного материала, отношения между ними, существенные различия. Списки рек, списки населенных пунктов, картотеки фамилий, имен, псевдонимов – всё это будет являться первичным описанием разнообразного онимического материала. На основе первичного описания нередко создаются словари с той или иной степенью осмысления представленных в них имен собственных. Например, «Список рек Днепровского бассейна» П.Л. Маштакова (1913) или «Словарь английских личных имен» А.И. Рыбакина (1973) и др.

Иногда подобные описания базируются на довольно разнородных источниках. Так, например, основу «Каталога рек Северного Приазовья» составляют данные рукописных карт XVIII века, военно-топографической карты России середины XIX века, топографических карт 30–40-х гг. XX века, полевых записей гидронимов диалектолого-топонимических экспедиций 60–70-х гг., а также различных изданий по истории, исторической географии и геологии.

По своей природе описательный метод синхроничен, ибо обычно описание осуществляется или по отношению к состоянию фактов в определенный период времени, или безотносительно к нему. Если факты описываются во времени, то описательный метод превращается в исторический.

Интерпретация результатов составляет неотъемлемую часть научного описания любого фактического материала. Во всякой работе важно не только зарегистрировать факт, но и объяснить его, определить его место в системе других фактов. При обсуждении и изложении сложных дискуссионных вопросов вполне возможны разные интерпретации одного и того же факта, что зависит часто от различных теоретических концепций специалистов, их знаний, личного опыта.

Иногда материал одного описания служит базой для проведения описания в совершенно ином аспекте. Так, «Словарь русских личных имен» Н.А. Петровского (2-е изд. 1980 г.) может стать основой фонетического и морфолого-грамматического описания современных русских имен.

Классификация материала при описательном методе исследования может служить как исходным этапом описания материала, так и его конечным результатом. В первом случае классификация базируется или на очевидных основаниях, по которым распределяются исследуемые факты, или на устоявшихся в науке традициях. Во втором случае исследователь выдвигает, как правило, новые принципы классификации, в результате чего общепринятый или широко распространенный способ классификации материала существенно трансформируется, дополняется или изменяется.

Характер описания, его конкретные приемы, а также организация материала и его подача диктуются целевой установкой исследова-

дования. Описательный метод, как и другие методы исследования, исторически изменчив. Он расширяет границы своего применения, набор исследовательских приемов в зависимости от развития общелингвистической (и общенаучной) теории и практики.

2.2. Исторический метод

План содержания языка исторически наиболее изменчив, поскольку в нем отражаются и фиксируются многочисленные и разнообразные изменения, происходящие с течением времени в окружающей действительности и в нашем мышлении. По словам одного из основоположников исторического языкознания Я. Гримма, «наш язык — это также наша история». Именно поэтому исследование языка с помощью исторического метода имеет не только лингвистическую, но и национальную, культурную и социальную ценность.

Повсеместное использование исторического метода практически во всех сферах науки о языке составило целую эпоху в развитии лингвистики, было господствующим и определяющим научным направлением в ней почти весь XIX век. Не случайно первыми, кто заинтересовался собственными именами (личными и географическими названиями), были историки. В XIX веке преобладают ономастические работы, выполненные историками, географами и этнографами (Н.М. Карамзин, М. Морошкин, Е.П. Карнович, И.Д. Беляев и др.).

Этот метод не утратил своего значения и в наши дни. По мнению некоторых лингвистов, именно благодаря историческому методу языкознание стало подлинной наукой, которая не только фиксирует, обобщает, описывает, классифицирует языковые факты, но и вскрывает многие закономерности, правила и принципы языковых изменений.

Внедрению лингвоисторического метода в ономастику способствовали исследования таких ученых XX века, как А.М. Селищев, А.И. Попов, В.А. Никонов, В.Н. Топоров, О.Н. Трубочев, Н.В. Бирилло, Ю.А. Карпенко.

Суть исторического метода заключается в сравнении состояния одного и того же языкового факта или совокупности фактов в ис-

торически разные периоды времени и в регистрации и описании тех изменений, которые произошли в эти периоды в форме или содержании факта (фактов). Чем больше расстояние во времени, тем, как правило, заметнее сдвиги в форме или значении наблюдаемого языкового явления. Кроме того, чем ниже в иерархической структуре языка находятся его единицы, тем в меньшей степени они изменяются. Изменения, происходящие в области фонетики, практически не замечаются на протяжении жизни носителей языка одного поколения. Грамматические изменения, в частности морфологические или синтаксические, более очевидны, но и они не настолько велики, чтобы затруднять процесс общения между разными людьми. И только изменения в области лексики и значений языковых единиц (в том числе имен собственных) происходят на глазах людей одного поколения: появляются и исчезают одни слова, значения других слов претерпевают существенные изменения.

Основной прием исторического метода – сравнение исследуемых единиц во времени и между разными языками, поэтому его называют иначе сравнительно-историческим. Сравнение языковых явлений можно осуществлять с учетом внешних факторов и на основании внутриязыковых показателей. При этом внешние обстоятельства служат лишь фоном, на котором происходят языковые изменения, косвенным свидетельством состояния языка в рассматриваемый период времени. Часто специалисты вынуждены учитывать внешние факторы в связи с отсутствием письменных источников. В тех случаях, когда имеются письменные памятники, относящиеся к разным периодам времени, специалисты опираются при использовании исторического метода на их данные.

Одной из универсальных закономерностей, по которым изменяется язык, является закон изменения форм и значений языка по аналогии. Именно аналогия однообразит формы языка, делает их обозримыми и легко запоминаемыми. На основании аналогии «работает» один из видов исторического метода – метод лингвистической реконструкции, используемый для вычисления состояния значения или формы определенной языковой единицы в заданный исторический отрезок времени. Для этой цели используются дан-

ные не только одного языка, но и родственных языков, диалектов, соседних неродственных языков и т. п.

Одно из назначений исторического метода — заполнение лакун в письменном языке. В тех случаях, когда формы языковых единиц и их значения не зафиксированы в письменных памятниках, они могут восстанавливаться на основании аналогии и регулярностей языковых изменений с высокой степенью надежности. Утраченные формы языковых единиц выводятся по аналогии, а их значения определяются, как правило, контекстом употребления этой формы. Если языковая единица регулярно употреблялась в том или ином контексте, то ее значение считается устойчивым, если нерегулярно — то непостоянным, т. е. используется тот же принцип, что и при исследовании значений языковых единиц современного языка.

Исторический подход не противопоставляется современному методам исследования, а нередко используется вместе с ними, например со статистическим, структурным и др. Связь со структурным методом проявляется в исследовании языковедами не только истории отдельных слов и выражений, но и изменений, происходящих в лексической системе в целом, перестройках структурных связей между словами, исследовании исторического движения целых пластов лексики.

С помощью исторического метода осуществляется периодизация развития национальных языков: в основу периодизации могут быть положены как внешние, так и внутренние факторы, а также их сочетание.

В последнее время стали более четко разграничивать «внутреннюю» (структурно-языковую) и «внешнюю» историю собственных имен. В первом случае речь идет о языковой истории (типы образования онимов, их эволюция), во втором — о соотносительности ономастических явлений с конкретными периодами общественной жизни.

Чем глубже удается проникнуть в историю языка, тем больше обнаруживается сходства в значениях языковых единиц родственных языков и больше единства в плане их содержания. Применение исторического метода помогает определить пути развития плана содержания языка, вскрыть связь между нынешним его состоянием и прошлым, объяснить и прогнозировать семантические процессы

в языке, способствует установлению форм связи плана содержания, плана выражения и окружающей действительности.

2.3. Сравнительно-сопоставительный метод

Сопоставление фактов служит одним из эффективных приемов научного исследования и используется во многих отраслях знаний как универсальное средство выявления скрытых свойств и качеств изучаемого предмета, на нем основывается процесс мышления вообще.

Сопоставляться могут факты одного национального языка, диалектов и разных национальных языков. Сопоставление используется для подчеркивания родства или семантической связи изучаемых фактов или для выявления их своеобразия, т. е. для вскрытия сближающих и различающих черт изучаемого явления. Трудно найти два значительных региона или два социальных коллектива, которые бы не различались составом функционирующих в них ономастических единиц.

Языковеды сравнивают как отдельные факты, так и целые группы фактов, относящихся к двум и более родственным языкам. При сопоставлении могут выявляться общие черты или общие явления, свойственные как всем языкам, так и группе родственных языков. Такие общие языковые явления называются универсалиями. Ономатологи сопоставляют как родственные (близкородственные, дальнородственные), так и неродственные ономастические системы. Сопоставлять можно как все ономастическое пространство, так и отдельные его зоны – антропонимию, космонимию, топонимию, а также более мелкие их «участки» (например, гидронимию, ойконимию, микротопонию и т. п.).

Сопоставление служит эффективным средством исследования не только фактов, принадлежащих разным языкам, но и фактов одного языка. В этом случае сопоставление может быть скрытым и явным. Семантический анализ родственных по значению слов практически всегда основывается на их сравнении, на выявлении отличительных признаков и оттенков, а также на учете общих моментов, сближающих подобные слова. С помощью сопоставитель-

ного метода вскрываются как качественные, так и количественные расхождения и сходства исследуемых семантических явлений.

Термины «сопоставление» и «сравнение» синонимичны, но в целях дифференциации разновидностей рассматриваемого метода их целесообразно отличать друг от друга. С учетом употребительности выражения *сравнительно-исторический метод* термин «сравнение» желательно использовать при изучении фактов в диахронии, а термин «сопоставление» (и соответственно сопоставительный метод) — при изучении семантических фактов в синхронии, независимо от того, исследуются факты одного языка или нескольких.

Одно из достоинств сопоставительного метода заключается в том, что каждое новое удачное сопоставление или сравнение открывает новый аспект в изучаемом факте, расширяя тем самым наши представления о нем, иначе говоря, сопоставление и сравнение должны быть осмысленными и целенаправленными.

В качестве примера сравнения одноподобных и близкородственных ономастических систем можно взять русский, белорусский и украинский именники (состав личных имен и закономерности их функционирования). Имея исконно единый общеславянский, затем восточнославянский, а с принятием христианства — византийский фонд личных имен, русские, белорусы и украинцы, несмотря на общие антропонимические традиции и тенденции, выработали свои особенности, которые позволяют говорить о русском, белорусском и украинском именниках как о самостоятельных системах.

При изучении фактов разных языков цель сопоставления сводится зачастую к установлению связи, родства, общности этих фактов. Сопоставление фактов из разных источников позволяет получать сведения о различных аспектах значения исследуемых языковых единиц. В текстах содержится информация о синтагматическом и прагматическом аспектах значения, в словарях — о парадигматическом и общем (ближайшем) значении слова.

Рассматриваемые языковые единицы могут сопоставляться попарно в тех случаях, когда изучаются отдельные свойства каждой из них. Попарное сопоставление с каждой новой единицей преследует цель выявить у заданной возможно большее количество присущих ей свойств, через которые и постигается ее сущность. Напротив, когда

специалист изучает наличие определенного семантического признака или свойства у языковых единиц, эти единицы сопоставляются все вместе и разбиваются по группам в соответствии с наличием или отсутствием в их содержании данного семантического признака или свойства. Таким образом, сопоставление языковых единиц по тем или иным признакам используется для классификации этих единиц, а попарное сопоставление – для исследования внутренней сущности отдельных языковых единиц, явлений, фактов.

Сопоставлению в ономастике подлежат разнообразные явления плана содержания (доономастическая и ономастическая семантика, в частности, типы номинации ономастических объектов, семантические модели онимов, мотивы наименования людей, круг основ, корней, слов, используемый в качестве личных имен) и плана выражения (строение онимов, их словообразовательная структура, грамматические, фонетические, акцентологические показатели). Результаты сопоставления могут быть выражены в качественных и количественных (статистических) характеристиках.

Для каждого из исторических периодов в жизни восточнославянских народов характерен свой набор сходных и различительных черт, во многом совпадающий с предшествующим периодом, но и заметно отличающийся от него, поскольку ономастическая лексика в целом исключительно чутко реагирует на общественно-политические, социальные и культурные преобразования, настраивая свою систему и ее отдельные компоненты на оптимальное выполнение социального заказа.

Восточнославянские антропонимические системы можно изучать в синхронно-сопоставительном и сопоставительно-диахроническом аспектах. Сравнительно-сопоставительные работы в синхронном и диахроническом аспектах как в собственно лингвистическом, так и в лингвосоциологическом, психологическом и иных планах должны подтвердить или опровергнуть всеобщий характер явлений, предположительно относимых к ономастическим универсалиям.

2.4. Ареальный метод

Ареальная (или пространственная) лингвистика исследует территориальное распределение языковых явлений, принадлежащих разным диалектам одного языка или ряду граничащих друг с другом языков. Она родилась из диалектологии, которая пришла к осознанию того факта, что между говорами нет чётких, однозначных границ и каждое из языковых явлений может характеризоваться своими особенностями распространения, что на географической карте фиксируется *изоглоссами*. Граница между двумя соседними диалектами представляет собой не просто линию, а пучок изоглосс. На границах диалектов располагаются переходные зоны (зоны вибрации). Впоследствии было установлено, что и соседствующие языки не отделяются чёткими границами друг от друга, а как бы постепенно переходят друг в друга, что дало повод постулировать принцип лингвистической непрерывности.

Известно, что ономастическая лексика существует не только во времени, но и в пространстве. Пространственный момент ее бытия, как и языка в целом, обусловлен тем, что носители языка занимают какую-то территорию и живая речь звучит не в одном, а в разных местах. Но у одного из разрядов собственных имен — у топонимов — связь с пространственными объектами более тесная: они являются их обозначениями.

Ареальное языкознание в качестве своего метода использует лингвистическую географию. На географические карты наносятся полученные в результате сплошного или выборочного обследования изоглоссы, характеризующие распространение явлений звуковых, лексических, грамматических, и лингвисты, сопоставляя разные карты, интерпретируя их, выносят своё решение о центрах, где зародились языковые инновации и откуда они иррадиируют, как далеко они распространяются, что этому способствует и что, напротив, сдерживает дальнейшее их продвижение. Нередко при этом оказывается необходимым принимать во внимание не только границы языковых явлений, но и границы экономические, политические, этнографические, культурные.

Географическая «привязанность» топонимов с давних пор находит отражение на картах. Однако факт фиксации топонимов на

карте еще не означает, что топоним стал предметом изучения. По существу, на карте сначала обозначается топообъект (город, село, гора, река, море и т. д.) и уже потом приводится его название. И все же связь топообъекта и его названия не остается незамеченной. Интерес ученых-географов к топообъектам был распространен и на их обозначения. Поэтому вполне естественно, что первыми топонимистами стали географы и первые методы, с помощью которых изучались топонимы, были географические (картографические).

Географы выполнили немало работ по «привязке» топонимов к определенным объектам (особенно при пользовании древними памятниками письменности и старыми картами), по соотнесению названий с обозначаемыми предметами (особенно при «позитивности» географических названий, т. е. при мотивированности наименования особенностями рельефа), по собиранию и систематизации географической номенклатуры (родовых названий типа *гора, холм, хребет, впадина, долина, река, ручей, протока* и т. д.), а также по изучению ее отражения в географических названиях. Несомненной заслугой географов следует считать выявление и оценку картографических источников для топонимического исследования, разработку общих и частных методов изучения топонимов, совершенствование картографического метода исследования различных топонимических ландшафтов.

Использование лингвистами географического метода (получившего и другие названия – ареальный, изоглоссный, метод картографирования, метод лингвистической географии) началось во второй половине XIX века и было связано с изучением диалектов (И. Шмидт, Г. Венкер, Ф. Вредэ). Широкую популярность этот метод приобрел в XX веке после публикации «Лингвистического атласа Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона (1902–1910), серии лингвистических атласов Италии, Румынии, Испании, Швейцарии, а также ряда диалектологических атласов территории СССР.

Отдельный язык как множество племенных или территориальных диалектов или группа географически смежных (родственных и неродственных) языков (вплоть до такой общности, как языковая семья и языковой союз) образуют ту область, тот ареал, внутри которого ареальная лингвистика устанавливает по показаниям

изоглосс внутренние пространственные границы и исследует отношения между соответствующими диалектами и языками. Ареал в целом трактуется как непрерывное диалектное целое, диалектный континуум. В нём выделяются следующие зоны: центральная, где зарождаются новообразования (инновации), маргинальные, где наблюдаемые изоглоссы имеют менее выраженный характер, и переходные (диффузные зоны, или зоны вибрации).

Не могли не воспользоваться лингвисты ареальным методом и для изучения ономастики. Массовое применение картографирования началось с топонимии. Метод оправдал себя: составлены топонимические (гидронимические, оронимические, т. е. отражающие распределение собственных имен любого элемента рельефа земной поверхности, ойконимические и др.) карты и целые атласы, показывающие географию различных топооснов, морфологическую, словообразовательную и фонетическую структуру топонимов и т. п.

В меньшей мере применялся ареальный метод для изучения антропонимов, космонимов и других ономастических разрядов. Однако опыты показали, что и здесь он дает хороший эффект. В частности, картографированию (с последующим осмыслением ареалов и изоглосс) поддаются:

1) антропонимические зоны, намеченные с учетом структуры наименования (И.В. Бестужев-Лада, например, на карте мира выделил девять зон);

2) ареалы функционирования различных групп антропонимов (имена греческого, римского, славянского, арабского и др. происхождения);

3) зоны преимущественного распространения конкретных топооснов, топоформантов и т. п. (в составе личных, фамильных, прозвищных и иных наименований). Вполне возможны также различные типы антропонимических атласов.

Ареальная лингвистика может быть синхронической, но нередко она обращается и к диахронии. Именно благодаря её приёмам были получены серьёзные уточнения в знаниях о диалектном членении общеиндоевропейского языка и границах его диалектов на ряде древних стадий, о древнем диалектном членении современного конкретного языка. Во многом она способствовала также

определению ареалов языковых союзов (балканского, кавказского, центрально-азиатского, волго-камского и т. д.).

2.5. Семиотический метод

Использование семиотического метода (от термина *семиотика* – наука о знаках, их признаках и видах, системах и условиях использования) основывается на признании знакового характера ономастических единиц и системной их организации в пределах антропонимии, топонимии и т. д., а также в составе всего ономастического пространства конкретного языка в определенный период его существования.

Задача семиотического метода состоит в определении набора знаков (онимов), их дифференцирующих признаков, способов их языкового выражения (в звуках, морфемах, словах, сочетаниях слов), конкретных видов проявления системных связей, в определении меры (уровня) системности ономастики в целом, отдельных ее разрядов, а также отдельных участков этих разрядов (например, в антропонимии – системность в личных именах, системная организация фамилий, прозвищ, псевдонимов, в топонимии – системные связи в названиях населенных мест, водных объектов и т. д.).

А.А. Реформатский в работе «Семиотика географической карты» назвал географическую карту своеобразным «информационным устройством». Она – хранитель и способ передачи информации. В ней, наряду с границами (природных зон, экономическими, политическими, этнографическими и т. д.), изоявлениями (изотермами, изобарами, изоглоссами), показом полезных ископаемых и других ресурсов, показом миграций населения, перелетов птиц и т. п., – названы и собственно топонимические объекты: 1) гидрографические: океаны, моря, озера, пруды, водохранилища, реки, каналы, водопады и пр.; 2) орографические: горы, хребты, пики, ледники, долины, ущелья; 3) пути сообщения: дороги, шоссе, авиалинии; 4) социально-политические и культурные объекты: города, поселки, улицы, площади, бульвары, скверы и т. п. Карта, несмотря на всю ее схематичность, отражает реальность, в частности живую топонимию и ее семиотическую сущность [69].

В последнее время семиотический метод стал распространяться на анализ как реальной, так и литературной ономастики. Лучше других обрабатывается этим методом топонимический, антропонимический и космонимический материал.

Например, попытка семиотической интерпретации антропонимии содержится в статье Б.А. Успенского «Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе» в книге «Ученые записки Тартуского университета» (V, 1971, вып. 284, с. 481–492).

Семиотический метод, ставящий своей задачей познать строение и функционирование ономастических «информационных устройств», очень молод и ещё не располагает достаточным набором процедур анализа. Его применение пока ограничивается рассмотрением системных связей, чаще всего в области топонимии, в том или ином синхронном срезе. И хотя семиотический аспект динамики ономастических систем ещё не привлек к себе достойного внимания исследователей, между тем ученые осознают, что возникновение, история и взаимодействие этих систем в ходе их исторического развития не могут быть по-настоящему поняты без анализа с позиций семиотики.

2.6. Стилистический метод

Может показаться, что собственные имена с их «гипертрофированной номинативностью» являются простыми знаками (этикетками) и неинтересны для стилиста. Однако это не так. Достаточно вспомнить об именах персонажей в художественной литературе и фольклоре, чтобы представить себе огромное по своим размерам «второе ономастическое пространство», анализ которого требует применения, наряду с другими методами, особого стилистического метода с множеством разнообразных лингвостилистических, литературоведческих, а также комплексных филологических методик и приемов. «Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных характеристических функциях и т. п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы», — указывал акад. В.В. Виноградов [16, с. 38].

Ономатолога-стилиста привлекает широкий круг проблем:

- функции собственных имен в художественном произведении (номинативная, идеологическая, характеризующая, эстетическая, символическая);
- специфика литературной ономастики, зависимость состава имен и их функций от литературного направления (классицизм, сентиментализм, романтизм, символизм, реализм и т. д.);
- особенности отбора и употребления имен в прозе, поэзии, драматургии (в комедии, трагедии, драме, водевиле);
- виды литературных антропонимов, топонимов и т. п. (условные поэтические имена, имена-маски, имена-символы, «говорящность» нейтральных имен, имена-намеки на антропонимы прототипов), их роль в построении художественного образа;
- способы и приемы видоизменения реальных собственных имен для достижения экспрессивно-стилистической и художественной выразительности;
- роль собственного имени в типизированном отражении действительности;
- собственное имя как средство создания сатиры и юмора, а также множество других видов мотивированного употребления всех без исключения разрядов собственных имен.

С методом стилистического анализа имен в художественных текстах можно познакомиться по статьям, посвященным ономастике произведений А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др.

Однако стилистическое разнообразие имен художественной литературы в конечном счете идет от стилистического богатства ономастики в жизни. Известно огромное количество так называемых «неофициальных» антропонимов (Маша, Машенька, Машутка, Машка, Муля...), топонимов («своих», неофициальных наименований сел), народных (диалектных) космонимов и т. д., которые отличаются от соответствующих «официальных» форм разговорностью, стилистической маркированностью, особой сферой употребления. Весь этот разнородный и исключительно тонкий («оттеночный») материал требует анализа стилистическим методом.

В частности, актуально изучение состава и стилистических функций ономастической лексики (и более сложных ономастических образований типа «полных» наименований человека по фамилии, имени, отчеству или разных видов «неполных» наименований – по фамилии и имени, имени и отчеству и т. д.) в различных функциональных стилях литературного языка – официально-деловом, научном, публицистическом, разговорном. Такой анализ может быть и синхронным, и диахроническим. Полную же картину стилистических возможностей ономастики национального языка можно будет увидеть после изучения ее функционирования во всех формах его существования – в литературном языке, обиходно-разговорной речи, просторечии, территориальных и социальных диалектах.

2.7. Психолингвистический метод

Язык – сугубо человеческая сущность, генетически и онтологически связанная с мышлением, духовным миром, психикой как отдельного человека, так и всего народа. Одна из диалектических особенностей языка заключается в том, что он в одно и то же время представляет собой готовую систему (сущность), внедренную в сознание человека, деятельность (процесс), являющийся результатом функционирования этой системы, и готовый продукт, существующий в виде устной речи или письменного текста. Человек – не только носитель языка, но и его создатель, единственный источник, в котором творчески возобновляется жизнь языка, воспроизводятся его готовые формы и значения и создаются новые.

Как писал более ста лет назад Н.В. Крушевский, «вследствие закона ассоциаций по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, благодаря закону ассоциаций по смежности те же слова должны строиться в ряды» (Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. – С. 65). Дальнейшие исследования показали разнообразие ассоциаций между словами и их отдельными разрядами (частями речи, семантическими группами, стилистическими пластами, антонимами, синонимами, омонимами и т. д.), лингвопсихологическую объективность ассоциаций (не смотря на индивидуальный характер их проявления), различную

их силу (устойчивость и частоту реакции на слово-стимул), а также возможность сопоставления психолингвистических данных с результатами изучения языка другими методами.

Сущность психолингвистического метода, используемого в современной лингвистике для исследования плана содержания языка, заключается в том, что с его помощью предполагается обработка и анализ тех языковых фактов, которые можно получить от информантов, носителей языка, в результате специально организованных экспериментов.

Психолингвистические методы, основанные на анализе словесных ассоциаций испытуемых, относятся к ассоциативным экспериментам, среди которых различают два вида: свободные и направленные. При свободном ассоциативном эксперименте информанты отвечают в зависимости от установки и цели исследования на слово-стимул или одним первым пришедшим им в голову словом, или целым рядом слов, всплывающих в их сознании в течение определенного отрезка времени (например, одной минуты). Ответы испытуемых регистрируются, обрабатываются и сводятся в перечень, где, как правило, располагаются по частоте встречаемости, т. е. чем чаще реакции на определенные слова, тем ближе они помещаются к слову-стимулу (в созданных для многих языков ассоциативных словарях статьи строятся именно по такому принципу). Все лексические единицы, связанные со словом-стимулом в сознании испытуемых и выявленные в результате экспериментов, образуют ассоциативное поле, мощность которого определяется количеством входящих в него слов. Направленный ассоциативный эксперимент применяется для получения на слово-стимул определенных семантических связей (синонимических, антонимических, фразеологических и т. д.). Результаты эксперимента обрабатываются, и в зависимости от его цели исследователь вскрывает цепь ассоциаций заданного слова.

Опытов над собственными именами с целью выявления их ассоциативных связей друг с другом, а также с аппеллятивной лексикой пока проведено немного. Лингвистов и психологов интересовали и продолжают интересоваться явно «понятийные» слова — нарицательные существительные, глаголы, прилагательные, наречия.

Различают ассоциации парадигматические (ответ на слово-стимул словом-реакцией той же части речи: стол — стул, высокий — низкий, говорить — сказать) и синтагматические (ответ на слово-стимул словом-реакцией другой части речи, например: небо — голубое, говорить — ясно). Необходимо отметить, что даже если в списках слов-стимулов не предусматриваются имена собственные, то в «ответной» части (слова-реакции, слова-ассоциации) они встречаются. Этот материал, получаемый в качестве «попутного» продукта, имеет для исследователей исключительную ценность.

Путем проведения психолингвистических экспериментов исследователи языка накапливают фактический материал, анализ которого позволяет создавать типологию ассоциативных связей, что в свою очередь содействует вскрытию системной организации лексики. С помощью психолингвистических методов исследуется язык в действии, вскрываются его динамические структуры, язык изучается в непосредственной связи с процессами мышления, а также психическими процессами, протекающими в сознании и организме человека одновременно с языковыми и под их воздействием. При этом учитываются подвижные вероятностные связи между значимыми единицами языка, связи, с помощью которых эти единицы организуются в систему и на основании которых строятся высказывания.

В ономастике имеются работы, в которых изложены результаты целенаправленного изучения свободного восприятия собственных имен. Например, анализу «субъективной оценки употребительности топонимов в речи» были подвергнуты 140 названий, входящих в школьный курс географии, а также в топонимические словари М.С. Боднарского и В.А. Никонова. Также был проведен эксперимент (руководитель — А.В. Суперанская) по установлению денотатов имен (путь от имени к обозначаемому), по выявлению свободных ассоциаций. Проводятся опыты по оценке «благозвучности» как реальной, так и литературной ономастики.

2.8. Статистический метод

Статистические методы используются для исследования фактов в их массовых проявлениях, с целью вскрыть закономерности (правила) появления этих фактов при функционировании языка. Статистические методы включают разнообразные формулы, применяемые для выявления правил распределения языковых единиц в речи, измерения различных как формальных, так и качественных явлений языка, установления тех или иных тенденций в развитии и функционировании языка, определения значимости исследуемых семантических явлений, установления зависимости между качественными и количественными характеристиками языка.

Применима лингвостатистика и в ономастике. Ее содержание здесь разнообразно – от простейших подсчетов количества имен и выделения наиболее употребительных из них до описания статистической организации целого ономастического разряда и закономерностей его развития.

Наиболее типичные примеры работы этим методом:

- 1) исследователь приводит пять самых частых имен, полученных новорожденными в узбекских семьях (Самарканд, 1965);
- 2) исследователь дает весь список мужских и женских имен с указанием числа и процента носителей каждого имени (Минск, 1964);
- 3) исследователя интересует фонетико-морфологическая сторона антропонима, в частности вокальный или консонантный исход мужских и женских имен у тюркоязычных народов Поволжья (В.А. Никонов, 1965–1967 гг.);
- 4) статистическое выражение получают лингвосоциологические исследования ономастики (например, данные о склонении – не склонении корейских фамилий в русском языке);
- 5) подсчет доли падежей собственных имен в целом и каждого из их разрядов, а также их синтаксические функции в текстах разных стилей;
- 6) составление частотных словарей языка писателей требует статистической обработки и ономастического материала произведений [10, с. 70–72].

Статистический метод в своих различных модификациях приложим ко всем разрядам ономастической лексики и является хорошим добавлением ко всем остальным методам.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Назовите основные методы ономастических исследований, дайте их краткую характеристику.
2. Почему описательный метод является исходным в ряду других методов исследования? Назовите основные его компоненты.
3. Почему исторический метод исследования ещё называют сравнительно-историческим? Назовите его основной приём.
4. Какова основная цель применения сравнительно-сопоставительного метода исследования в ономастике?
5. Какой метод используется для изучения территориального распределения ономастических явлений? В изучении какой области ономастической лексики широко применяется данный метод исследования?
6. Какие методы ономастического исследования используются наиболее активно при изучении семантики имени собственного?
7. Какой круг проблем исследуется ономаатогами с помощью стилистического метода?
8. На чем основаны психолингвистические методы исследования ономастического материала?
9. Подготовьте реферат по проблемам метода ономастического исследования (на выбор).

Рекомендуемая литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – С. 36–82.
2. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Изд-во ЛКИ, 2002. – С. 250–329.
3. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.] ; отв.ред. А.П. Непокупный. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 180–229.

Глава 3. РАЗРЯДЫ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

3.1. Антропонимика

Антропонимика – раздел ономастики, изучающий собственные имена людей, происхождение, изменение этих имён, географическое распространение и социальное функционирование, структуру и развитие антропонимических систем. В современной русской антропонимической системе каждый человек имеет личное имя (выбираемое из ограниченного списка), отчество и фамилию (возможное число последних практически не ограничено). Существовали и существуют иные антропонимические системы: в Древнем Риме каждый мужчина имел преномен – личное имя (таковых было всего 18), номен – имя рода, передаваемое по наследству, и когномен – имя, передаваемое по наследству, характеризующее ветвь рода. В современной Испании и Португалии человек имеет обычно несколько личных имён (из католического церковного списка), отцовскую и материнскую фамилии. В Исландии каждый человек имеет личное имя (из ограниченного списка) и вместо фамилии – производное от имени отца. В Китае, Корее, Вьетнаме имя человека складывается из односложной фамилии (в разные эпохи их насчитывалось от 100 до 400) и личного имени, обычно состоящего из двух односложных морфем, причём количество личных имён не ограничено. Особое место в антропонимических системах занимают гипокористики (ласкательные и уменьшительные имена – русские *Машенька*, *Петя*, английские *Bill* и *Davy*), а также псевдонимы и прозвища.

Личное имя как социальный знак

В именах в той или иной степени отражаются быт, верования, чаяния, род занятий и отношение к окружающему миру, художественное творчество народов, даже их исторические контакты между собой. Имена – это фокусы социальной энергии. Считается, что здоровье нации заключается в её отношении к именам.

Имя, фамилия человека – своеобразные социальные знаки, которыми принято дорожить. Имя всегда социально, и отсутствие имени – тоже социальный знак. Имя зачастую несло яркую социальную характеристику, употреблялось в определенной социальной среде.

Имя собственное идентифицировано с телесной и духовной индивидуальностью человека. В онтогенезе имя как часть самосознания определяет ценностные ориентации человека в его притязаниях на признание, особенностях половой идентификации, характере построения жизненных перспектив, а также системе прав и обязанностей. Имя появляется прежде, чем родится человек, и остается после его смерти – переходя от потомка к потомку. В народном мышлении издревле существует, на основе многовекового опыта, твердое убеждение о жизненной значимости имен, связи с каждым из них определенной духовной и отчасти психофизической структуры. Отсюда живучесть обрядов и суеверий, связанных с именем.

Само сочетание звуков имени содержит в себе целый спектр разнообразных ассоциаций (от фонетических до общекультурных). Важны способы обращения по имени, его произношение. Они могут обеспечить правильное взаимодействие с человеком, дать или не дать поддержку человеку в его притязаниях на желаемое отношение к себе. Интересно, что испытание тысячелетиями выдержала ничтожная совокупность имен, оказавшаяся исторически жизнеспособной у разных народов. Уменьшительные, ласкательные, уничижительные, насмешливые и прочие видоизменения каждого имени стоит понимать как различные приспособления данного имени к оттенкам отношений в пределах одного народа и времени. Полное имя связано с высшей реализацией человека, уменьшительное – с одним из аспектов, одной из черт личности.

Имена можно отчасти сравнить с наследственными родовыми типами в генетике, с конституциями, архетипами. Имена ведут себя

в жизни общества как некие фокусы социальной жизни и являются её неотъемлемой частью. Определяющим моментом оказывается преобладание того или иного имени, их комбинация.

С этим связано такое явление, как так называемая мода на имена. Несомненно, в ней отражается влияние кино, радио, прессы, шлягеров, спорта; приверженность к определенным именам в семье, выбор имени в честь родственников и знакомых; и, что важнее, социально-исторические процессы. В моде на имена имеются общие закономерности, их причины не выяснены. По-видимому, на выбор имени и его частотность влияет эмоциональная оценка имени. Есть сквозные имена с их периодической повторяемостью, определяющие стабильность именной культуры. Есть частые и редкие имена. Для наиболее популярных имён пики повторения (моды) идут через разные периоды времени — от нескольких лет до нескольких десятилетий или столетий. Есть и имена с краткой исторической жизнью.

Перечисленные факты неслучайны, если учесть существование такого феномена как фонетическое значение, внутреннее соответствие между звуковым комплексом и значением. Природа звуко-символизма имеет разные объяснения: способ произношения звуков, акустические свойства самих звуков, синестезия, опыт деятельности человека и другие. Помимо этого в последние десятилетия получены новые данные о вибрационном воздействии звуков на клеточном уровне, уровне отдельных тканей и всего организма, о звукорезонансном механизме этого воздействия. Возобновляется старинная практика лечения звуками речи и музыки, но на новом уровне знаний, успешно развивается новое виброакустическое направление в медицине.

Выдающейся работой, посвященной имени, его значению, является книга П.А. Флоренского «Имена». Он писал, что имя оценивается Церковью, а за нею народом, как духовный тип, как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея, а святой — как наилучший её выразитель. Но имя само по себе не дает хорошего или плохого человека. Оно — лишь форма, по которой можно написать произведение и плохое, и хорошее. Оно направляет жизнь личности, но сама личность должна определять свое нравственное содержание, свои жизненные пути. С одним именем можно быть

святым, можно обывателем, а можно и негодяем, извергом. Но и святым, и обывателем, и негодяем человек данного имени становится не как угодно, а по своему имени.

Исходя из работ Флоренского, его развернутых портретов восемнадцати имен, сведений о виброакустическом воздействии на живые организмы, была выдвинута гипотеза о психофизиологическом влиянии имени на человека, существовании глубинных различий между носителями разных имён. Для её проверки проводилось изучение особенностей носителей ряда русских имён. Изучались показатели потребностей в социализированных эмоциональных переживаниях по Б.И. Додонову; развёрнутой самооценки по В.Н. Куницыной; мышления по П. Торрансу; темперамента по В.М. Русалову; самоактуализированной личности по А. Маслоу. Кроме того, исследовались цветовой, эмоциональный, характерологический образы имени, а также частота встречаемости имен среди представителей разных профессий – замечательных российских личностей, пользующихся заслуженным признанием и повышенным вниманием средств массовой информации. В результате анализа сведений о более чем 4500 человек обнаружено существование достоверных отличий как в образе разных имен, так и в психофизиологических особенностях их носителей [17, с. 105].

Полученные данные хорошо соотносятся с портретами имён по П.А. Флоренскому. Одной из важнейших функций звуковых систем человека – речи и музыки – является регуляторная функция, гармонизация с окружающей средой. Логично полагать, что мода на имена отражает смену неосознанных потребностей данного этноса в определенных звуковых стимулах. А имена способствуют формированию личностей применительно для будущего данного общества, что скажется на его грядущем социально-историческом облике, менталитете.

Система личных имен

У исландцев нет фамилий; чеха, поляка, болгарина не называют по отчеству; у некоторых народов Океании нет ни фамилий, ни отчеств; трехслоговые имена китайцев тоже имеют очень мало общего с нашей системой имен, включающей индивидуальное имя

(в узком смысле), отчество, фамилию. Как же обращаться к исландцу, поляку, китайцу? Где имя, а где фамилия у корейца (*Ли Гиен*) или японца (*Акутагава Рюноске*)? Как пользоваться такими именами, не соответствующими принятой у нас модели имен? Как разместить, например, элементы вьетнамского, корейского или китайского имени в наших рубриках «имя», «отчество», «фамилия» (при выдаче паспорта, заполнении анкеты или в различных списках и перечнях, в алфавите авторов, в библиографических указателях и каталогах, в энциклопедических словарях и во многих других случаях)? Как быть с многочленными именами (*Эрнест Теодор Амадей Гофман*)?

В наше время, когда активно расширяются международные связи, такие вопросы возникают все чаще и требуют решения. Во всех этих случаях необходимо знать, какие формы именования приняты у того народа, к которому принадлежит собеседник или адресат. Это легче понять на примере русского языка: допустим, иностранный студент обращается к женщине-преподавателю: «Я учился по вашей книге, Ольга Кузнецова», или к профессору: «Счастлив, что слышу вас, Коля». Подобные оплошности иногда комичны, а чаще коробят. В 1814 году А.С. Шишков сопровождал императрицу, жену Александра I, в Германию, освобожденную русскими войсками от Наполеона, и так описал торжественную встречу: «Странно было для русского уха слышать, что громогласно и с восторгом произносилось одно только отечественное имя ее: «Алексеевна!».

Нельзя было не рассмеяться, когда народ кричал: «Ура, Алексеевна! Виват, Алексеевна!» Они думали подделаться этим под русский язык, потому что у них отечественное имя не в употреблении, но того не могли знать, что без приложения к нему собственного имени оно дико и только о простых и пожилых женщинах говорится».

Немало различий в системах личных имен и внутри нашей многонациональной страны. У многих народов отсутствует отчество, у других оно еще только входит в употребление. Колеблются и формы отчеств: например, у одного и того же человека в одних документах отчество проставлено *Ахмед-оглы*, в других — *Ахмедович*.

Известный польский лингвист Тадеуш Милевский классифицировал все антропонимические системы по количеству составляющих их членов: одночленные, двухчленные, трехчленные... Но распреде-

ление по такому внешнему признаку не раскрывает главного; оно разрывает действительно однородные системы, которые разошлись только количеством членов, и объединяет самые разнородные, которые внешне совпали лишь по количеству членов. В действительности трехчлен *Александр Сергеевич Пушкин* родственнее, конечно, польским, чешским, болгарским двучленам *Адам Мицкевич*, *Карел Чапек*, *Иван Вазов* (отличие только в отсутствии отчества), а не, допустим, древнеримскому трехчлену *Публий Овидий Назон*.

Антропонимика пока не располагает сводом компонентов, образующих систему. Нужны основные антропонимические категории. Не выяснив их, невозможно рассматривать и сопоставлять системы имен.

Пожалуй, самая разработанная – арабская антропонимическая система позднего средневековья. Даже лучшие из описаний арабских антропонимов не дают представления о функционировании имен и правилах их употребления.

Легко сопоставить близкородственные системы именования, или антропонимические модели (АМ). Обозначив нашу как ИОФ, нетрудно обозначить польскую, чешскую, болгарскую как ИФ, но сопоставление с другими европейскими системами окажется сложным. Если исландскую можно обозначить «И+О», то немецкая или французская не укладываются в наши обозначения: в них принято указывать второе и третье личное имя (в узком смысле): *Эрих Мария Ремарк* – не «И+О+Ф», а «И+И1+Ф», *Эрнест Теодор Амадей Гофман* – соответственно «И+И1+И2+Ф». Но как быть с именами китайцев или некоторых народов Африки, где индивидуальное имя дается не пожизненно, а меняется с возрастом и после смерти? А как быть с производными формами индивидуального имени, столь разнообразными и у нас, и в других индоевропейских языках (наши *Лена*, *Витя*)? Все это – явления, неразмещимые в одном ряду, даже в разных рядах одной плоскости. Например, недопустимо рассматривать в одной классификационной схеме антропонимические категории и по происхождению, и по функции. Это два совершенно различных плана. Тот или иной компонент системы займет в одном плане одно место, а в другом – другое и может быть соотнесен с компонентом то болгарской, то французской системы.

Конечно, сегодня легко отличить имя от прозвища, фамилию от отчества. Но как решать вопрос о русских именах XVII века или о современных именах некоторых других народов? Прежде *Иванов* было не фамилией, а отчеством («Иванов сын», т. е. «сын Ивана»), сын *Василия Иванова* был уже *Федор Васильев*. Были и скользящие «дедичества», также сменяющиеся. На жен они не переходили. Можно условно считать фамилией коллективное имя семьи, т. е. наименование, переходящее на супругов и потомков нескольких последующих поколений. Еще труднее различить имя и прозвище. Вплоть до конца XVII века наряду с именами, даваемыми при крещении, существовали исконно славянские, дохристианские имена (*Ждан, Неждана, Третьяк, Милава* и т. п.). В.К. Чичагов утверждает, что в XV веке они были уже прозвищами. Но их употребляли и в быту, и во всех документах — в свадебных актах, в церковных грамотах. Можно встретить священника с языческим именем поп *Истома*, в монастыре жил *Ивашко Дьяволов сын*, в завещании вдовы стояло: «по приказу мужа и господина моего *Негодяя*». Государственный деятель середины XVII века боярин Хитрово всю жизнь носил имя *Богдан*, и только после смерти стало известно, что при крещении его нарекли *Иовом*. Да и убитый царевич *Дмитрий* был по крещению *Уар*.

У европейских народов имя пожизненно. Но у очень многих народов Африки, у китайцев основное имя сменно: оно дается не на всю жизнь, а заменяется по возрасту и положению, например: «детское имя», «школьное имя», «воинское имя»; имя изменялось и в случае ухода в монахи. В этом смысле прозвище стабильнее — часто оно сопутствует человеку всю жизнь. Нельзя утверждать, однако, что имя условно, его этимология стерта, а этимология прозвища ясна. Среди русских имен, которые давались после революции, есть имена с подчеркнuto этимологическим значением (*Октябрина, Геллий, Индустрий, Май* и др.), в то же время существуют прозвища, которые никто не в силах объяснить.

Системы имен не извечны. Они складываются исторически и не остаются неизменными. Старый вопрос, который гимназисты задавали одноклассникам и учителям: «Какая фамилия была у Ивана Грозного?», — не имеет ответа, так как не было у него никакой фамилии. Еще и двумя столетиями позже большинство на-

селения России не имело фамилий. Зато в старинных документах не редкость такие наименования, которые наш современник сочтет сверхизбыточными: «*вдова Агафья Иванова, дочь Степановская, жена Федосеевича Юматова*».

Изменения антропонимических систем обусловлены сменой социально-экономического строя. Но эта зависимость не прямая и не простая, ее нельзя представлять вульгаризаторски, будто определенный социально-экономический строй тотчас рождает свою систему личных имен, которая вместе с ним заканчивает свое существование. Родовые имена надолго пережили родовой строй. Фамилия возникла и распространилась многими столетиями позже того, как семья стала первичной хозяйственной и правовой ячейкой общества.

Нередко антропонимические системы развиваются путем заимствования. В Турции, Тунисе, Египте законами введены обязательные фамилии, ранее не употреблявшиеся. По примеру русской системы имен у всех народов нашей страны распространяется отчество, которого ранее они не знали.

Одно и то же именование исторически может употребляться в разных функциях: сегодня *Бык* — фамилия, в XVII веке — это прозвище, в XVI веке — личное имя. Наблюдается смешение элементов разных категорий системы: для всех привычно — *Алексей Максимович Горький*, хотя *Алексеем Максимовичем* был *Пешков*, а *Горький* — часть псевдонима *Максим Горький*. Иногда такое смешение приводит к абсурду, например, давать такие названия судам, как «*И. Муромец*», «*М. Печерский*» (имеется в виду имя писателя *П.И. Мельников-Печерский*), столь же нелепо, как памятник *Петру I* именовать «*памятник П. Первому*».

Изменения антропонимических систем выражаются не только в том, что одни их компоненты отмирают, другие возникают. Протекают изменения менее наглядные, но не менее значительные — меняется отношение компонентов. Сто лет назад для всех русских уже была обязательной современная триада (И+О+Ф), но очень редко употреблялась тогда фамилия, и как выросла ее роль сегодня. Употребление одиночного отчества служило нормой для выражения определенного сочетания фамильярности и уважения — напри-

мер, в отношении к крепостным воспитателям, «дядькам» и «мамкам», — пушкинские *Савельич* в «Капитанской дочке», *Филиппевна* в «Евгении Онегине». В крестьянской и рабочей среде это явление оказалось живучим и не исчезло даже сейчас.

В обществе, разделенном на антагонистические классы, словная иерархия отражалась в именах. Установление фамилий в странах Европы проходило последовательно по ступеням социальной лестницы: сначала фамилия появилась у дворян, затем у купечества, позднее у средних слоев горожан, а городские низы и крестьянство очень долго оставались бесфамильными. Этот процесс растягивался на несколько столетий. В России княжеские фамилии возникали с XV века, дворянские установились с XVI—XVII вв., из купцов обзавелись фамилиями в XVI веке только такие как *Строгановы* (так их и звали — «именитое купечество»), большинство же купцов получило фамилии только в XVIII веке, некоторые и в начале XIX века. Всему крепостному крестьянству, основной массе населения, фамилий не полагалось вплоть до падения крепостного права в 1861 году, у многих уже были фамилии «уличные», но нигде не записанные и официально непризнаваемые, не всегда устойчивые. А у некоторых небольших народов Сибири фамилий не было до 30-х годов XX столетия.

Одновременно с официальной антропонимической системой (в тех государствах, где она установлена) существуют системы бытовые, отличающиеся от нее. Так, становление фамилий в европейских странах проходило этапы, разделенные столетиями: возникновение фамилий, их бытовое распространение и, наконец, признание — допуск в документы, введение обязательности употребления. Противоположен путь установления фамилий в странах Северной Африки и Передней Азии: сначала изданы законы, устанавливающие обязательность фамилии, и только потом ее внедрение, которое требует времени.

В нашей стране, при всей обязательности принятой официальной системы имен, она не единственна. Наряду с ней существуют параллельные системы и подсистемы. В «паспортной форме» имя выступает далеко не всегда — в списках избирателей, в торжественных актах, в различного рода свидетельствах, в судебных документах. А обычно даже в официальной переписке или ведомостях на

зарплату достаточно фамилии с инициалами. В повседневном же употреблении полное трехчленное именование не фигурирует никогда – называют по имени и отчеству или по фамилии. В семье существуют лишь производные формы личных имен, имеющие эмоциональную окраску и употребляемые в зависимости от ситуации (*Ната – Натуля – Натка*). В школьном употреблении нет отчеств, нередко имена заменяются прозвищами. Выяснилось, что у многих народов Севера, Дальнего Востока общеупотребительны «вторые имена» – сосуществование прежней системы имен и новой, русской. У каждой из всех этих систем своя сфера употребления, строго ограниченная неписанным законом.

Не лишен значения порядок членов имени в употреблении. Он несколько автономен от порядка слов в языке вне антропонимии. В русском языке сложился порядок: 1) личное имя (в узком смысле); 2) отчество; 3) фамилия. Но этот «естественный» (т. е. стихийно сложившийся) порядок все чаще подвергается перестановке – на первое место выносят фамилию. Это понятно и неизбежно в алфавитных списках, но во многих других случаях неоправданно: неуместным канцеляризмом отдает надпись на памятнике в Ульяновске «*Гончаров И.С.*».

Можно с уверенностью сказать, что системы личных имен при всей их немалой устойчивости всегда находятся в постоянном развитии и совершенствовании. Современникам эти изменения не видны; они заметны лишь в перспективе времени.

Национальные именники России³

Башкиры (самоназвание *башкорт*), составляющие примерно 2,8 млн человек, проживают компактными группами на территории Башкортостана, Самарской, Курганской, Оренбургской, Саратовской, Екатеринбургской, Челябинской областей, Пермского края, Татарстана, в Западной Сибири.

Современный именник башкир состоит из общетюркских (преимущественно кыпчакских), собственно башкирских, пер-

³ В содержании параграфа использован материал электронного ресурса: http://www.andein.ru/articles/imena_narodov_mira.html

сидских, арабских, частично монгольских, западноевропейских и русских имен.

Наиболее частые имяобразующие компоненты – слова, функционирующие во многих тюркских языках: *ай* «луна», *кон* «день», *тан* «заря», *гол* «цветок», *бай* «хозяин», «человек», *батыр*, *тимер* «железо», *булат* «сталь», *иш* «пара», *мин* «родинка», *гузел* «прекрасная», *таш* «камень» и др.

Вплоть до Октябрьской революции и даже до 30-х годов XX столетия имена у башкир были исключительно многокомпонентными, состояли из двух, иногда даже трех корневых слов. В настоящее время тенденция нареkania краткими именами полностью преобладает; все больше становится односложных и двусложных имен.

Большое значение при наречении детей имеет выбор ребенку имени, созвучного с именем отца, матери, старших братьев и сестер. Даже в однокомпонентных именах стараются подбирать созвучные имена по начальным или конечным слогам: *Айдар* – *Хайдар*, *Зило* – *Лило*, *Рафик* – *Тайфик*, *Илдус* – *Илдар* – *Голдэр*, *Рим* – *Дим* и т. п. Парные созвучные имена даются в одной семье девочке и мальчику: *Шакир* – *Шакира*, *Йомил* – *Йомилэ*, *Роил* – *Ройлэ* и др. Близнецы также получают в большинстве случаев созвучные имена.

По имени можно угадать последнего ребенка в семье; ему обычно давалось имя с компонентом *кинйэ* «последыш», «самый последний», чтобы выделить его среди других как наследника. Если и после него появлялись дети, то они могли получить имя либо с отрицательной, либо с положительной оценкой в зависимости от отношения родителей (и родственников) к факту их рождения: *Артык* «лишний», *Алтын* «золотой» и др.

Антропоним у башкир состоит сейчас из трех членов: фамилии, имени и отчества. Фамилии стали появляться в XVII веке, но широкое распространение получили в XIX веке. Вплоть до революции сохранилась традиция превращения имени отца в фамилию детей, родовых фамилий было очень мало; их носили преимущественно представители имущих классов. Сейчас фамилии стали постоянными; оформлены они русскими суффиксами -ов, -ев, -ин. До фамилий имя было двучленным, т. е. состояло из собственного имени носителя и имени его отца: *Салауат Юлай*, его отец *Юлай Азналы*

и т. д. Часто при имени употреблялись слова *улы, уолы, ибн, бин* «сын его», *кызы* «дочь его». Отчества по русскому образцу с суффиксами -ович, -евич, -овна, -евна и др. стали оформляться преимущественно в советское время.

Среди башкир принято обращаться к старшим словами *агай* «дядя», *апай* «тетя», *бабай* «дед», *иней* «бабушка» и др. Старшие к младшим могли обращаться по имени или без имени. Обращение к младшим терминами родства и другими словами типа *мырза, немэ* «браток», *елем, кэрендэш ылыу* «сестричка» имеет особый оттенок ласкательности. При упоминании в разговоре о старших или младших, которые отсутствуют в данный момент, называют имя и слово, обозначающее отношение старшинства: *Мансур агай* «дядя Мансур», *Карим усты* «братишка Карим».

В быту произношение имени мужа, жены и родственников считалось неэтичным, эта традиция сохранилась. Все родственники, муж и жена друг друга, дети своих родителей называют терминами родства и свойства. Даже при наличии двух-трех братьев или сестер их называют *оло агай* «старший брат», *уртансы агай* «средний брат», *кесе агай* «младший брат». Особенно невежливым считается произношение имени отца и матери, дедушек и бабушек детьми, внуками и правнуками.

Сверстники свободно могли обращаться друг к другу и по имени и без имени. При обращении к тезке обычно не называют его имени, а произносят обычно слово *агаш* «тезка», чтобы избежать называния своего имени.

До революции очень широко употреблялись социальные и религиозные титулы *мурза, бек, тархан, старшина, хазрат, мулла, абыз* и др., которые обычно ставились после имени. Они зафиксированы в исторических документах, фольклорных произведениях и др.

Почтительным обращением к женщине считалось употребление при имени слова *ханум*. В советский период при официальном уважительном обращении перед фамилией ставилось слово *иптиш* «товариш».

Мужские и женские имена по формальным признакам противопоставляются нерегулярно, они, скорее всего, различаются по

семантике и по традиции. Некоторые имена дают и мужчинам, и женщинам; это имена, оканчивающиеся на согласный.

За последние 30–40 лет набор имен башкир сжимается, все большее число новорожденных получает одинаковые имена, но все же перечень употребляемых имен еще остается огромным.

Бурятский именьник

Современная система официального именования бурят, как у большинства народов России, трехчленна: «фамилия, имя, отчество», например: *Базарон Владимир Санданович, Малашкина Мария Банаевна*.

В повседневной жизни полная АМ не используется. В различных сферах жизни приняты разные формы именования и обращения. В семейно-бытовом общении среди жителей деревни (или улуса) употребительно несколько форм определения личности:

- 1) имя отца в родительном падеже + ИИ (*Занданай Лариса, Солбоной Батор*);
- 2) в случае большей известности деда или матери в конкретной среде прибегают к модели: имя деда или матери в родительном падеже + термин со значением «внук» или «сын» + ИИ в именительном падеже (*Галданай аша [или зээ] Эрхито [Эрхэтэ]*, что означает «внук Галдана – Эрхито», *Натаалин хубуун Баир* «сын Натальи – Баир»);
- 3) имя деда в родительном падеже + имя отца в родительном падеже + ИИ (*Бадмын Дугарай Эрдэм, Буурайн Гармын Тамара*);
- 4) имя главы семьи с суффиксом -тан (-тон, -тэн), обозначающим группу людей по принадлежности к роду или семейству, + ИИ в именительном падеже (*Оиортоной Марина, Бадматанай Зорикто*);
- 5) фамилия + имя отца в родительном падеже + ИИ (*Саганов Матвейн Светлана* «Светлана Саганова Матвея»);
- 6) фамилия с суффиксом -тан (-тон, -тэн) в родительном падеже + ИИ (*Арсалановтанай Оюна, Очировтоной Эржэна*).

При официальном вежливом обращении употребляется одна из моделей: ИИ + отчество – *Баргай Иванович*; слово *нухэр* «товарищ» + фамилия – *нухэр Уланов*; *нухэр* + занимаемая должность – *нухэр бригадир*.

В старое время у бурят, как и у других народов Азии и Востока, существовал обычай заменять личные имена терминами, обозначающими служебные обязанности, степени родства и свойства. Учителей называли *Багша* «учитель», *лам*, *лама* или *ламбагай* «бабушка», старших – «отец или мать такого-то» (по имени старшего ребенка), «брат или сестра такого-то» (по имени своего сверстника), родственников – терминами родства. Табу имени, как известно, уходит в глубину веков и связано с суеверными представлениями людей и отождествлением слова с предметом, имени с именуемым. Вследствие ослабления религиозного влияния и широко распространившегося влияния русской антропонимической системы современные буряты не знают о запрете имени, однако сохранился обычай избегать прямого обращения по имени.

Большая часть молодежи не знает конкретных значений, традиционных терминов родства, имея лишь общее представление о человеке как родственнике, тогда как в старину культивировалось усвоение родословной до десятого поколения и далее. На празднествах и гуляниях устраивались своего рода соревнования на лучшее знание родственников по линии отца и матери, победителей поощряли. Это было связано с родо-племенными отношениями, ибо вступление в брак представителей одного рода не разрешалось.

При обращении к детям в семье употреблялись термины, указывающие на старшинство и пол ребенка: старшего сына называли *аха*, *ахаадай*, *ахаадий*, старшую дочь – *эгшэ*, *эгшээдии*, самого младшего ребенка – *отхон*, *отхондой*. Во многих семьях этими терминами пользовались не только дети при обращении друг к другу, но и родители, обращаясь к детям. Если в семье много детей, то могли появиться новые названия, уточняющие последовательность рождения или обозначающие какие-либо особенности внешности, черты характера ребенка.

Индивидуальные имена бурят, как и имена других народов, разнообразны по происхождению и семантике.

Заметный пласт составляют антропонимы, в качестве которых выступают нарицательные слова. Несмотря на прозрачность семантики, возникновение большинства имен данной группы относится к глубокой древности и связано с религиозными представлениями бурят.

В родословной бурят очень много имен, восходящих к названиям диких и домашних животных (*Булган* «соболь», *Хэрмэн* «белка», *Шоно* «волк», *Буха* «бык», *Тугал* «теленок», *Эшэгэн* «козленок»), а также птиц (*Бургэд* «орел», *Гулуун* «гусь»), рыб (*Сордон* «щука», *Алгана* «окунь»). Происхождение подобных имен объясняется зооморфными представлениями древних народов, в данном случае монгольских племен.

Следующая распространенная группа имен восходит к изобразительной лексике, например: *Билдуу* «льстивый», «угодливый», *Морхоосой* (морхойхо) 1) «быть с горбинкой» (о носе), 2) переносный смысл – «важничать», «задаваться», *Хазагай* «кривой», «искривленный», *Дагдаан* (дагдагар) «всклокоченный», «лохматый», «неуклюжий».

Из имен-апеллятивов и атрибутов ныне популярны: 1) слова высокого стиля, обозначающие такие понятия, как «мир», «покой», «вечность», «слава»: *Амгалан* «мирный», «спокойный», *Алдар* «слава», *Мунко* (мунхэ) «вечный»; 2) слова, значения которых связаны с понятиями счастья, силы, благополучия: *Жаргал* «счастье», *Баир* (баяр) «радость», *Бата* «твердый», «крепкий», *Батор* «богатырь», *Зорикто* (зориг) «смелый», «волевой», *Эрхито* (эрхэтэ) «полномочный», «полноправный»; 3) слова, значения которых связаны с понятиями ума, просвещения, культуры: *Бэлигто* (бэлиг) «мудрость», «ум», «знание», *Эрдэм* «наука», «ученость», *Туяна* (туяа) «луч», *Гэрэл* «свет», «сияние», *Соел* «культура»; 4) названия драгоценностей, цветов: *Эрдени* «драгоценный камень», *Эржэна* (эржэн) «перламутр», *Сэсэг* «цветок».

С проникновением в Бурятию ламаизма в XVII веке среди забайкальских бурят стали распространяться имена тибетского и санскритского происхождения, например, тибетские: *Галсан* «счастье», *Доржо* «алмаз», *Содном* «добродееание», *Ринчин* «драгоценность», *Цырма* «золотая мать»; санскритские: *Базар* «алмаз», *Радна* «драгоценность», *Арья* «святой», *Осор* «распространение света».

Добайкальские буряты издавна пользуются именами русских. Ныне и на территории Забайкалья половина новорожденных получает эти имена.

Фамилии впервые появились у бурят в связи с распространением христианства и введением обряда крещения у коренных народов

Сибири во второй половине XIX века. У добайкальских бурят процесс становления фамилий был завершен уже в первое десятилетие XX века. Однако наименование всех бурят по фамилиям установилось лишь после Великой Октябрьской революции.

Современные бурятские фамилии в основном образовались от личных имен родителей. Поэтому поколение первых лет советской власти вплоть до 40-х годов могло иметь фамилию и отчество, образованные от одной основы – имени отца: *Цибиков Бата Цибикович, Номоев Номгон Номоевич*, а их дети могли стать *Батовевыми, Номгоновыми, Бакоевичами, Номгоновичами*. Для образования современных бурятских фамилий использовался суффикс –ов (-ев), заимствованный из русского языка: *Болотов, Тугулов, Доржиев, Уршеев*. Наряду с этим суффиксом употребляются суффиксы бурятского языка -ай, -ин, -э и др. со значением родительной принадлежности: *Батожабай, Гомбоин, Линховоин, Дондогай, Галсанэ, Догдомэ*. Подобные фамилии встречаются преимущественно среди забайкальских бурят.

Отчества впервые появились у представителей высших социальных слоев и интеллигенции. У широких масс отчества сложились и оформились только в советский период. Но и до сих пор нередки случаи, когда у лиц старшего поколения отчества в паспортах не проставлены, хотя они употребляются при обращении друг к другу. Отчества бурят образуются от имени отца (очень редко от имени деда) с помощью русских суффиксов -ович (-евич), -овна (-евна).

Мордовский именьник

Современный именьник у мордовского народа не отличается от русского. Он состоит, главным образом, из так называемых христианских календарных имен, воспринятых от русских в процессе христианизации мордвы, проходившей в основном со второй половины XVI до середины XVIII в. Правда, эти имена в мордовских языках постепенно подверглись адаптации, стали звучать по-мордовски. Например, на мордовском (эрзя) языке *Захар* произносится как *Закар, Николай – Миколь, Федор – Кведор, Мария – Маре* и т. д.

Дохристианский мордовский именьник состоял преимущественно из самобытных имен, но включал и часть заимствованных (славянских, тюркских и др.).

Основы традиционных мордовских имен, которых зафиксировано более тысячи, обычно обозначают или черту характера (*Кежай, Кежут, Кежана, Кежеват, Кежедей*, от *кежей* «злой», *Паруш* от *паро* «хороший»), или передают отношение к нему, чувства родителей (*Вечкас, Вечкуш, Вечкан, Вечковат, Вечкенза* от *вечкем* «любить», *Учай, Учват, Учесь, Учан* от *учемс* «ждать»), или называют место рождения ребенка (*Паксяй, Паксут, Пакстян* от *пакса* «поле», *Виряй, Вириас, Вирдян* от *вирь* «лес»), или содержат намек на время рождения (*Нуят, Нуянза, Нуякша* от *нуемс* «жать», *Пивцай* от *пивцемс* «молотить») и т. д.

Иными словами, собственно мордовские имена образованы от соответствующих апеллятивов. У мордвы бытовали также имена с основами, обозначающими названия животных, птиц, деревьев и пр., например: *Овтай* «медведь», *Пиняй, Пиняс* от *пине* «собака», *Каргай, Каргаш* от *карго* «журавль», *Пичай* от *пиче* «сосна», *Тумай* от *тумо* «дуб» и др.

В связи с тем что официальная документация оформлялась царскими властями, как правило, на мужское население, в письменных источниках содержится очень мало мордовских женских имен. Они больше сохранились в фольклоре: *Сыржа, Мазярго, Пае, Атюта, Кастуша, Сэняша, Сюмерге, Цеца* и др. Важно заметить, что мордовские, как эрзянские, так и мокшанские, имена имели в основном одинаковую степень распространения среди обеих этнических групп мордвы.

Дохристианская антропонимическая модель у мордвы была двучленной. Она включала имя отца (отчество), стоящее на первом месте в родительном падеже, и индивидуальное имя, например: *Пивцаишь Нуянза, Учватишь Паксут, Тумаишь Вириас, Кежеватишь Сюмерге*. Постепенно мордовские самобытные имена стали употребляться в качестве вторых имен, затем как прозвища и, наконец, окончательно были вытеснены христианскими именами.

Фамилии мордве давали обычно русские священники-миссионеры и вкупе с ними чиновники, помещики, производя их в основном из имени отца или из его прозвищного имени по типу русских фамилий на -ов, -ев, -ин, -(к)ин, -онков, -енков. Многие современные фамилии у мордвы содержат в своих основах дохристианские

личные мордовские имена: *Алтушкин* – *Алтуш*, *Видякин* – *Видяка*, *Валгаев* – *Валгай*, *Кижеватов* – *Кижеват*, *Кочемасов* – *Кочемас*, *Кирдяшов* – *Кирдяшкин* – *Кирдяш*, *Нарайкин* – *Нарай*, *Нуштаев* – *Нуштай*, *Пиняев* – *Пиняй*, *Паракишин* – *Паракиша*, *Сурайкин* – *Сурай*, *Симдянов* – *Симдян*, *Ченгаев* – *Ченгай*, *Янгаев* – *Янгай* и т. д.

В повседневно-бытовом общении у мордвы отчасти еще сохранились определенные запреты (табу). Так, до нашего времени дошли обычаи, по которым муж и жена не называют друг друга по имени, используя при обращении междометие *эй*, местоимение *тон* «ты»; невестку в семье мужа не называют личным девичьим именем, а присваивают ей в зависимости от старшинства женившихся сыновей определенный термин свойства, заменяющий в обращении личное имя: *мазай* (от *мазы* «красивая») – жена старшего брата по отношению к младшим его братьям и сестрам, *тязай* (значение забыто) – жена второго брата, *вяжсай* (от *вяжа* «малая») – жена третьего брата, *павай* (от павазу «счастливая») – жена четвертого, *тятай* (значение забыто) – жена пятого.

Нанайский именьник

Нанайцы (самоназвание *нанай* – «здесьшний человек») – народ, говорящий на нанайском языке, относящемся к амурской подгруппе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских языков, живущий в Хабаровском крае. Общая численность нанайцев – 12,2 тыс. человек.

В прошлом нанайцы имели только имена; отчество и фамилий не было. Во время первой Всероссийской переписи населения в 1897 году каждому человеку в переписном листе в качестве фамилии была записана его родовая принадлежность (мужчине – по отцу, женщине – по мужу); однако это не имело для самих нанайцев никакого значения: отсутствие письменности, неграмотность нанайцев привели к тому, что и после переписи продолжали бытовать только имена (разумеется, свою родовую принадлежность знал каждый).

Русские имена у нанайцев стали появляться в связи с деятельностью в этих местах русской православной миссии, особенно активной в 70–80-х годах XIX века. К началу XX века большинство нанайцев имели два имени – русское и нанайское, однако в бытовом общении они постоянно употребляли традиционные имена. Последним отдалось предпочтение как вследствие привычки, так и потому, что

нанайские имена крайне редко повторялись, и это имело большое преимущество: назвав только одно имя, без фамилии и отчества, человек совершенно четко определял, о ком идет речь.

Традиционные нанайские имена, изначально образованные от апеллятивов, в подавляющем большинстве теперь утратили свое значение. У меньшинства его можно выявить. Мальчиков называли именами, восходящими к названиям орудий труда, охоты (*Гида* «копье», *Сурэ* «топор» и т. п.), рыб (*Ожо* «чебак»), птиц, насекомых (*Дзэвэ* «оса»), предметов утвари и одежды (*Ганга* «деревянный круг для подвешивания котла», *Отон* «корыто», *Сикэ* «куртка», «халат»). В начале XX века общение с русскими породило имена, образованные от русских апеллятивов, типа *Дохтори*, *Купес*, *Булка* (жен.) и т. п. Женские имена связывались с названиями растений (*Нэсултэ* «ягоды рябины», *Сингэктэ* «черемуха»), с различными чертами внешности человека (*Нэликэ* «тоненькая», *Улэкэн* «хорошенькая» и т. п.). Среди женских имен встречались и имена с уничижительным значением, такие как *Кэкэчэн* «рабыня», *Кисоакта* «собачий корм». Аналогичными именами называли и мальчиков: *Чуки* «поганный», «подлый», *Уку* «нарыв», *Хусуктэ* «короста на голове». Обычно подобные имена давали детям в семьях, в которых часто умирали младенцы. Имена были призваны как бы «защищать» ребенка от злых духов, «отпугивая» их.

Имена давались детям вскоре после рождения, наречение имени не сопровождалось какими бы то ни было обрядами; имя мог дать ребенку любой член семьи, старший или даже младший, иногда спрашивали совета у посторонних, даже у случайно зашедшего человека. В случае если умирал человек, имя которого повторялось в данном селении у другого человека, независимо от возраста, у этого второго человека непременно меняли имя. По сообщению И. Лопатина, меняли имя ребенку, если он тяжело заболел. Иногда новое имя давали женщине, если у нее умирал ребенок. В этом случае ей давали «отталкивающее», «отпугивающее» злых духов имя.

В советское время был избран принцип присвоения нанайцам фамилий по прежнему наименованию родов: *Гаер*, *Тумали*, *Бельды*, *Самар*, *Сайгор*, *Ходжер*, *Киле* и др. Очень немногие нанайцы имеют фамилии по именам своих отцов или дедов — *Хайтанин*, *Муска*, *Де-*

вжак и т. п. – таких фамилий среди нанайцев не более 1–2%. Еще меньше нанайцев с русскими фамилиями (*Сусловы* и др.).

С 20-х годов XX века среди нанайцев распространяются имена, заимствованные из русского именника, постепенно сокращается бытование исконных имен. В 50–60-х годах нанайские дети получали только русские имена. В настоящее время имена молодых нанайцев не отличаются от русских имен.

Отчества у нанайцев появились только в советское время, особенно во время паспортизации 30-х годов, но тогда отчество писали только в том случае, если отец имел русское имя. Позднее в качестве отчества стали использовать и нанайские имена родителей, они теперь сочетаются и с нанайскими, и с русскими именами. Тем не менее в паспортах многих старых нанайцев, особенно женщин, отчества не записаны.

У нанайцев широко распространен обычай, согласно которому человека не называли по имени; особенно строго соблюдалось табу на имена стариков: считалось, что их называть по имени неприлично; поэтому прибегали к различным приемам: называли их при помощи имен их младших родственников и терминологии родства; так, мужчину могли называть по имени его сына (*отец Пети*), брата (*брат Илюши*), жены (*муж Дяриқты*).

При личном обращении пользуются также терминологией родства: старшего брата младшие брат и сестра называют *ага* или *даи ага* «брат», «старший брат»; этими же терминами обычно пользовались и в разговоре с другими о своем старшем брате; термины *дама*, *дамин* «дед» обычно использовались при общении не только родственников, но и односельчан, знакомых, выражая почтительное, уважительное отношение к человеку; термин *даня* «старшая сестра отца (или матери)», «бабушка» использовался при обращении к женщинам не только их внуками, но также и не родственниками.

Сейчас от принятого обычая иногда отступают старики, старшие в семье и называют этих родственников по именам, но младшие члены семьи не могут обращаться к старшим по именам. Точно так же в настоящее время, согласно традиции, младшие братья и сестры не называют по имени своих старших сестер и братьев. Старшие члены семьи зовут меньших (даже подростков) *ноя* «ма-

ленький», «маленькая», *нэку* (с тем же значением). Термином *нэку* взрослые называют и детей своих односельчан.

Татарский именьник

Татары кроме Татарстана живут во многих республиках и областях бывшего СССР. Кроме того, татары есть и в Европе (Румынии, Болгарии, Польше и других странах) и в Азии (Турции и Китае). Общая численность татар составляет 7 млн человек. Татарский язык относится к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы западной ветви тюркских языков.

Антропонимическая система современного татарского языка складывается как из официально принятых категорий наименований (имен, отчеств и фамилий), так и из неофициальных (прозвища и другие виды имен собственных).

Современная татарская официально принятая трехчленная антропонимическая модель «имя+отчество+фамилия» выработалась под влиянием русской официальной антропонимической системы. Имена, образованные по этой модели, выступают в официальных документах, в языке прессы, юриспруденции и т. д. В живом разговорно-бытовом языке татары пользуются различными одночленными и двучленными именами и формами именования или их заменителями-эквивалентами, значительно отличающимися от официальной модели.

У татар личное имя и прозвище являются самыми древними антропонимическими категориями. Фамилия в татарской антропонимии окончательно сформировалась и вошла в активное употребление во второй половине XIX – начале XX века. В настоящее время в официальных документах употребление отчества, как и у русских, является обязательным, поэтому они образуются от всех татарских мужских личных имен.

В татарском языке национальные формы вежливо-почтительного обращения (категория вежливости-почтительности) оформились еще в древности. Данная антропонимическая категория в современном татарском языке выражается различными лексико-грамматическими способами.

1. Отчество в сочетании с именем реализует вежливое, почтительное обращение. Кроме отчества русского типа (т. е. с оконча-

ниями на -ович, -евич; -овна, -евна) почтительное обращение осуществляется и национальными формами отчества, в которых имя отца всегда предшествует имени лица, к которому обращаются. Национальные отчества образуются по формулам:

- 1) имя отца + термин родства в притяжательной форме *улы* букв. «его сын», *малае* разг. «его мальчик», «его сын», *баласы* разг. «его дитя», «его ребенок» или *кызы* «его дочь» + имя лица, например: *Хэбир улы Ризван* «Ризван сын Хабира» (букв. «Хабира сын Ризван»), *Габдулла кызы Сабира* «Абдуллова дочь Сабира» и т. д.;
- 2) имя отца (или деда) + имя лица с аффиксом притяжательности 3-го л. ед. ч. -сы, -се; -ы, -е, т. е. с так называемым притяжательным отчеством (в основном употребляемым в разговорной речи): *Хэбиб Хэтимэсе* «Хатима Хабибова» (букв. «Хабибова Хатима»), *Морат Динэсе* «Муратова Дина» и т. д.

2. Второй способ выражения категории вежливости-почтительности в татарской антропонимии – это прибавление к имени лица с учетом его возраста (старшинства) и пола соответствующего термина родства или свойства. Татары соблюдают древний обычай вежливого обращения (не только к людям, состоящим в родстве с говорящим) по формуле: имя лица + соответствующий термин родства или свойства с учетом его возраста (старшинства) и пола (*абый, абзый, агай, ага* «старший брат», «дядя», *ана, апай, тэтэй, абыстай, антый* «старшая сестра», *бабай* «дедушка», *жинги* «старшая сноха», *ханым* «ханум», «дама», *туташ* «барышня», «девушка» и т. д.). Данная вежливая форма обращения в татарском языке, выполняя функцию отчества, может полностью заменить его, например: *Шакир Закирович – Шакир абый* или *Шакир ага, Бану Бариевна – Бану ана* или *Бану ханум* и т. д.

3. Вежливо-почтительное обращение в татарском языке может выражаться и по формулам:

- 1) имя лица + слово-обращение *иптэш* «товарищ» (*Гали иптэш* букв. «Гали товарищ», т. е. «товарищ Гали» и т. д.);
- 2) слово-обращение *иптэш* «товарищ» + фамилия индивидуума (*иптэш Хамматов* «товарищ Хамматов», *иптэш Мусина* – «товарищ Мусина» и т. д.);
- 3) *иптэш* + соответствующий социальный номенклатурный термин (название должности, профессии, звания, ранга и т. д.), если имя

лица и его фамилия неизвестны говорящему или он хочет подчеркнуть при обращении служебный пост, должность или звание адресата, например: *иптэши директор* «товарищ директор», *иптэши генерал* «товарищ генерал», *студент иптэши* букв. «товарищ студент» и т. д.

В системе татарских личных имен можно выделить несколько лингвогенетических пластов:

1) древнетюркские антропонимы, восходящие к древнетюркским апеллятивам и составляющие основу общетюркских имен почти во всех современных тюркских языках (например: *Илбуга* = *ил* «страна», «отечество», «родина» + *буга* «бык»; *Тимеркотлык* = *тимер* «железо» + *котлык* «счастье»; *Арслан* «лев»; *Уразбикэ* = *ураз* «счастливая» + *бикэ* «княгиня» и т. д.);

2) старотатарские личные имена, генетически относящиеся к древнетюркским (*Тимерхан, Алпар, Айсылу, Чултан* и т. д.), болгаро-татарским (*Албарс, Туйбикэ, Котлыбукаш, Тутай, Чутай, Канак* и т. д.), кыпчакским (*Агиши, Бирдебэк, Килдебэк, Айдар, Ташбулат, Такташ, Айтуган* и т. д.), реже к монгольским (*Баян, Сайхан, Сайман, Сарман, Чаныш, Бату* и т. д.) и огузским (*Абас, Корт, Делеш, Гилде, Кирэй* и т. д.); этот пласт отличается неоднородностью;

3) имена, заимствованные из арабского языка (*Габдулла, Габдрахман, Гали, Фатыйма, Шамсетдин, Саня* и др.); арабские имена начали распространяться среди жителей Волго-Камья после официального принятия ислама в 922 году ханом Волжской Булгарии Алмушом;

4) имена, заимствованные из персидского языка (*Рустам, Бану, Гулнара, Зифа, Нияз* и др.);

5) имена, заимствованные из русского и через него из европейских языков, главным образом после Октябрьской революции (*Вил, Светлана, Радик, Марат, Ренат, Роза, Венера, Лилия, Лена, Марсель, Люция, Флер, Флера, Роберт, Альберт, Рафаэль, Альбина* и т. д.);

6) новотатарские имена, появившиеся после Октябрьской революции (*Илсея, Илсеяр, Илдус, Илишат, Илгиз, Алсу, Айзат, Илсылу, Ирек, Ялкын, Ташкын* и т. д.).

В результате взаимодействия тюрко-татарских и заимствованных арабско-персидских пластов в татарском языке за тысячелетие (на-

чина с X в.) образовалось много гибридных, сложных личных имен. Они подразделяются по следующим моделям сочетания компонентов: (а) тюрко-татарский + арабский (*Муллагол, Нурсылу, Галимбек* и др.); (б) тюрко-татарский + персидский (*Ташморза, Ишвияз* и др.); (в) персидский + тюрко-татарский (*Жантимер, Минглеяр* и др.).

В татарскую антропонию проникла большая группа и арабско-персидских сложных личных имен (*Шахназар, Закирджан, Бибикамал* и др.).

Цыганский именник

Цыгане (самоназвание *рома*, ед. ч. — *ром*) — народ, связанный происхождением с кочевыми народами Индии. Уход цыган с родины длился многие века; начало этого процесса относится к IX веку, а последние группы цыган покинули Индию во время нашествия Тамерлана (XV в.). Долгое время цыгане жили в Египте и на Балканском полуострове, о чем свидетельствует влияние греческого языка на все диалекты цыганского языка. XV—XVII вв. — период расселения цыган по всей Европе. Общая численность цыган — 8—10 миллионов. В России, по переписи 2002 года, их насчитывается 183 тысяч человек. Язык цыган относится к новоиндийской группе индоевропейской семьи языков.

В Европе цыганский язык распадается на несколько диалектных групп.

1. Балтийская группа. К этой диалектной группе относятся диалекты тех цыганских этнолингвистических групп, которые в разное время прибыли на места современного расселения из Польши.

Севернорусские цыгане расселены в России, Северном Казахстане и восточной части Белоруссии. Имена у них, как правило, восприняты из русского именника (*Александр, Алексей*). Эти цыгане делятся на локальные группы, называемые по названиям местности, например: Смоленска рома, Псковска рома. Локальные группы делятся на роды (цыг. *рóдо*), наименования которых образованы от личного имени или прозвища предка при помощи белорусского по происхождению суффикса -онк (например, *Александронки* от личного имени *Александр*), а также украинского и польского суффикса -ак (например, *Ворончаки*) и собственно цыганского суффикса со значением посессивности -гирэ (например, *Картошкэнгирэ*). Фа-

мии у цыган главным образом польской (*Цибульский, Козловский* и т. д.) или русской (*Иванов, Шишков*) модели.

Белорусско-литовские цыгане расселены в северо-западной части Белоруссии, по всей территории Литвы и Восточной части Латвии (в Латгалии). Эта этнолингвистическая группа также делится на ряд родов, названия которых образованы от имен или прозвищ предков при помощи белорусского суффикса -онк (например, *Лисёнки, Писаронки* и т. д.). Фамилии белорусского и польского происхождения (*Касперович, Островский*); в Литве фамилии часто оформлены литовскими суффиксами (*Каспяравичус, Астраускас*) или взяты из русской антропонимии (*Иванов, Петров*).

Латышские цыгане проживают на территории Латвии, по всей территории Эстонии, в некоторых городах северной части Литвы, отдельные семьи – в России (в Москве). Эта этнолингвистическая группа исследована слабо. Фамилии в основном польского (*Буркевич, Козловский, Митровский*), латышского (*Сунитис, Упитс*), немецкого (*Эберхардт, Клейн*) и – реже – литовского (*Диджнос*) и русского (*Иванов*) происхождения. Есть даже украинская фамилия *Кравченко*.

2. Немецкая группа. К этой диалектной группе относят диалекты цыган, долгое время (с середины XV в.) проживавших и проживающих на территории распространения немецкого языка. Основная масса этих цыган живет за пределами России и СНГ: в ФРГ, Австрии, а также во Франции, Северной Италии, отдельные группы в Польше, Чехии, бывшей Югославии, Нидерландах. В СНГ – всего 5–10 семей немецких цыган. Фамилии – немецкого (*Рейнхардт, Вайнрих*), реже – польского происхождения.

3. Балканская группа. В эту диалектную группу входят цыганские диалекты, долгое время контактировавшие с языками балканского языкового союза. Основная масса носителей этих диалектов проживает в странах Балканского полуострова: в Болгарии, на юге бывшей Югославии, в Греции.

Цыгане урсари живут только на территории Молдавии. В селе Урсари существуют два рода – *Захариешти* и *Ганчешти*. Фамилии – молдавского происхождения (*Богдан, Арапу, Аржинт, Кантя*).

Крымские цыгане живут в северных районах Крымской области, в прилегающих к Крыму районах Херсонской области, в Одесской, Запорожской, Ростовской и Волгоградской областях, в Ставропольском и Краснодарском краях, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Киеве, Москве, Петербурге. Наряду с мусульманскими именами у них бытуют и христианские имена, а также цыганские имена неизвестного происхождения (*Манчи, Хохан, Кукуна, Ланчай, Дюльтяй, Монти, Лолуди, Ивори*). Фамилии все крымско-татарского происхождения (*Ибрагимов, Кемалов, Шекеров, Мелемеров, Джумассан, Джелакаев, Казибеев*).

4. Украинская диалектная группа. К этой диалектной группе относятся диалекты тех цыган, которые длительное время проживали на территории распространения украинского языка (с XVI–XVII вв.).

Цыгане южных областей России и левобережной Украины живут в Курской, Липецкой, Белгородской, Воронежской, Волгоградской, Ростовской областях России.

Цыгане правобережной Украины преимущественно живут в Киевской, Черкасской, Кировоградской, Херсонской и Николаевской областях. Фамилии цыган, относящихся к этой группе, украинского происхождения (*Копыленко, Иващенко, Данченко, Сличенко, Конденко* и др.), реже воспринятые из русского языка (*Мусатов, Бизев*).

5. Влашская группа. Эта группа диалектов – одна из наиболее дисперсных в СНГ. К носителям этих диалектов относятся цыгане кэлдэрари и ловари, проживавшие до середины XIX века на румынско-венгерской языковой границе в Австро-Венгрии. В настоящее время кэлдэрари живут на территории СНГ, Польши, Чехии, Венгрии, бывшей Югославии, Болгарии, Германии, Франции, Англии, Швеции, Италии, Испании, США, Канаде, Мексике, Аргентине. Ловари живут на территории СНГ, Польши, Венгрии, Германии, Франции, Бельгии, Англии, США.

Кэлдэрари подразделяются на так называемые роды. Род получает название от имени или прозвища своего предка. Всего около 20 родов: *Бадони, Бидони, Бузони, Бамбулешти, Бурикани, Буцулони, Вовони, Грекуря, Гырцони, Дилинкони, Дицони, Дукони, Дэмони, Дюркони, Енешти, Крестевецкони* и т. д. Ловарский диалект представлен группами чокешти и бундаша (в основе разделения – род занятий).

Женские и мужские собственные имена и фамилии румынского, венгерского, польского и цыганского происхождения: имена – *Анелка, Бина, Воляна, Гафица, Дана, Диаманта, Жужа, Земфира, Лолуди, Маргайка, Милева, Мыца, Папуш, Ружа, Яна, Бадя, Зурка, Иштван, Лацы, Янош*; фамилии – *Ангел, Гоман, Деметер, Кальдарас, Михай, Радо, Христо, Чурон* и др.

Помимо имен в общении цыган – носителей этого диалекта, употребляются обращения, связанные с возрастными различиями, например, *найкэ* – почтительное обращение женщины к старшему мужчине или ровеснику, *дойкэ* – почтительное обращение женщины к старшей женщине, *майкэ* – ласковое обращение к младшему.

У цыган имя или прозвище и принадлежность к какому-либо роду играли и играют до сих пор более важную роль, чем фамилия.

Чукотской именовик

Чукчи вместе с четырьмя другими народностями (алюторцами, ительменами, кереками, коряками) образуют одну из этнических общностей палеоазиатов и являются в ней наиболее многочисленной народностью (15,7 тыс. человек). Чукотский язык относится к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков.

Чукчи – одна из немногих народностей Севера, которой, по существу, не коснулась христианизация и у которой поэтому сохранилась самобытная культура, и в частности традиционная антропонимия, которая бытовала у чукчей до недавнего прошлого, примерно до конца 40-х годов XX века.

Традиционная антропонимическая модель чукчей представлена одним компонентом – именем-прозвищем. У чукчей имя-прозвище обычно давалось новорожденному на пятый день его жизни.

Как правило, имя ребенку давала мать, но это почетное право могло предоставляться также особо уважаемому родственнику и даже постороннему лицу. Чаще всего имя выбиралось из имен умерших родственников путем гадания на подвешенном предмете, принадлежащем матери или ребенку. Принятым считалось то имя, при упоминании которого предмет качнется. Естественно, что решающая роль в этом принадлежала самому гадающему. Имя могло также быть избрано матерью в соответствии с виденным сном и вообще по названию любого предмета или явления.

Чукотские имена-прозвища подразделяются на мужские и женские, причем в большинстве случаев это получает специальное оформление, например: *Атч-ытагын* (муж.) и *Ив-нэвыт* (жен.), *Гыргол-гыргын* (муж.) и *Тына-твал* (жен.), *Танат* (муж.) и *Тиньл* (жен.). Нередко подразделение личных имен-прозвищ на мужские и женские достигается только их оформлением, например: *Ропт-ын* (муж.) и *Ропт-ына* (жен.), *Выкв-ытагын* (муж.) и *Выкв-ына* (жен.).

В особых случаях, например с целью оградить ребенка от болезни, ввести в заблуждение «злых духов», мальчикам давали женские имена, а девочкам – мужские. В тех же целях нередко давались вторые и даже третьи имена-прозвища, уже соответствовавшие полу ребенка, причем иногда спустя даже несколько лет после его рождения.

Чукотские имена-прозвища апеллятивного происхождения; обычно они либо обозначают время суток или года, когда родился ребенок, например *Тына-гыргын* (муж.) «рассвет», либо являются названиями животных и птиц, например *Умкы* (муж.) «белый медведь», *Пычик* (жен.) «пташка», и вообще могут обозначать любые предметы окружающей действительности, например *Къэли* (муж.) «шапка», *Выкван* (муж.) «камень», либо какой-нибудь признак, присущий новорожденному или высказанный в виде пожелания, например *Омрын* (муж.) «крепьш», *Гитиннэвыт* (жен.) «красавица».

Некоторые имена-прозвища, вероятно, связаны с представлением чукчей о переселении в новорожденных душ умерших родственников и вообще предков, например: *Тыгрынкээв* (муж.) «спустившийся», *Винэвыт* (жен.) «умершая» и др. Представлением о переселении душ объясняется в конечном счете и стремление давать новорожденному имя умершего родственника.

В результате влияния русского народа, его культуры и языка на жизнь и развитие чукчей у чукотской народности, как и у других народностей Севера, возникло и быстро развивается двуязычие. Чукотская антропонимия, особенно в течение последних десятилетий XX века, значительно изменилась в плане сближения ее с русской антропонимией. Первоначально, в основном через школу, заимствовались отдельные русские имена (обычно в уменьшительной форме), которые употреблялись наравне с чукотскими имена-

ми-прозвищами и получали оформление по нормам родного языка, например: *Коля-кай, Валя-на*.

Затем заимствование русских имен получило широкое распространение. Их по желанию родителей давали при регистрации младенцев в загсах, а имя-прозвище родителей (отца или матери) закреплялось в качестве фамилии. Таким образом, традиционная (одночленная) антропонимическая модель стала преобразовываться в двукомпонентную, причем оформление заимствованных имен приблизилось к русской модели: *Коля Тэгрынкээв, Валя Ровтытвала, Соня Равтукуна*.

Позднее стали постепенно распространяться и отчества, сначала произвольно заимствованные из русской антропонимии, а затем и возникшие на основе имени отца. При этом они сочетаются с русскими именами в полной форме, и вся, уже трехкомпонентная, антропонимическая единица употребляется в соответствии с нормами русского языка, например: *Семен Михайлович Ятгиргин, Вера Ивановна Иуненеут, Павел Владимирович Нутелькут* и т. п. В отдельных случаях такая трехкомпонентная единица полностью опирается на чукотский антропонимический материал, например: *Таграй Эттувьевич Гыргольтагин, Векет Танатовна Нутеуги*. При этом именем является бывшее собственное имя-прозвище, отчеством — имя-прозвище отца, оформленное по русскому образцу, фамилией — имя-прозвище деда.

В настоящее время чукотская антропонимия представляет собой довольно сложную картину. Она состоит из трехкомпонентных, двукомпонентных и однокомпонентных единиц. Быстрыми темпами идет перестройка традиционной антропонимической системы в трехкомпонентную. Однако значительная часть чукчей, особенно старшего и среднего поколений, продолжает практически пользоваться традиционной системой антропонимии, т. е. именами-прозвищами.

Якутский именьник

Якуты — народ, составляющий в настоящее время около половины населения Якутии. Общая численность якутов — 450 тыс. человек. Из них считают родным языком якутский 95,3%, свободно владеют русским языком 41,7%. Якутский язык относится к уйгурской группе тюркской языковой семьи.

Современная якутская антропонимическая модель трехчленна, соответствует русской «имя + отчество + фамилия». В большинстве своем компоненты данной АМ полностью русские (*Егор Захарович Иванов*), но многие фамилии имеют якутское происхождение (*Яков Еремеевич Могусов*). В наши дни иногда встречается также и якутское личное имя.

Наиболее распространены у якутов русские отыменные фамилии *Иванов, Петров, Васильев* и др. Характерно, что в якутской антропонимии есть ряд фамилий «церковного» происхождения: *Протодьяконов, Дьячковский, Попов*, а среди имен засвидетельствованы, даже у людей молодого поколения, такие как *Иван, Евдокия, Иннокентий, Егор, Афанасий, Прокопий* и др. Обычно же современные молодые люди носят такие «паспортные» имена, как русские краткие формы: *Галя, Таня, Петя, Света, Зина, Надя* и т. п.

Русские имена, отчества и фамилии появились с приходом русских и христианизацией якутов (XVII–XVIII вв.). Русские антропонимы претерпели значительные звуковые преобразования в соответствии с произносительными нормами якутского языка, например: *Анна – Аана, Григорий – Киргизэлэй, Дарья – Даарыйа, Мария – Маарыйа, Николай – Ньюкулай, Павел – Байбал* и др. В ряде случаев различия в звуковой системе русского и якутского языков обуславливают возникновение нескольких вариантов одного и того же заимствованного из русского имени в якутском языке: *Евдокия – Двэбдэкиэйэ, Двэбдэкиэй, Трофим – Дороппуун, Доропуун*.

Якуты, знающие русский язык, употребляют обычно неизменную (русскую) форму имени. В официальных случаях в современном языке принято русское произношение и написание заимствованных имен, а в сфере повседневно-бытового общения и в художественной литературе допускается и якутское написание. Среди заимствованных русских имен у якутов бытуют их уменьшительные формы, также подвергшиеся звуковым преобразованиям: *Баанья – Ваня, Бааса – Вася, Бааска – Васька, Кирилкэ – Кирилка, Лухааскы – Лукашка* и др.

Личное имя может сопровождаться нарицательным, дающим возрастную характеристику именуемому, например: *Маайыс кыыс* «девочка Маша», *Ааныс эмээхсин* «старуха Аннушка».

В прошлом, до принятия православия, у якутов одни из имен давались при рождении, другие приобретались позже. Собственно якутские имена продолжали употребляться наряду с полученными при крещении русскими именами, выступая часто в качестве их составного компонента, например: *Логуй Уйбаан*, т. е. Иван, он же Логуй, *Тойтох Киргиэлэй*, т. е. Григорий, он же Тойтох. Имена, полученные при рождении, были образованы от якутских апеллятивов.

Выбор имен имел разные мотивы. В одних случаях имя давалось по физическому недостатку новорожденного, в других оно указывало на какие-либо обстоятельства, сопутствовавшие его рождению, в третьих имя имело «нехорошее», «уничжительное» значение, так как давалось с целью предохранить новорожденного от болезней, смерти, злых духов. С этой же целью вместо полученного при рождении имени, которое становилось запретным, давали прозвище, употреблявшееся как имя. Чаще всего в качестве имен-прозвищ выступали названия предметов, животных. Прозвища, полученные позже, отражающие черты внешности, характера или в связи с какими-либо событиями, а также по месту жительства и т. п., служили именами и по употребительности могли даже заменять последние.

Имена-прозвища, семантика которых ясна и сейчас, восходят к нарицательным именам существительным – названиям предметов, растений и животных, частей тела человека или животного, например: *Атырдьах* «вилы», *Кытах* «большая деревянная чаша», *Куобах* «заяц». Прозвище могло быть дано также по названию местности или по ее характерному признаку, например: *Хорула* «приехал из Хорулы».

На протяжении длительного времени (XVII–XX вв.) якутские имена существовали как вторые имена наряду с официальными русскими именами, полученными при крещении. И сейчас очень многие якуты разных возрастов, особенно в деревнях, имеют прозвища, которыми до сих пор пользуются в повседневном общении и по которым знают иной раз друг друга лучше, чем по именам.

В настоящее время в качестве официального (и единственно возможного) имени новорожденные часто получают собственно якутские имена. Якуты берут их из народного эпоса, из популярных произведений современных якутских писателей, дают их

в честь крупных рек Якутии, выбирают из старых, а также создают совершенно новые, например: мужские современные национальные имена – *Айал, Айан, Айдар, Алдан, Вилюй, Долан, Дюлустан, Кустур, Манчары, Нюргун, Нюргустан, Нюргустай, Омогой, Уолан, Элляй*; женские – *Айта, Нюргусун, Сайсары, Саргылана, Сардана, Туяра, Туярыма, Тулуктана, Тулукчана, Яна*.

Образованию фамилий у якутов на базе дохристианских имен положили начало русские письмоводители, атаманы, чиновники, купцы, именуя местных жителей по «русскому образцу» с указанием на отцовство («Чука Капчинов, сын Капчина Октова...»). Таким образом, от имен отцов с помощью русских суффиксов -ов, -ев, -ин были созданы первые якутские фамилии. Они сохранились до настоящего времени: *Тайахов* (*тайах* «палка», «посох»), *Тингеев* (*тинг* «белка») и др.

С течением времени появились фамилии на основе русских имен, а затем и русские отчества на -ович, -евич. К женским именам отчества стали присоединяться значительно позже, причем вначале они не отличались по форме от мужских (*Акулина Николаевич*). В настоящее время отчества широко распространены среди якутов: *Ньукулай Уйбаанабыс* (Николай Иванович), *Баылайыбына Васильевна, Хаарылабыс Карлович*.

Компоненты современной якутской антропонимической модели, сложившейся по типу русской, функционируют в повседневном бытовом общении и официально-деловой жизни так же, как и компоненты русской антропонимии в общественно-языковой практике русских.

Основные этапы и процессы в истории русской антропонимики

Формирование русской системы личных имен прошло длительный и трудный путь. История личных имен свидетельствует о сложных процессах, в которых нашли отражение социокультурные преобразования различных эпох: образование славянских племен, создание Киевской Руси как государства, введение христианства, татаро-монгольское господство, создание Московского централизованного государства и Российской империи. Язычество, православ-

вие, влияние восточных и западных культур — все это повлияло на русское антропонимическое пространство, а соответственно, отразилось и на формировании национальной языковой картины мира.

О длинном и сложном пути становления антропонимии русского народа свидетельствуют и разные подходы ученых к периодизации этого процесса.

Традиционно российские ученые XIX — начала XX века всю более чем тысячелетнюю историю русской антропонимии подразделяли на два больших периода: 1) дохристианский — когда в ходу были собственно славянские по происхождению имена; 2) христианский — когда право наречения имени стало принадлежать церкви и подавляющую массу имен составили канонические имена [10, с. 95]. Границей этих периодов считается 988 год — год крещения Руси.

Значительные изменения, которые произошли в русском именнике после 1917 года, вызвали необходимость выделения третьего периода — советского, который характеризовался проникновением новых заимствованных имен и активным словотворчеством.

Из деления истории русской антропонимии на указанные три периода по существу исходят почти все исследователи XX века, уточняя в отдельных случаях наиболее существенные черты каждого периода [77, с. 42].

Так, например, В.Д. Бондалетов предложил христианский период разделить, по сути, на три этапа, поскольку личные имена в этот временной отрезок функционировали по-разному:

- с XI по XIII век наблюдалось использование христианских имен при явном господстве неканонических;
- с XIV по XVII век отмечалось преобладание уже канонических имен и начало формирования трёхчленной формулы именования;
- с начала XVIII века до 1917 года длился период монопольного господства канонических имён, широкого распространения на все слои общества именования с помощью имени, отчества и фамилии [10, с. 96–97].

На основе новых тенденций и веяний, которыми характеризуется именник конца XX — начала XXI века в системно-функциональном отношении, в настоящее время предлагается следующая периодизация русской антропонимии:

- дохристианский период (до XI в.) – использование славянских имен, представляющих собой отапеллятивные образования, с незначительным вкраплением ранних заимствований (*Ольга, Олег, Игорь*);
- христианский период (с XI в. до 1917 г.) – освоение и функционирование канонических имен, заимствованных вместе с христианской религией;
- советский период – период дехристианизации и идеологизации русского именника, проявляющейся, в частности, в активном имитаторстве;
- современный (постсоветский) период (с 90-х годов XX в.) характеризуется возрождением традиционных для русской культуры имен и новыми западноевропейскими заимствованиями [72].

Правомерность выделения нового исторического этапа обусловлена возрождением понимания личного имени как уникального и культурно-специфического духовного явления.

Воплощая в себе уровень культурного и духовного развития народа, способы восприятия мира, антропонимия претерпевает существенные изменения, поскольку реагирует на все общественные, социальные и культурные преобразования, которые происходят в языке и обществе в конце XX – начале XXI века. В условиях новых социально-экономических реалий, развития новых информационных технологий, межнациональных контактов все труднее сохранить самобытность русской культуры, поэтому в последние годы русская антропонимия, как и лексика вообще, пополнилась новыми заимствованными именами. В противовес этому процессу «включается» программа по сохранению народной культуры, а это находит свое выражение в возрождении многих традиционных, порой просто забытых русских имен. В настоящее время все чаще появляются младенцы, которых в честь прабабушек или согласно святцам называют *Елизаветами, Анфисами, Прасковьями*.

Итак, как количественные, так и качественные характеристики современной антропонимии свидетельствуют о заметных отличиях ее от имен предыдущего периода.

Дохристианский период

Изучение исторических памятников, летописей, посвященных древнему периоду Руси, а также сравнение с именами родственных славянских языков позволило отечественным ономотологам сделать вывод о том, что основной антропонимической единицей в дохристианский период было личное имя — *рекло, назвище, парок, прозвание, кличка*. Оно использовалось во всех слоях общества и входило в состав как простых (однословных), так и составных наименований человека. Но поскольку письменная культура пришла на Русь позднее, ученые не располагают подробными сведениями по истории этих имен.

О характере древних славянских (дохристианских) имен, их многообразии, распространенности и структурных особенностях лингвисты судят, опираясь на антропонимический материал, собранный позднее по древнерусским летописным сводам, различным письменным памятникам и представленный в «Славянском именованослове, или собрании славянских личных имен в алфавитном порядке» М. Морошкина (1867), «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова (1903), «Ономастиконе» С.Б. Веселовского, исследованиях А.М. Селищева и других ученых.

Подавляющую часть отмеченных в старых азбуковниках славянских имен составляли древние слова родного языка, образованные от апеллятивных основ и их сочетаний. Достаточно просмотреть первые страницы «Словаря древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова, который включает около 6000 имен, чтобы убедиться, насколько разнообразны были древние имена и насколько богата была человеческая фантазия при назывании людей в обществе.

При анализе этого интересного материала А.М. Селищев выделил ряд групп имен по значению, отражающих:

- различные обстоятельства появления нового члена семьи, выражение ожидания и неожиданности, чувства родителей: *Найден, Краденый, Ждан, Любава, Любим, Неждан*;
- семейные отношения, порядок и время рождения: *Первуша, Неделя, Домаха, Третьяк*;
- внешний вид, физические недостатки: *Беляк, Черныш, Чернавка, Губан, Слепой*;

– характер и свойства: *Неупокой, Добрыня, Плакса, Несмеяна, Забава, Быстрой, Беспута* и др. [71].

Кроме имен, которые в прямом смысле могли быть названы характеристиками, наши предки использовали еще так называемые имена-метафоры, то есть прозвища, рисующие облик человека иносказательно, путем сравнения с каким-то другим предметом. Чаще всего в этой функции использовались названия животных и растений. На это указывает популярность среди славян имен, связанных с растительным и животным миром, – *Береза, Дуб, Рена, Волк, Заяц, Голубь, Ворона, Воробей*. В.Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов, внимательно изучив данную группу личных имён, приводят доказательства раннеславянского тотемизма, верования в божественность отдельных растений и животных, очевидно, преимущественно тех, которые играли особую роль в жизни наших предков [35].

Причиной возникновения у древних славян имен-метафор был особый взгляд на слово вообще. Слово, по их мнению, могло обладать чудесной силой: оно могло поднять воинов на ратный подвиг, принести людям мир, остановить струящуюся из раны кровь, причинить зло. Вера в сверхъестественную силу человеческого слова породила многочисленные заговоры, с помощью которых древние знахари пытались бороться с болезнями, стихийными бедствиями. Эта вера в особую силу слова привела наших предков к мысли о том, что имя человека способно не только отражать характер, но и формировать его.

Позднее в эти представления включаются и христианские (канонические) имена, участвуя в формировании наивной картины мира на новом историческом этапе и отражая связь с миром растений и животных в случаях вторичной номинации объектов природы личными именами.

Разновидностью древнерусских имен-метафор можно считать и двусосновные (сложные) имена: *Святослав, Любомир, Горислава, Ярослав*.

На древний характер этих личных имен, по свидетельству М. Морошкина, указывает то обстоятельство, что большая часть их употреблялась всеми славянскими племенами, начиная с Балкан до низовьев Лабы и поморья Балтийского, от Адриатики до Ильменя,

от Карпат до гор Валдайских. Многие из них до сих пор встречаются в Болгарии, Сербии, Польше.

Кроме того, о древности этих имен говорит двуосновный характер образования, что сближает их с именами древнегерманскими и кельтскими. Различие лишь в том, что славянские имена построены по типу композита с соединительными гласными, а германские двуосновные имена образованы без соединительных гласных по типу соположения [79, с. 62].

В процессе исторических связей наших предков с соседями в язык попадали и закреплялись в нем имена неславянского происхождения. Принято считать, что первые иноязычные имена были принесены к восточным славянам в IX веке норманнами, или, как их называли тогда на Руси, варягами. Но иноземцы были немногочисленны и не смогли повлиять на ход исторического и культурного развития коренного населения. Они сами вскоре обрусели, и, следовательно, подверглись изменениям и их имена, которые стали звучать как *Олег*, *Ольга* («светлая»), *Игорь*. Теперь их никто не считает нерусскими, потому что в таком виде они не встречаются ни в немецком, ни в скандинавских языках. Более того, у них появились многочисленные синонимичные имена-тёзки: например, *Светлана*, *Ярослава* (славянские), *Елена*, *Алена*, *Евламния* (греческие), *Альбина*, *Лукерья*, *Лилия* (латинские), *Сусанна* (древнееврейское) [72].

Таким образом, рассматривая имена дохристианского периода, можно сделать вывод, что на этом историческом этапе сложилась основа для взаимодействия личных имен с лексикой нарицательной.

Христианский период

В истории русской антропонимики с момента крещения Руси (988 г.) наступает христианский период, который не отличался однородностью содержания, ведущих тенденций и материального состава имен. Поэтому целесообразно, с точки зрения В.Д. Бондалетова, подразделять этот период на два этапа: 1) с XI по XVII век, 2) с начала XVIII века по 1917 год [10, с. 97].

О составе и облике христианских имен на первом этапе можно судить по словарю, составленному академиком И.И. Срезневским на основе древних месячных списков (миней) XI–XIII вв. и изданному под названием «Древний русский календарь по месячным

миньям XI–XIII вв.» в 1863 году, который включал 328 мужских и всего 43 женских имени [72].

Материалы словаря показывают, что основная масса современных русских имён пришла к нам из Византии в связи с принятием христианской религии. Гораздо меньшим было влияние восточной культуры, мусульманства, что можно заключить из того примечательного факта, что, несмотря на почти трехвековое татаро-монгольское господство, у русских очень мало имен татарского происхождения.

Христианская культура сопровождалась особым набором личных имен, основную массу которых составляли имена тех, кто пострадал за веру и был канонизирован. Их имена были образованы от различных слов и фраз греческого, арамейского, сирийского, древнееврейского языков, а также от имен божеств.

Входя в русскую культуру, новые имена связывались с другим мировоззрением, иной идеологией и несли в себе иные духовные ценности. Но поскольку «последующий культурный слой никогда не искоренял предыдущего» [79, с. 23], можно считать, что и русская антропонимия отражает тысячелетнюю историю, культуру не только русского народа, но и других культур, включая византийскую, греческую, римскую.

Чтобы войти в речь русского народа, христианские имена долгое время употреблялись наравне с исконными, славянскими, пока не утратилось ощущение их чуждости. Особенно органично вплетались в живую народную речь иноязычные личные имена, пришедшие не книжным путем, а народно-разговорным, потому что, если народ как коллективный носитель и создатель языка допустил то или иное иноязычное имя в свой речевой обиход, значит, оно уже не является чужим, а «присваивается», то есть становится «своим». Так произошло с христианскими именами в результате их тысячелетнего употребления в русском языке. Несмотря на заимствованный характер, они воспринимаются как русские.

После принятия христианства русский национальный антропонимикон коренным образом обновился. Но сменился не только состав личных имен русского народа, другим стал и способ выбора антропонима, обряд имянаречения, вкладываемый в имя смысл.

Христианское имя стало более интенсивно выполнять защитную функцию, чем это было свойственно языческим антропонимам. Каждое каноническое имя предопределяло, что у человека будет соименный покровитель на небесах. К нему следовало обращаться с молитвой, его день памяти (именины) становился более важным в жизни человека, чем день рождения. Вследствие этого в семантике христианского имени важной составляющей становится сакральное значение.

С установлением христианства как официальной религии христианин получал имя из святцев, но вместе с ним давалось имя славянское — по привычке. Поэтому вплоть до конца XIII века в истории русской антропонимики наблюдалось взаимодействие двух антропонимических систем — древнерусской (славянской) и христианской — их взаимная адаптация и интерференция, возникновение гибридных моделей наименования [10, с. 104].

Гибридность проявлялась в обычае иметь два имени: христианское и «мирское». Первоначально двуимённость была отмечена при именовании князей, бояр и духовных лиц (*«се аз князь великий Гаврил, нареченный Всеволод»*), а потом эту традицию подхватили и другие слои населения.

Начавшееся в XIV веке объединение русских земель и образование централизованного государства усилило влияние церкви на все сферы государственной и общественной жизни, в том числе и на именование людей. Поэтому «мирские имена» становятся второстепенными и переходят в разряд прозвищ. Так, при анализе летописных памятников Н.М. Тупиков отметил, что в XV веке князья, как правило, назывались уже одним именем, а представители низших слоев сохраняли двуимённость еще на протяжении двух веков [89, с. 8].

Таким образом, XIV век не зря считают переломным в истории русской антропонимики: христианские имена начинают преобладать над славянскими. Вытеснение русских неканонических личных имен было связано с процессом освоения имен христианских. Процесс этот был сложным и длительным и фактически завершился только в XVIII веке.

Сам процесс проникновения в русский именослов канонических имен относится к числу малоизученных, несмотря на предпринимающиеся попытки ученых выявить пути усвоения русским языком христианского именника.

Заимствованные в связи с христианизацией Руси имена имели во многом чуждый для русского языка фонетический облик и грамматическое оформление, поэтому, приспосабливаясь к общему строю русского языка, претерпевали ряд фонетических и грамматических изменений. Способы фонетической адаптации связаны были, как правило, с действием фонетических закономерностей древнерусского языка: законом построения слога по восходящей звучности, упрощением группы согласных и гласных звуков, заменой одних звуков и их сочетаний другими: *Акилина* > *Акулина*, *Ксения* > *Аксинья*, *Евстихий* > *Тихон*.

Стремление понять неясные для многих значения христианских личных имен заставляло искать в них хотя бы небольшие сходства со знакомыми славянскими именами. Постоянные «поиски понятного в непонятном» привели к развитию у заимствованных имен разнообразных народных, разговорных, сокращенных форм, которые совпадали с формами дохристианских имен. В результате такого сближения очень трудно порой бывает установить исходную форму личного имени. Так, например, имя *Семак* (*Семака*), отмеченное в словаре Н.М. Тупикова как производное от *Седьмой* (*Семый*), могло быть образовано от христианского имени *Семён*. Не без влияния славянского имени *Груша* появились сокращенные формы *Груша*, *Груня* у имени *Агриппина* [89].

Тенденция сближения неканонических имен с различными формами христианского имени способствовала скорому закреплению их в русской антропонимической системе и появлению у канонических имен дополнительных значений.

Незнание внутреннего содержания входящих в русскую именную систему христианских имен приводило к своеобразному их осмысливанию русским народом, в результате чего некоторые имена приобретают новую этимологию. Чаще всего эта этимология носит оттенок иронии и находит отражение в пословицах и поговорках. Так, например, имя *Феодулий* (в переводе с греческого — «раб бо-

жий»), превращенное в *Федул*, вошло в народное сознание как синоним обидчивого, не терпящего критики человека: Федул, чего губы надул. За именем *Устинья* скрывается в пословицах народный образ неумелой, нерасторопной женщины: какова Устинья, таково у ней и ботвинье; живи, Устя, рукава спустя [31].

Таким образом, личные имена в паремиях (филол., лингв. «устойчивое в языке изречение, представляющее собой целостное предложение дидактического содержания») стали выполнять функцию обобщения. Почти с каждым личным именем в народном сознании связано представление о том или ином признаке или даже целой группе признаков – вне всякой связи от природы носящего это имя человека. Подтверждением тому является богатейший антропонимический материал пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем.

Заимствованные имена собственные вследствие различных, большей частью скрытых, явлений общественной жизни получили реальное нарицательное значение разных оттенков. Безусловно, что в этом процессе не последнюю роль играет степень известности имени, его популярность, количество разговорных вариантных форм. В то же время смысл, который вносится в то или иное христианское имя, определяется мировоззрением русского народа, его бытом, хозяйственной деятельностью и жизнью русского народа.

Переосмысление христианских имен связано с несколькими взаимообусловленными факторами, при которых канонические имена получают характеристики «домашних» русифицированных имен. Кроме того, семантическое освоение было связано и с борьбой языческих и христианских имен, что отразилось, например, в семантическом пространстве имен *Иван* и *Марья*. Но эта проблема мало затрагивается ономастами.

Определенную роль, а может быть, и решающую, при смысловом преобразовании православных имен сыграл феномен слияния христианства и местных народных верований, получивший в религиоведении название двоеверия.

Соединение языческих и христианских верований и обрядов породило своеобразную народную мифологию, где христианские легенды слились с этиологическими мифами восточных славян. Христианские святые, именем которых назывались новорожденные,

в народном сознании превращались в образы, соотнесенные с основными оппозициями модели мира и соответствующими языческими персонажами. А вследствие этого стали получать дополнительную смысловую характеристику, приобретать черты, присущие божествам языческого культа. Дни их памяти (а соответственно, и имена) становились маркерами, культурными знаками той или иной точки временного круга с определенными связанными с ней представлениями, функциями и той или иной степени сакральности.

Русский народ по привычному суеверию делал каждого святого как бы участником и покровителем своих трудов и своего имущества. Так, например, святой *Власий* по созвучию уподобился славянскому божеству домашнего скота *Волосу* (*Велесу*) и стал покровителем скота и людей одновременно. Святой *Параскеве* – покровительнице полей и домашних животных, хранительнице семейного благополучия – перешли все функции и атрибуты древней славянской богини *Мокоши*. Языческое божество *Перун* – «славянский Юпитер», повелитель громов, «утолявший летнюю жажду земли» живительными дождями, трансформировался в святого *Илью* – *Пророка* [72].

Подобные языческо-христианские корреляции не были случайными совпадениями или произвольными заменами. В процессе переосмысления иного антропонимического знака, в данном случае имени личного, происходил «перевод» с одного «языка» на другой: с языческого на христианский. По мере освоения и усвоения фонда христианских имен постепенно определялось отношение к ним русских людей, выделялись группы любимых и нелюбимых имен.

Но языческое «прошлое» сохранялось в них еще долго и обнаживает себя при внимательном анализе и на современном этапе, например, в экспрессивной деонимизации личных имен, в отантропонимических названиях растений, животных.

Таким образом, «обрусение» христианских имен зависело от частоты употребления того или иного имени, от культа почитаемых церковью различных святых. Канонические имена, обладающие устойчивостью и повторяемостью, несмотря на многообразие, нередко при наречении использовались многократно. Каноническое имя в известной степени отождествляло его носителя не только с христианским святым, но и с другими антропонимическими де-

нотатами, известными носителями того же имени. Это обстоятельство приводило к десакрализации календарных имен.

Десакрализация христианского имени способствовала сближению его с некалендарными именами, что проявлялось в поиске ассоциаций со словами общей лексики (*Константин – Костя – кость, Харитон – харя*).

Переосмысленные христианские имена начали аналогично апеллятивам образовывать всевозможные семантические и грамматические категории: *Анна – анютины глазки, Антон – антоновка, Варвара – варварить, Егор – объегорить, Кузьма – подкузьмить, Матрёна – разматрёнить*.

Освоенные и в грамматическом, и фонетическом отношениях канонические имена в течение XVII–XIX вв. прочно входят в русскую антропонимию, закрепляются в ней в традиционных для восточных славян формах: церковной (*Анания, Феодосия, Азария*), литературной (*Ананий, Федосия, Азарий*) и народной (*Анан, Федосья / Федосея, Азар*), обогащаясь определенным семантическим содержанием [75, с. 44].

Известно также, что не все христианские имена оказались принятыми русским народом. Из большого количества личных имен, которые рекомендованы христианской религией и числились в церковных календарях, в России некоторые не употреблялись ни разу, например, мужские имена *Алгабдил, Бастолимоний, Вусирис, Издериос, Лампад, Титир, Херимон, Раврава* и др., женские: *Аксуя, Аммонария, Бистамона, Еротиида, Матридия, Рогатилла, Симфороза, Феопистия* и др. Выяснить в каждом конкретном случае, почему имя не получило дальнейшего распространения, не всегда представляется возможным.

Социальная дифференциация имен, существовавшая во все времена, в XVIII–XIX вв. проявилась особенно ярко в употребительности имен.

Сравнительный анализ состава и употребительности имен этого периода, проведенный В.А. Никоновым, вскрыл антропонимическую неоднородность, причина которой, по мнению исследователя, заключалась в неравенстве социальном. «Одними и теми же именами пользуются преимущественно крестьянки и пренебрегают

дворянки – Василиса, Мавра, Федосья, Фекла; другие – в почете у дворянок и неупотребительны у крестьянок – Александра, Елизавета, Ольга, Екатерина» [56, с. 52]. В.А. Никонов отмечает, что именник купчих занимает промежуточное положение между именами крестьянок и дворянок. «Частые у крестьянок имена Марфа, Меланья, Неонила, не принятые дворянками, редки у купчих Москвы, но купчихи Коломны еще не прониклись барским презрением к этим именам» [там же].

Ономастические преобразования в XX столетии

Следующий этап – советский – в истории русской антропоники начался после Октябрьской революции 1917 года и характеризовался рядом качественных изменений. Начало переменам положил подписанный в первые месяцы существования советской власти декрет об отделении церкви от государства. Это означало, что церковь была лишена прав регистрировать рождение ребенка и, следовательно, участвовать в процессе наречения. Если в христианстве человек соединялся со своим святым и его именем во время крещения и связь эта была нерасторжимой, то после отделения церкви имя перестало выполнять сакральную функцию, поскольку указанное выше положение утратило свою силу. Регистрация актов гражданского состояния была возложена на ЗАГСы и местные сельсоветы. А это означало, что родители могли сами, без вмешательства священника, без оглядки на церковные календари, выбирать имя ребёнку, менять своё прежнее, порывая с русским церковным календарем и ломая сложившиеся традиции именования.

Среди начавшихся в 20–30-е годы двадцатого столетия ономастических преобразований выделилось движение за пересмотр христианского именника. Оно нашло проявление в создании совершенно новых имен, идеологически актуальных и потому востребованных: *Марлен* (Маркс и Ленин), *Нинель* (палиндром от Ленин), *Ревмир* (революция мировая), *Даздраперма* (да здравствует 1 Мая), *Октябрин*; в смелом заимствовании: *Регина*, *Виталина*, *Жозефина*, *Илиада*; в использовании русских и славянских имен, не предусмотренных святцами: *Веста*, *Велимир*, *Милана*, *Мира*; в отказе от значительной доли старых, ставших непопулярными христианс-

ких имен и замене канонических вариантов календарных имен народными: *Денис* вместо *Дионисий*, *Семен* вместо *Симеон*, *Прасковья* вместо *Параскева*; в использовании в качестве официальных сокращенных форм типа *Лена*, *Рита*, *Ляля* и т. д. [10, с. 128].

Среди антропонимических новшеств 20–30-х годов прошлого столетия заметными являлись также имена-неологизмы, созданные на базе русского языка лексико-семантическим способом (от слов с ярко выраженной идеологической семантикой): *Радий*, *Искра*, *Идея*, *Май*. Безусловно, такие имена привлекали своей необычностью, приковывали к себе всеобщее внимание, но, как указывается в работах В.А. Никонова, В.Д. Бондалетова, А.В. Сусловой, А.В. Суперанской, не имели впоследствии столь широкого распространения, так как не соответствовали сложившейся традиции, в соответствии с которой личное имя не должно было иметь созвучий или ассоциаций с нарицательной лексикой.

Популярными становились имена, образованные морфологическими способами (аффиксация, аббревиация, словосложение): *Октябрина*, *Сталина*, *Ким* (коммунистический интернационал молодежи), *Гертруда* (героиня труда), *Ревмира* (революция в мире), *Ленинид* (ленинская идеология). Довольно широкое распространение получили имена, образованные по этой модели от славянского имени *Владимир* в сочетании с элементами отчества и фамилии вождя мирового пролетариата: *Владлен*, *Владилен*, *Виленин*, *Владиана*.

Многочисленными среди новых имен исследователи называют имена, заимствованные из ряда западноевропейских языков. У большинства из них указать точно язык-источник практически невозможно, так как они активно используются в ряде языков: *Гортензия*, *Виола*, *Стелла*, *Дина*, *Луиза*.

В 30–40-е годы довольно частыми были случаи, когда родители называли своих детей именами полюбившихся им литературных персонажей, в том числе и из зарубежной литературы. В качестве примера можно привести имена, употребленные А. Грином в своих произведениях и ставшие достаточно популярными: *Ассоль*, *Лолита* [98, с. 20].

Стремление найти для детей необычное, оригинальное имя породило целый ряд явно неудачных имен, нарушающих естествен-

ные антропонимические нормы русского языка, и самый главный принцип – благозвучие: *Владикатра* (дети Владимира и Екатерины), *Лудджи* (Ленин умер, но идеи живы), *Марэнлет* (Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий), *Оюшминальда* (Отто Юльевич Шмидт на льдине), *Лорикэрик* (Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, коллективизация, электрификация, радиофикация и коммунизм). Такие «фонетические монстры», конечно же, не могли рассчитывать на продолжительную жизнь. Поэтому некоторые имена-неологизмы подвергались процессу фонетической мимикрии, т. е. процессу подравнивания под внешнюю форму западноевропейских имен, например, имена *Лудджи*, *Гертруда* могут восприниматься и как заимствованные.

К середине двадцатого века сложился разнообразный спектр русских имен, обнаруживающий в своем составе около 900 мужских и около 230 женских, среди которых встречаются и древние общеславянские имена, и имена, сложившиеся под влиянием христианства, и современные заимствования.

Пометой «новое» в первом издании «Словаря русских имен» Н.А. Петровского (1966) снабжены 66 имен-неологизмов (23 мужских и 43 женских) и 116 западноевропейских (32 мужских и 84 женских). Важно обратить внимание в связи с этими цифрами еще на одну особенность рассматриваемого периода – это заметное преобладание (впервые за всю историю русской антропонимики) женских имен. Пропагандирование социального равенства и равноправия полов немало этому способствовало [72].

Несмотря на значительные новшества, привнесенные в русский именник в первую половину двадцатого столетия, состав русских имен и их формы все-таки остаются в общем близкими к традиционным. Объясняется это, прежде всего, тем, что имена – особая категория слов, которая развивается по своим закономерностям. Имена, употребляющиеся в каждом языке, составляют свою систему, которая свободно принимает пополнение, но при этом все новое перерабатывается, подчиняется нормам системы. То, что не удовлетворяет систему, рано или поздно выпадает из нее.

Современный этап в истории антропонимии

Личное имя человека как неотъемлемая часть русского национального языка и народной культуры отражает все процессы, происходящие в языке и обществе в конце XX – начале XXI века – возрождение духовных, культурных традиций, демократизация и деидеологизация языка, «вестернизация», или экспансия заимствований.

В наши дни, когда люди стали больше дорожить реликвиями прошлого, начали их тщательно охранять, понимать их историческую значимость, а порой и большую художественную ценность, все чаще стали слышны старые имена *Анфиса, Мелания, Василиса, Антонина*. Возрождение духовных культурных традиций, связанных в том числе и с православием, обусловило увеличение числа крестильных имен. А это, в свою очередь, повлияло на мотивы выбора имени в соответствии с церковным календарем, в честь уважаемых предков (бабушек и дедушек).

Демократизация и деидеологизация языка полностью нейтрализовала социальную и территориальную дифференциацию личных имен, которая существовала еще в середине прошлого века. Именник деревни по составу сейчас ничем не отличается от городского. Исчезли имена, отличающиеся идеологизированной семантикой, только в отчествах можно найти отголоски существовавшей в 30–40-е годы моды на имена *Владилен, Октябрин, Виль* и др.

Вместе с тем наблюдаемая на современном этапе развития языка экспансия заимствованных слов проникает и в сферу антропонимической лексики и выражается не только в заметном увеличении иноязычных имен, но и в изменении антропонимической нормы, характеризующейся у русских трехкомпонентным составом (фамилия + имя + отчество) и стилистической дистрибуцией полных (официальных форм) и сокращенных (неофициальных). Прежде всего, изменение нормы коснулось именованья людей публичных: политиков (*Владимир Путин, Александр Хлопонин*), артистов (*Маша Распутина, Катя Лель, Таня Буланова*).

Правомерность выделения нового периода может быть обоснована, в частности, и наблюдением за динамикой наиболее значи-

мых для русского народа имен – *Иван* и *Мария* – на протяжении XX столетия.

Так, В.Д. Бондалетов, изучив состав русского именника в разные исторические периоды, приводит данные об употребительности имени *Мария*, свидетельствующие о том, что с 1892 по 1902 год имя *Мария* занимало первую строчку по популярности; в 1921–1930 гг. оно опустилось на 10 место, а в послевоенный период считалось редким [11, с. 33, 39, 45]. Имя *Иван* повторило судьбу *Марии*: с 1892 по 1902 гг. входило в первую пятерку, в 1921–1930 гг. стояло на 16 месте, а в послевоенный период стало редким [там же, с. 30].

В 80-е же годы наблюдается возрождение этих имен: они опять становятся популярными. Возросла популярность и других традиционно русских имен: *Екатерина*, *Наталья*, *Анна*, *Елена*, *Дарья*, *Надежда*, *Анастасия*.

На современном этапе наблюдаются две тенденции в списках модных имен: тяготение к традиционным, старинным именам и выбор заимствованного имени. В разные исторические периоды эти две тенденции получали большее или меньшее развитие.

Русская антропонимическая модель⁴

Антропонимическая система *русских* во многом схожа с общеевропейской. Полное имя состоит из трёх основных элементов – имя, отчество и фамилия. Кроме того, существуют такие разновидности имён, как прозвище, уменьшительное имя, а для соответствующих социальных групп также псевдоним, монашеское имя.

Так же как в большинстве европейских культур, в русской именной формуле общепринятой литературной и языковой нормой является порядок слов, начинающийся с личного имени, однако он жестко не зафиксирован и в некоторых специфических случаях от него отходят, что не является ошибкой.

Отчество является характерной чертой, отличающей русскую систему антропонимики от большинства современных европейских: в Европе оно представлено лишь у других восточных славян (белорусов и украинцев), а также у болгар, литовцев и исландцев (у последних практически отсутствуют фамилии). Адаптация русски-

⁴ Использован материал электронного ресурса: <http://ru.wikipedia.org>

ми имён других народов обычно сопровождается теми или иными фонетическими изменениями, а нередко и появлением отчества.

Существует следующие традиционно используемые компоненты русского антропонима, из которых могут складываться различные модели именованя человека.

Имя — личное имя, даваемое при рождении, обычно одно, но в древности могло даваться и несколько имён.

Уменьшительное (гипокористическое) имя — неофициальная форма имени, образуемая от личного при помощи тех или иных суффиксов или усечения (*Мария — Маша — Машка — Маня — Муса* и т. п., *Александр — Саша — Сашура — Шура — Саня — Шурик — Искандер; Николай — Коля — Колюсик* и т. п.). В новое время подобные образования, граничащие с прозвищами, производятся и от фамилий (*Кислов — Кислый, Панов — Пан*), что представляет собой процесс, исторически обратный образованию фамилий.

Отчество — патроним, указание на имя отца. Имеет окончание -(в)ич, -(в)на; в древности также -ов, -ин аналогично современным фамилиям (в болгарском языке это сохранилось).

Фамилия — наследуется из поколения в поколение по мужской линии. Обычно исконная русская фамилия заканчивается на -ов/-ев/-ёв (от основ второго склонения: *Петров, Конев*) или -ин/-ын (от основ первого склонения: *Фомин, Синицын*); -ский/-цкий (*Рождественский, Высоцкий*); -ой (*Толстой*); реже -их/-ых (*Русских, Петровых*); менее характерны для русских (в отличие от других восточных славян) фамилии с нулевым окончанием (*Бобёр, Воробей* и т. п.).

Прозвище — индивидуальное наименование, которое даётся не при рождении и связано с теми или иными характерными особенностями или событиями. Для древних времён характерно весьма устойчивое и почти официальное употребление многих прозвищ (например, *Иван Калита, Василий Есифович Нос* — новгородский посадник), но и сейчас прозвища неформально широко используются, особенно в молодёжных социальных группах, где могут выступать как фактически основное средство номинации человека.

В наиболее полной форме (ФИО) русское имя, как и полные имена других народов не употребляется в устной речи, а используется в официальных документах. В России для её граждан (не только

этнических русских) эти три элемента антропонима в обязательном порядке указываются в официальных документах. Для резидентов не указывается отчество (при отсутствии такового), а в графе имя указывается как личное, так и среднее имя. В большинстве случаев используют двухкомпонентную модель. Разные формы показывают разную степень уважения при общении:

- уменьшительное имя – гипокористика используется при неформальном общении и в семье;

- отчество – неформально, но уважительно (особенно к старшим), при этом отчество произносится в намеренно упрощенной просторечной форме, если такую возможно образовать (*Михалыч, Саныч, Палыч*);

- имя – также используется при неформальном общении. В последние годы под влиянием Запада постепенно заменяет следующую форму, особенно в бизнесе;

- имя + отчество – чаще используется по отношению к взрослым и пожилым людям или при подчеркнуто уважительном обращении к человеку (*Дмитрий Анатольевич, Алла Борисовна*);

- имя / уменьшительное имя + фамилия или фамилия + имя / уменьшительное имя – стереотипная форма при упоминании человека в третьем лице или при обращении в учебном заведении (*Василий Кудрявцев* или *Вася Кудрявцев, Татьяна Смирнова* или *Таня Смирнова, Козлов Александр* или *Козлов Саша*);

- имя / уменьшительное имя + прозвище – чаще неформальное именование человека (*Борис Бритва, Саня Белый*);

- обращение + фамилия – строго официальное. В советское время использовались обращения *товарищ, гражданин/гражданка* (последнее сохранилось и в наше время). В современном обществе используется префикс *уважаемый, господин / госпожа*, в основном при деловой переписке. В военизированных организациях – *рядовой Сычёв, майор Евсюков, товарищ гвардии старший лейтенант Хрусталёв*;

- фамилия – распространено в школах, учебных заведениях (обращение обучающихся к учащимся) и военизированных организациях к нижестоящим по чину, часто не является приятным для владельца фамилии. Также используется как способ переключки.

Предыдущие варианты относятся к знакомым людям (за исключением артистических имён, например, *Дима Билан*, *Натasha Королёва*). Следующие чаще используются, когда речь идет о третьих лицах:

– имя + прозвище + фамилия – американский вариант, популяризирован шоу «Камеди-клуб» и способом написания ника «ВКонтакте» (*Тимур Каштан Батрудинов*, *Дмитрий Гоблин Пучков*);

– имя + отчество + фамилия – уважительно называет человека, о котором не говорилось ранее (например, представляет его перед аудиторией) (*Владимир Владимирович Путин*, *Сергей Юрьевич Беляков*).

Происхождение русских отчеств

История русских отчеств неразрывно связана с историей становления общественных, социальных и государственных отношений в русском обществе. На начальной стадии формирования древнерусского государственного устройства система выделения лица среди ему подобных могла быть обеспечена многочисленным арсеналом прозвищных личных имен, подчеркивавших в дохристианский период какие-либо внешние, духовные, тотемные и другие признаки именуемого: *Нечай*, *Пятой*, *Головня*, *Худоца*, *Лихач*, *Коновал*, *Щука* и др.

После принятия христианства введение строгого нормированного использования христианских личных имен с обязательной привязкой конкретного личного имени для новорожденного, с рекомендательным списком в «святцах» привело к значительному сокращению числа употребляемых в древнерусском обществе имен. Появление в связи с этим большого числа тезок стало создавать определенные трудности. В таких случаях в дофамильный период при персонификации лица стали использовать как равноправные христианские (канонические) и мирские (прозвищные) личные имена. Например, запись в «Родословной книге» (начало XVII в.): «Князь Костянтин Юрьевич Фоминской: а у него три сына, и вси Федоры, а прозвища им были: большому Красной, а среднему Слепой, а третьему Меншой» [32, с. 188].

Использование только христианских и прозвищных имен без других антропонимических компонентов не отражало преемствен-

ной связи в установившейся родовой или семейной наследственности, что было необходимо в условиях формирования юридических норм права наследования. Вводимая в древнерусском обществе патронимическая форма именования (именование лица по имени отца) в сочетании с личными христианскими и прозвищными личными именами как раз и стала удобной антропонимической моделью в дофамильный период, которая не только отражала уважение к памяти родителей, но и выступала юридически закрепленным знаком своеобразного права на имущество, духовное и другое наследование от своего отца. Отчества в большинстве случаев указывали на отношение детей к родителям по линии ближайшего кровного родства, но известны случаи, когда после усыновления (удочерения) чужих детей последние получали новое отчество, закрепляющее отношения между отцом и детьми вне кровного родства, но с правом наследования.

Все эти специфические признаки отчества в древнерусском обществе позволили им в сочетании с личными именами выступать как социально идентифицирующий признак выделения личности в пределах одного поколения. В дофамильный период древнерусские отчества не только указывали на патронимическую связь в пределах одной семьи, подчеркивая тем самым родство братьев и сестер, что свойственно и современным русским отчествам, но и в значительной степени расширяли свою социальную функцию. Древнерусские отчества нередко служили основой для образования родовых и фамильных прозваний, могли обозначать совокупность родственников, родичей, в некоторых случаях выступали в качестве элемента наследственного значения при именовании внуков, правнуков.

До XII века формы древнерусских отчеств встречаются в письменных источниках редко. Даже для представителей правящего княжеского рода *Рюриковичей* в летописных записях той поры чаще используется одно личное имя. С XII века употребление отчеств встречается не только при обозначении представителей княжеских родов, но и при именовании лиц других высших сословий: «1127 г. Иванко Вячеславль, тысяцкий Туровский», «1146 год. Иван Халдевич, воевода Киевский», «1170 год. Коснятин Хотович, воин русский» и др. [32].

Встречались случаи, когда при развернутом антропонимическом именовании лица делалась попытка сохранения не только отчества, указывающего на родство в первом колене, но и на имена деда, прадеда и др. В летописной записи под 1176 г. записано: «Князь Владимир Святославич, внук Всеволож, правнук Ольгов, праправнук Святославль, прапраправнук Ярославль, пращур Великого Владимира». Но подобные родословные именованья использовались редко и только для именованья правящего княжеского рода.

При образовании древнерусских отчеств основной моделью стало патронимическое именованье, при этом признак притяжательности, принадлежности в значительной степени уменьшался, что постепенно привело к самостоятельному субстантивированному употреблению форм отчеств, тем самым противопоставляя в языке формы «мамин» (ч е й?) и «Мамин» (к т о?), «алмазов цвет» и «Алмазов сын».

В русской традиции закрепились отчества от имен отца. Матронимы (указание на имя матери в системе непосредственного ближайшего кровного родства), встречающиеся в летописных списках, были в русском обществе скорее исключениями, отступлениями от признанных норм: «Дмитрий сын Марфин, Новгородский боярин, 1471»; «Васко Варварин, крестьянин, 1495»; «Данило Катюшин, крестьянин, 1539» и др. Матроним в именовании лица мог указывать и на незаконное происхождение ребенка. Например, в Ипатьевской летописи под 1187 г. записано: «Олег Настасьич, сын Ярослава Галицкого и его любовницы Анастасии» [32].

В истории развития русских отчеств отчетливо прослеживаются два периода: а) дофамильный, т. е. до XVII–XVIII вв., и б) современный, в основном XIX–XX вв. Социальная значимость русских отчеств в дофамильный период была более заметной.

До XVII века русские отчества могли свободно образовываться не только от канонических христианских личных имен, но и от прозвищных, которые использовались при именовании лица как равнозначные. Тем не менее между отчествами, образованными от христианских личных имен (собственно отчествами), и отчествами от прозвищных личных имен существовали принципиальные различия, которые повлияли в дальнейшем на функции отчеств. Различие

было на словообразовательном уровне. «Собственно отчества» образовывались от христианских личных имен при помощи суффиксов -ъ, -ин, -ов/ев, -ович/евич, -ич (*Мирославль, Петров, Сергеев, Кирин, Демидович, Алексеевич, Кузьмич*), в то время как для «прозвищных отчеств» были характерны суффиксы -ов/ев, -ин (*Волков, Окунев, Палкин*), реже суффиксы -ого/его, -ово/ево (*Дурново, Толстого*), которые не встречаются у собственно отчеств. Прозвищные отчества могли не согласовываться с личным именем и иметь форму родительного падежа на -а (*Иван Федоров сын Сабуров*, но и *Иван Федоров сын Сабурова*), в то время как собственно отчества всегда согласуются с личным именем (*Иван Петров, Иван Петрович*) [97].

Прослеживается строгая закономерность в расположении собственно отчеств и прозвищных отчеств при официальном именовании лица. Если собственно отчество всегда стоит за личным именем (христианским или прозвищным), то прозвищное отчество при наличии в именовании собственно отчества всегда следует только за собственно отчеством: *Иван Перепеча Мартемьянов* (1526), но его сын *Борис Иванов сын Перепечин*.

При именовании лица двухкомпонентной антропонимической моделью (личное имя + патроним) собственно отчества и прозвищные отчества различались только значением своей производящей основы, совпадая структурно и функционально во всем остальном. Встречаются в равной степени собственно отчества («*Михаилу Васильеву сыну, порука отец его Василий*», «*Худяк Ермолин, порука отец его Ермола*») и прозвищные отчества («*Грише Болдину, порука отец его Болда*», «*Данилку Курышкину, порука по нем отец его Курышка*»).

Прозвищные отчества в дофамильный период стали выступать дополнительным различительным признаком именуемого, позволяя передаваться по наследству и обслуживать два и более поколений, что в значительной степени сближает прозвищные отчества с современными русскими фамилиями. Именно прозвищные отчества на начальном этапе формирования русских фамильных прозваний в XVII–XVIII вв. легли в основу современных фамилий. Провести четкую границу между прозвищными отчествами и первыми русскими фамильными прозваниями сложно. В известном «Слова-

ре древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова, изданном в 1903 году, все патронимические формы отнесены к отчествам, хотя в трехкомпонентном именовании они могли выступать и в функции фамильных прозваний.

Формальным показателем отчества могли выступать уточняющие слова *сын, дочь, дети*, в использовании которых не было строгого единообразия. Уточняющее слово *сын* могло стоять перед отчествами, особенно образованными при помощи суффикса -*ъ* (*Брячислав сын Изяславль*, 1021). В отчествах на -*ов/ев* и -*ин* уточняющее слово *сын* могло стоять как перед отчеством (*Алекса сын Лазорев*, 1125), так и после него (*Семка Григорьев сын Говорухина*, 1569). Обычно в двухкомпонентных антропонимических именовании слова *сын* и *дети* могли отсутствовать, хотя морфологически второй компонент в форме патронима оформлялся (*Воин Ушаков*, 1589; *Ивашко Двойнин*, 1696; *Иван Гутенев*, 1678). Реже уточняющее слово *сын* отсутствует в трехчленных антропонимических именовании (*Кузьма Остафьев Дурной*, 1495; *Василь Пантелеев Деревяжкин*, 1495). В XVIII–XIX вв. уточняющие слова как бы усиливали противопоставление форм полуотчеств (*Петр Алексеев сын*) полным формам отчеств на -*ович/евич* (*Александр Сергеев сын Пушкин* и *Александр Сергеевич Хвощинский*) [32].

На начальном этапе появления фамилий у русских при развернутом именовании лица могли указываться не только собственно отчества именуемого, но и отчество его отца, как правило, в прозвищной форме.

Появление фамильных прозваний в русском обществе нейтрализовало самостоятельные признаки у отчеств, постепенно отчества стали переходить в разряд уточняющих компонентов при именовании лица. В это же время заметно активизировалась функция отчества как знака социального расслоения в Русском государстве. В первую очередь это закрепилось в противопоставлении использования полных отчеств с суффиксами -*ович/евич*, -*ич*, -*вич* по отношению к так называемым полуотчествам с суффиксами -*ов/ев*, -*ин*.

Длительное время правом именоваться полным отчеством в официальных документах пользовались только представители правящей княжеской знати и лица высшего сословия, которым это

право было определено как царская милость. При этом передавать по наследству право именоваться полным отчеством не разрешалось. В русской истории известны случаи законодательного закрепления права пользования полным отчеством отдельным лицам. Так, традиция пожалования права величаться полным отчеством продолжалась при Петре I, который в 1697 году специальным указом разрешил князю Долгорукому писаться с -вичем, а в 1700 году наделил такой же милостью именитого купца Григория Строганова.

В XVIII веке при Екатерине II устанавливается строгая нормированность употребления отчеств при именовании лиц различных классов и сословий. В «Чиновних росписях» только представители «особ первых пяти классов следует писать полным отчеством; лиц от шестого до восьмого классов включительно — полуотчеством, а всех остальных — без отчества, только по имени». Такие правила последовательно соблюдались царскими канцеляристами и в XIX веке при оформлении различных юридических и нотариальных документов. Крестьяне же и городские мещане не могли претендовать на запись с отчеством, они нередко записывались только по имени.

Более активно, без учета классово-сословных особенностей, использовалась полная форма отчества на -ович/евич в устном общении с оттенком уважительности к именуемому, что и закрепилось в содержании русской пословицы: «По имени называют, по отчеству величают». Кроме сочетания с личным именем, русские отчества могли употребляться и самостоятельно в номинативной функции. Эта традиция известна с древних времен. В сфере бытового общения обращение только по отчеству было распространенным явлением.

В крестьянской среде, среди слуг употребление отчества стало выполнять функцию возрастной характеристики. В русской литературе XVIII–XIX вв. имеется много примеров именовании таких лиц только одним отчеством: пожилая няня Еремеевна в «Недоросле» Д.И. Фонвизина, нянька Татьяны Лариной Филипьевна в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, дворовый Калиныч в «Записках охотника» И.С. Тургенева, крестьянка Федосеевна в рассказе И.А. Бунина и др. В дворянской же среде начиная со второй половины XVIII века обращение к лицу только по отчеству считалось признаком дурного тона [90].

Закрепление за фамилией основной функции официальной персонификации лица снизило социальную роль отчества во второй половине XIX века. Ориентируясь на западные традиции, в России нормой при официальной записи лица становится обозначение титула, чина, должности и фамилии, реже имени и фамилии. Получило распространение использование инициалов вместо полного имени и отчества. В официальных документах, как, например, записи метрик, паспортов, родословных книг, различных послужных списков, в XIX веке графу об отчестве не выделяют. Только в конце века в документах, удостоверяющих личность, запись отчества становится обязательной. Эта традиция сохранилась и в XX веке.

Нормой для современных русских отчеств считается образование их от полной формы (официальной, паспортизированной) личного имени отца, а не от различных видоизмененных форм личного имени. От имен типа *Ивашка*, *Ванька*, *Ванюшка*, *Ванечка* и других отчества не образуются, а только от имени *Иван*, реже *Иоанн* – *Иванович*, *Иоаннович*.

Русские современные отчества образуются при помощи небольшой группы суффиксов: -ич, -ович/евич, -овна/евна, -ична, -инична. С помощью суффиксов -ич в мужском варианте и -ична, -инична в женском варианте образуются отчества от мужских личных имен, оканчивающихся на -а, -я, кроме имен Вавила, Гаврила, Данила, Зосима, Иона: Илья – Ильич – Ильинична; Кузьма – Кузьмич – Кузьминична. Суффиксы -ович, -овна участвуют в образовании отчеств от личных имен с нулевым окончанием, а также от имен Вавила, Гаврила, Данила, Зосима, Иона: Борис – Борисович – Борисовна; Петр – Петрович – Петровна. Отчества от мужских личных имен с окончанием на -ий, -ей (Василий, Сергей) и с мягкой непроемкой основой (Игорь), а также от имени Яков образуются с помощью суффиксов -евич, -евна: Андрей – Андреевич – Андреевна; Дмитрий – Дмитриевич – Дмитриевна; Яков – Яковлевич – Яковлевна.

В современном устном и неофициальном общении допустимо употребление сокращенных форм отчеств: Данилович – Данилыч; Сергеевич – Сергеич; Сергеевна – Сергевна. Такого сокращения не наблюдается при употреблении отчеств типа Петрович, Львович [44].

Семантика фамилий

Один из крупнейших специалистов по ономастике Владимир Андреевич Никонов писал, что анализ каждой фамилии является нелегкой, трудоемкой и не всегда решаемой научной задачей [55].

Изучение фамилий ценно для науки. Оно позволяет полнее представить исторические события последних столетий, равно как и историю науки, литературы, искусства. Фамилии – своего рода живая история. Ошибочно думать, будто это относится только к фамилиям выдающихся людей. Фамилии рядовых людей позволяют, например, проследить маршруты больших и малых миграций. Вот один пример.

В переписных листах 1897 года по Юргинской волости Тобольской губернии (ныне Тюменская область) находятся такие фамилии, как *Горлатовы, Девочкины, Еськовы, Легостаевы, Минаковы, Молодых, Тепляковы, Черниковы, Чуевы, Шашковы, Шумаковы*, и тот же самый набор фамилий того же времени встречается в Больше-Глушницкой волости Самарской губернии [55, с. 12]. Ясно, что случайное совпадение стольких довольно редких фамилий невозможно, потому можно уверенно утверждать, что они «пришли» за Урал из Нижнего Заволжья.

Важна информация, даваемая фамилиями, возникшими из топонимов (географических названий). Так, по всему русскому Северу рассеяна фамилия Кокшаровых – отголосок трагической судьбы маленького городка на р. Кокшеньге в Важской земле, уничтоженного в 1452 году. Если нанести на карту места распространения фамилий, образованных от названия одного города, и соединить их линиями с этим городом, получим розу лучей, указывающих зону его связей (такие выразительные картограммы по средневековым городам юго-западной Германии опубликовал А. Бах).

Еще ценнее обратный способ исследования: показать, на какие края указывают фамилии жителей одной местности. В Иванищевской волости Шадринского уезда (юг Зауралья) в 1858 г. находятся: *Воложанин* – 273 человека, *Мезенцев* – 75 человек, *Важенин* – 70 человек, *Кунгурцев* – 23 человека, *Устюженин* – 16 человек. Таким образом, даже не имея прямых документальных указаний, кто откуда прибыл, можно составить представление, с какой территории шло заселение этой волости – с севера Европейской России.

Многие фамилии напоминают об исчезнувших профессиях: *Балакирициков, Бердников, Бортников, Бронников, Воскобойников, Денищиков, Знахарев, Кожемякин, Коновалов, Копейщиков, Кречетников, Лучников, Мечников, Олейников, Решетников, Окладников, Пономарев, Ростовициков, Рушников, Свечников, Скоморохов, Сокольников, Солодовников, Стрельцов, Сырейщиков, Сыромятников, Толмачев, Трапезников, Хамовников, Целовальников, Шаповалов, Шерстобитов, Шорников* и множество других [55, с. 34]. Не раз отмечалось, что некоторые профессии исчезли бесследно и их названия остались неизвестными. Однако их можно найти в сокровищнице фамилий, надо только уметь их прочесть.

История труда и быта оставила след в фамилиях, лексические основы которых означали социальные отношения (*Батраков, Баскаков, Половников*), предметы одежды (*Лаптев, Ноговицын*), питания (*Шаньгин, Сбитнев*), обычаи и обряды (*Ряженых, Панихидин*). Многие фамилии рассказывают о былых суевериях: в семьях, где часто умирали дети, новорожденным давали имена-обереги: *Найден, Ненаш, Находка*, отчества от которых стали впоследствии фамилиями — *Найденев, Ненашев, Находкин*. С именами-оберегами связаны фамилии *Некрасов, Негодяев, Дураков* — это отчества от нецерковных имен *Некрас, Негодяй, Дурак*, которые были не ругательными, а защитными.

Такие фамилии, как *Ожгибесов, Обернибесов*, — драгоценные памятники народных воззрений далекого прошлого, народного творчества; они, как и прозвища, относятся к самым сжатым и выразительным жанрам фольклора.

Во множестве фамилий отражена историческая черта России XVI—XIX вв.: простых людей именовать уничижительным формантом -к(а). Писал об этом В.Г. Белинский: «Россия представляет собой ужасное зрелище страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками» («Письмо к Гоголю»). Фамилии от таких форм особенно многочисленны там, где большинство населения было крепостным. У народов Поволжья уничижительные формы имен держались вплоть до начала XX столетия. Из всех фамилий с. Барановка Хвалынского у. Саратовской губ. 23% составляли *Вашуркин, Иванкин, Матвейкин, Потешкин, Самаркин, Семкин, Тимошкин, Якимкин* и др. [55, с. 7].

Фамилии доносят до нас множество забытых, никем не записанных слов и многие утраченные живой речью формы. Все знают фамилию Толстой, а в прилагательном *толстой* ударение переместилось. Мы теперь говорим *толстый*, фамилия же напоминает о старинной форме слова. Для нас непривычны встречаемые в письменных памятниках и краткие притяжательные прилагательные типа *волков хвост*, *свист змеин*. Формантами -ов, -ин образованы 9/10 всех русских фамилий. Так, основа фамилии Яковлев – отчество от имени Яков – рассказывает о былом законе языка: старославянские притяжательные прилагательные образованы суффиксом -j (сын *володимирь*, т. е. «владимиров сын»), а законы фонетики не разрешают присоединять его непосредственно к губному согласному, между ними возникало [л'] (л «вставное») – *святославль* – *святославов* (сын), *Ярославль* – притяжательное прилагательное *ярославов* (город).

Имена собственные, как и технические термины, составляют в системе лексики особую подсистему, в которой законы языка преломляются специфически, подобно лучу света при переходе из одной среды в другую. В ней возникают такие свои закономерности, которых нет в языке вне сферы имен собственных. Став фамилией (или иным именем собственным – личным именем, географическим названием и т. п.), слово начинает жить собственной, независимой от слова-предка жизнью, может и полностью утратить с ним связь. Поэтому нелегко бывает раскрыть этимологию фамилии, т. е. выяснить ее происхождение, найти то слово, от которого она произошла, понять способы и средства, какими она образована. Те свойства, которые делают фамилию ценным научным источником, как раз и создают немалые трудности для ее изучения. Фамилия не возникала из ничего. Раз есть *Берсенева*, *Каманин*, *Охрютин*, значит, существовали слова *берсень*, *каманя*, *охрюта*, но они давно исчезли, оставив единственный след – фамилию.

Едва ли многие из отлично знающих современный русский язык сразу ответят, от каких слов произошли фамилии *Лихарев*, *Маклаков*, *Откупщиков*, *Ряхин*, *Суслов*, *Швецов*, *Шлыков*. Слова-основы этих фамилий умерли. В одних случаях исчезли обозначаемые ими реалии (перестали носить *шлык*, перестали существовать *маклаки* и *откупщики*), в других – произошла замена слов (*швец* те-

перь называют *портным*, а *ряху* — *аккуратным*, хотя уцелел антоним *неряха*). Не каждый грамотный русский объяснит такие, казалось бы, простые фамилии, как *Бобылев*, *Гончаров*, *Коновалов*.

Особенно коварна обманчивая простота. Как будто нет ничего проще, чем объяснить фамилию *Волокитин*, но она не связана ни с волокитой-ухажером, ни с канцелярской волокитой. В старину *волокита* — «работник, ведущий борону». Простой выглядит фамилия *Дворников*. Конечно, это «дворников сын», но фамилия возникла, когда дворник был не уборщиком двора, как сегодня, а арендатором хозяйства, двора. Так же и *Заказчиков* — не от современного слова *заказчик*. В прошлом глагол *заказать* означал «запретить», т. е. заказчик — это «надзиратель, надсмотрщик». Обманчива слышимая основа и в фамилии *Бортников* — она связана не с судоходством, а пчеловодством: *борт* — улей в дупле. Трудно сейчас угадать, что *Бабкин* значит, собственно, «акушеркин». Уверенно называют основой фамилии *Карпов* рыбу карп. Имя *Карп*, не редкое еще в начале XX столетия, вышло из употребления и забыто; не всякий знает, что фамилия *Гуров* происходит от краткой формы *Гур* канонического имени *Гурий*.

Подчас ошибаются даже профессионалы. Известная лингвистка М.А. Рыбникова объяснила фамилию *Рыбников* как название сына любителя пирога с рыбой, в действительности же *рыбник* — рыботорговец. Знаток северных говоров И.А. Елизаровский ошибочно связал фамилию *Паршуков* с болезнью *паршой* (на самом деле это отчество от народной формы имен *Парфен* и *Порфирий* — *Паршук*), *Харин* — с вульгарным синонимом слова *лицо* (оно произошло из краткой формы *Харя* — *Харитон*); *Черепанов* связан не с черепом (*черепан* означало «гончар», а также «житель города Череповца») [55, с. 56].

Распространены фамилии *Воронов* и *Воронин*; в лучшем случае объясняется это тем, что фамилии от двух разных основ, но причину древнего различия словообразовательных средств *-ов* и *-ин* еще никто не раскрыл до конца. Таковы же пары: *Данилов* — *Данилин*; *Михайлов* — *Михайлин*.

Кроме исторической лексикологии и исторического словообразования, при анализе фамилий необходимо знать историческую

фонетику. Без нее не раскрыть происхождение таких фамилий, как *Езерский* и *Есенин*. Древнерусское инициальное *е* сменилось на *о*: един – один; елень – олень; езеро – озеро; есень – осень (основа фамилии *Есенин* по лексическому значению в одном ряду с основами фамилий *Зимянин*, *Весенин*, т. е. предками их носителей были *Зимяня*, *Весеня*, *Есеня*). Фамилия *Лучников* происходит не от слова *луч*, она результат исторического смягчения *к ч*; отчество означает «сын лучника», изготовителя стрелкового оружия – луков.

Но и совершенное знание истории русского языка недостаточно. Огромно количество фамилий, происшедших от диалектных слов. Основа фамилии *Кочетов*, понятна если не всем, то большинству. А основы фамилий *Бугримов*, *Дрогачев*, *Загоскин*, *Падерин* известны не всюду (*бугрим* – ветлужское «угрюмый»; *дрогач* – рязанское «дергающийся, кривляющийся», *загоска* – олонецкое «кукушка»; *падера* – северное и сибирское «пурга»). В Даровском районе Кировской области обитают *Шипулины*, только словарь местных говоров объясняет, что *шипуля* означает «тихий, медленный», фамилия *Ширманов* записана в Н.-Новгороде и Ульяновске, и именно на Среднем Поволжье известно слово *ширман* – «карман».

Нередки иноязычные фамилии в чисто русских семьях, например тюркские по происхождению *Аксаков*, *Берсенов*, *Булатов*, *Карамзин*, *Мамаев* и др.; украинские – *Кравцов*, *Мирошников*, *Тарасенков* и др.; польские – *Боратынский*, *Малиновский*, *Милютин*, *Скуратов*, *Циолковский*; немецкие – *Фонвизин*, *Фурманов*, *Шнейдер* и др. Некоторые фамилии действительно обязаны своим происхождением далекому нерусскому предку, но и без этого тесное многовековое общение народов порождало заимствование слов.

Этимологию трудно объяснить, если не знать, какому языку принадлежит фамилия, а это не всегда можно определить. Эти трудности умножены частыми искажениями. Близость гласных *е–и* спутала фамилии *Вишняков* и *Вешняков*, у них совершенно разное происхождение: *вишняк* – «вишневые заросли», *вешняк* в Беломорье – «рыбак, уходящий весной в море на промысел». В фамилии *Страханцев* еще можно узнать *Астраханцева*, в *Леванидове* – *Леонидова*, но труднее догадаться, что *Облакатов* – это *Адвокатов*, а *Вахромеев*, *Охромеев* восходят к *Варфоломею*, *Стахе-*

ев – к *Евстафию*. Так же и в любом языке: французская фамилия Робеспьер – из Роберт + Пьер. Многие искажения происходили еще на дофамильном уровне.

Искажениям способствуют переосмысления. Так, фамилия *Сенофоновых* во владимирской деревне Егрево восходит к древнегреческому имени *Ксенофонт*, нередкие фамилии *Селиванов*, *Селиверстов* происходят от латинских имен *Сильван*, *Сильвестр*, т. е. «лесной», переосмысленных по созвучным привычным словам *селить*, *верста*. Обманывает написание фамилии *Дорожкин* – отчество от обиходной формы *Дорошка* (каноническое имя *Дорофей*) и др.

Обычны искажения фамилий в иноязычной среде, где не только неизвестно слово, от которого они образованы, но и нет никаких родственных слов. Немец *Гаррах*, при Петре I переехав в Петербург, стал *Горох*, а потомки его – *Гороховы*; потомки шотландца *Гамильтона* – *Хомутовы*. Переделаны на английский лад фамилии многих украинцев в Канаде: *Антоньшев* превращен в *Интонейшин* (англ. «интонация»), а *Макогон* (укр. макогон – «человек, который гнал маковую водку») стал на шотландский манер *Мак-Магон*, т. е. «сын Могучего».

Даже малые искажения, накапливаясь, изменяют фамилию неузнаваемо. Самих носителей фамилий *Лохтионов* (Каменский р-н Пензенской обл.) удивляет, что ее зерно – древнегреческое имя *Галактион* – «молочный»; от того же имени распространенная фамилия *Локтионов* переосмыслена по созвучию со словом *локоть*. Более редка фамилия *Лакшин* (из краткой формы того же имени *Локша*).

Сложен путь был у фамилии *Юрченков*. Греческое имя *Георгиес* («земледелец») пришло на Русь из Византии. Оно непонятно по значению да и непривычно фонетически – русское *р* впятеро реже предшествует согласному, чем следует за ним. Имя звучало только в церкви, а в обиходе жили его производные формы: народная – *Егор* и *Юрий* (возможно, не без влияния варяжского имени *Юрга*). Нет русской фамилии *Георгиев* (нередка у болгар), зато *Егоров* – в числе самых частых, кроме того, встречается еще *Егоркин*, *Егоршин*, *Егорушкин*, *Егорышев*, *Егошин*, *Егошкин* и т. д.; украинский формант -енко, означая потомка (аналогично рус. «ребенок» и т. п.), образо-

вал фамилию *Юрченко*, а дооформил ее господствующий суффикс русских фамилий -ов [55, с. 60].

Преодолеть все эти трудности — значит лишь подойти к анализу фамилий. Даже вскрыв их основу (а это не всегда возможно), мы еще не узнаем их значения. Ведь *Кузнецов* не означает кузнеца, а выражает какое-то отношение называемого к кузнецу — «сын кузнеца» или, может быть, «работник кузнеца». Разница существенна, семантика (значение, смысл) фамилии иная, чем ее основа.

В России становление фамилий началось в конце XIV века. До этого времени княжеские титулы и родовые имена бояр еще не были фамилиями. Например, боярин *Андрей Кобыла*, живший в первой половине XIV века, имел трех сыновей: *Семена Жеребеца*, родоначальника *Жеребцовых*; *Александра Елка Кобылина* — родоначальника *Кобылиных*; и *Федора Кошку*, родоначальника *Кошкиных*, от которых произошла императорская династия *Романовых* [там же, с. 20].

Фамилии в первую очередь стали получать бояре и дворяне в связи с установлением обязательной для них государственной службы и составлением списков служилых людей. Большинство дворянских фамилий образовывались из отчеств и дедичеств, реже — от названий владений, как это было принято у бояр и польской шляхты. Процесс формирования фамилий у дворянства завершился в XVII веке.

У купцов фамилии начали появляться в XVI веке, сначала у наиболее крупных — «именистого купечества», к которым относились, например, *Строгановы*. Значительная же часть купечества оставалась бесфамильной вплоть до XIX века. По переписи всего податного населения 1816 года почти 25% купеческих семей была записана без фамилий. В документах переписи часто встречаются записи типа: «фамилиею Серебряков позволено именоваться 1814 года генваря 17 дня», «получил фамилию Шапошников 1816 года июля 10 дня» и т. д. [55, с. 22].

В XVIII веке стали давать фамилии духовенству. Перед выпуском в духовную семинарию приезжал епархиальный архиерей и раздавал фамилии, чаще всего — по названию церкви, в которой служил отец семинариста. К фамилиям церковного происхождения относятся: *Архангельский*, *Троицкий*, *Вознесенский*, *Рождественский*, *Благовещенский* и т. д.

С середины XVI века стали появляться фамилии у ремесленников и городского населения. Однако даже в середине XIX века было ещё немало бесфамильных горожан.

В XVI–XVII веках мирские имена у крестьянства стали переходить от отца к сыну, т. е. стали становиться фамильными прозвищами (уличными фамилиями), например: «Иван Демидов сын Опара, да сын его Сергей Опарин, крестьянин» (1643). Уличные фамилии существовали у многих крестьян, но они нигде не записывались и поэтому часто изменялись. Нередко семья имела несколько разных уличных фамилий [55, с. 53].

Составитель сборника «Словарь современных русских фамилий» И.М. Ганжина пишет: «Значительная часть современных русских фамилий образована от имен церковного календаря. Эти имена, иноязычные и чуждые русскому народу, только в XIX–XX веках стали активной базой для создания русских фамилий. Но в XVI–XVIII веках такие фамилии были немногочисленны и образовывались, как правило, от светских, бытовых вариантов канонических имен, обычно от полной формы (Борисов, Юрьев, Андреев, Нефедов, Исаев и т. п.). Основная масса фамилий, образованных от христианских имен, в том числе от уменьшительных и уничижительных форм (типа Ванюшечкин, Иванчиков, Васьков), возникла не ранее второй половине XIX века, в период массового «офамиливания» русских крестьян» [18, с. 3].

Были и другие источники формирования родовых названий. Например, в XVI–XVII веках происходило бурное заселение Урала людьми из самых разных уголков России. В это время формировались географические фамилии, указывавшие на место, где раньше жили предки. Так образовались фамилии *Вычегжанин*, *Двигянинов*, *Кивокурцев*, *Белозеров*, *Колмогоров*, *Мезенцев*, *Пинегин* [55, с. 67].

Авторы многих работ пытались классифицировать фамилии, раскладывая их на группы: «от животных» (*Баранов*), «от птиц» (*Уткин*), «от растений» (*Дубов*) и т. д. Но от нарицательных *телега*, *ворона* нет и не может быть притяжательных прилагательных *телегин*, *вороний*. Откуда же взялись фамилии *Телегин*, *Воронин*? А суть в том, что *Телегин*, *Воронин* не от слов *телега*, *ворона*, а от отчеств *телегин*, *воронин*, образованных из личных мужских имен

Телега, Ворона, отвечающих на вопрос «чей сын?» (т. е. как *Ильин, Фомин*) [55, с. 32].

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что такое «антропоним» и что изучает антропонимика?
2. В чем проявляется социальная знаковость личного имени?
3. Что составляет антропонимическую систему?
4. Какие проблемы возникают при сопоставлении различных антропонимических систем (в синхроническом и диахроническом аспекте)?
5. Назовите основные этапы в истории русской антропонимики. Охарактеризуйте главные особенности каждого этапа.
6. Изучите раздел учебного пособия о национальных именниках России, напишите краткий конспект-резюме об общем и специфическом в российских антропонимических системах.
7. Прочитайте статью Е. Душечкиной «Культурная история имени: Светлана» из сборника «Имя: Семантическая аура», попытайтесь сформулировать собственную точку зрения на культурную историю имени. Приведите аргументы, обосновывающие ваше мнение (как в случае согласия с автором статьи, так и в случае особого взгляда на проблему).
8. Охарактеризуйте роль русских отчеств в дофамильный период.
9. Каковы нормы образования современных отчеств?
10. Какие семантические основы выделяются у незаимствованных русских фамилий?
11. Назовите основные этапы истории русских фамилий.
12. Каковы с исторической точки зрения источники русских фамилий иностранного происхождения?
13. Проанализируйте с точки зрения структуры и (по возможности) семантики собственную антропонимическую модель.
14. Подготовьте сообщение по одной из глав (на выбор) книги Б.-О. Унбегауна «Русские фамилии».

Рекомендуемая литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. — М. : Просвещение, 1983. — С. 83–162.

2. Душечкина, Е. Светлана. Культурная история имени / Елена Душечкина. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 227 с.
3. Имя: семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН ; отв.ред. Т.М. Николаева. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 360 с.
4. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – С. 12–142.
5. Суперанская, А.В. Имя – через века и страны / А.В. Суперанская ; отв. ред. Э.М. Мурзаев. – 2-е изд., испр. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 13–74, 82–101.
6. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.] ; отв. ред. А.П. Непокупный. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 152–179.
7. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии : пер. с англ. / Б.-О. Унбегаун ; общ. ред. Б.А. Успенского. – 2-е изд. испр. – М. : Прогресс, 1995.

3.2. Топонимика

Топонимика (от греч. τόπος – место и ὄνομα – имя, название) – составная часть ономастики, изучающая географические названия (топонимы), их значение, структуру, происхождение и ареал распространения. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет её топонимию. Топонимика развивается в тесном взаимодействии с географией, историей, этнографией. Топонимия – важный источник для исследования истории языка (истории лексикологии, диалектологии, этимологии и др.), так как некоторые топонимы (особенно гидронимы) устойчиво сохраняют архаизмы и диалектизмы, часто восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории. Топонимика помогает восстановить черты исторического прошлого народов, определить границы их расселения, очертить области былого распространения языков, географию культурных и экономических центров, торговых путей и т. п.

Прикладным аспектом топонимики является практическая транскрипция топонимов, устанавливающая их исходное и единообразное написание и передачу на других языках, что важно для картографирования. Географические названия – важнейший

элемент карты. Они имеют пространственную привязку и нередко отражают природу ландшафта, говорят о характере заселения человеком новой территории, о природных богатствах и других географических особенностях.

Группировка и классификация топонимов

Ойконимы (греч. οἶκος (жилище) + греч. ὄνομα (имя)) – вид топонима, имя собственное – название любого населённого пункта, от города до отдельно стоящего дома. Ойконимы городского типа называются **астионимами**, сельского типа – **комонимами**.

Названия населённых пунктов бывают естественно-географического характера (геогенные ойконимы) и культурно-исторического характера (антропогенные ойконимы).

К ойконимам естественно-географического характера относятся названия населённых пунктов, образованные от названий водных источников, связанные с особенностями ландшафта, природных условий, животного и растительного мира, отражающие физические особенности самого населённого пункта.

Например, название города *Москва* происходит от названия реки *Москва*. Ойконим «Москва» имеет основную этимологию, поддержанную или разработанную С.П. Обнорским, Г.А. Ильинским, П.Я. Черных, Т. Лер-Сплавинским, М. Фасмером. Как полагают исследователи, слово «Москва» принадлежало ранее к древнерусскому типу склонения на *-ū-, именительный падеж которого заканчивался на -ы. Например, *бры* (совр. бровь), *боуки* (совр. буква), *кры* (совр. кровь), *любы* (совр. любовь), *свекры* (совр. свекровь), *цьркы* (совр. церковь) и др. Таким образом, древнейшей формой топонима была не засвидетельствованная в письменных памятниках форма *Москы.

Уже в очень раннюю эпоху форма именительного падежа данного типа склонения заместилась формой винительного. Для этой стадии есть засвидетельствованные формы «Москъвь» и «Московъ», откуда в иностранных языках возникли названия типа англ. Moscow, нем. Moskau, фр. Moscou.

В дальнейшем тип склонения на *-ū- вообще прекратил своё существование: лексемы, которые к нему относились, влились

в более продуктивные типы на *-i- (кровь, бровь, любовь, свекровь, церковь) и *-ā- (буква, брюква, смоква, ботва, плотва, диалектные формы церква, морква, а также Москва).

Корень *mosk- в праславянском языке означал «вязкий, топкий» или «болото, сырость, влага, жидкость», причём существовали параллельные дублетные образования *mozg- и *mosk-. То, что корень моск- по своему значению связан с понятием «влага», подтверждается употреблением его в других славянских и европейских языках: в словацком языке встречается нарицательное слово moskva, значащее «влажный хлеб в зерне» или «хлеб, собранный с полей в дождливую погоду»; в литовском языке существует глагол mazgoti «мыть, полоскать», а в латышском языке – глагол moskat, что значит «мыть». В современном русском языке этот корень представлен словом «промозглый» – сырой (о погоде).

К ойконимам культурно-исторического характера относят названия, связанные с личными именованиями (имя, фамилия или прозвище) жителей и владельцев селений, а также членов их семей, с социальным составом населения, с религиозно-культурной лексикой, с хозяйственной и социальной жизнью человека.

Например, селу *Дурыкино* в Солнечногорском районе Подмосковья название дал Петр I. По легенде царь заказал сырые яйца как связующий материал для строительства стен, а сельчане эти яйца сварили. Впрочем, *Дурыкино* – не самое страшное название. В Ульяновской области есть деревня *Мусорка*, в Пермской – *Чуваки*, в Челябинской – *Голодранкино*, в Тамбовской – *Отхожее*, в Белгородской – *Муходоево*, в Вологодской – *Большое Бухалово*.

Первую попытку убрать неприличные названия с географических карт нашей страны предприняли еще большевики. При советской власти деревню *Ибаково* в Мордовии переименовали в *Нагорную*, *Поздютки* в Подмосковье – в *Радугу*, *Польское Сучкино* в Нижегородской области – в *Липовку*, а *Херовку* в Смоленской области – в *Красную Пристань*.

Особое место среди ойконимов занимают советонимы – названия населённых пунктов, возникшие в советское время. В первые послереволюционные годы в отношении к географическим названиям применялся исключительно идеологический подход. Топонимы,

отражавшие в себе дореволюционные исторические реалии, признавались идейно вредными и заменялись новыми политизированными названиями. Советонимы содержат в себе идеологические, оценочно-метафорические понятия и реалии советской эпохи, имена и фамилии высших партийных и государственных деятелей, героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн, зарубежных коммунистических лидеров, деятелей науки и культуры.

Например, основателем волжского города *Ставрополя* – *Тольятти*, без всякого сомнения, можно считать известного русского историка В.Н. Татищева, который в 30-х гг. XVIII века был начальником Оренбургского края. Именно он отыскал удобное место для постройки города-крепости на левом берегу Волги в урочище Переполье, на протоке Кунья Воложка. Крепость на Волге была названа на греческий манер – *Ставрополь* (от греческого σταυρός «крест» и πόλις «город»), что соответствовало духу того времени.

Город не имел промышленного значения. В 1924 году по новой административно-территориальной реформе *Ставрополь* превращается в село Самарского уезда Самарской губернии. Лишь после Великой Отечественной войны (1946) он вновь получил статус города районного подчинения.

Бурный подъем *Ставрополя* начался в 50-е годы, когда он стал центром строительства Волжской ГЭС и был причислен к числу городов областного подчинения. В начале 60-х годов был разработан проект строительства завода-гиганта, на котором предполагалось выпускать отечественные машины типа итальянского «Фиата». Именно это обстоятельство и дало повод к переименованию города в 1964 году в память об итальянском общественном деятеле П. Тольятти.

В составе ойконимов интерес представляет изучение **топоформантов** (топонимических формантов) – повторяющейся части ойконима (и топонима вообще), обычно суффикса или совокупности суффикса и грамматического окончания.

Так, к элементам основ ойконимов исследователи относят⁵:
– английские: -тон (англ. Ton, Town) – город (*Эвертон*); -берн/-бёрн (англ. Burn) – течение (*Блэкберн*); -пул (англ. Pool) – пруд (*Ливерпуль*);

⁵ Материал электронного ресурса: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

- армянские: -керт (арм. կերտ) – город (основать) (*Степанакерт, Манцикерт, Дастакерт, Тигранакерт*); -шен (арм. շեն) – строение (*Арцвашен, Спитакашен*); -ван (арм. վան) – место (*Ереван, Нахиджеван, Ширакаван*);
- венгерские: -варош (венг. város) – город (*Дунайварош*); -хаза (венг. háza) – дом, жилище (*Ньиредьхаза*);
- иранские: -стан (перс. استان) – место, страна (*Зимстан, Гюлистан*);
- китайские: -кин, -цзин (кит. 京, пиньинь jīng) – столица (*Пекин, Нанкин*); -чэн (кит. 城, пиньинь chéng) – город, стена (*Сюаньчэн*); -чжоу (кит. 州, пиньинь zhōu) – провинция, округ (*Гуанчжоу*);
- кыпчакские: -тау – гора (*Саратов* через *Сарытау, Актау, Темиртау*);
- немецкие: -берг (нем. Berg) – гора (*Кёнигсберг, Гейдельберг*); -бург (нем. Burg) – крепость, замок (*Петербург, Оренбург, Магдебург*); -брук/-брюк/-брюккен (нем. Brücke) – мост (*Инсбрук, Саарбрюккен*); -гоф (нем. Hof) – двор (*Петергоф*); -кирхен/-кирх (нем. Kirche) – церковь (*Гельзенкирхен*); -штадт (нем. Stadt) – город (*Кронштадт*);
- огузские: -кале (тур. kale, крымскотат. qale, азерб. qala) – крепость (крымскотат. Yeñi Qale – *Ени-Кале*, чеч. ХъангIаала – *Ханкала*);
- славянские: -град/-город – (*Белград, Волгоград*);
- тюркские: -сарай (тюрк. saray) – дворец (*Бахчисарай*);
- финские: -каупунки (фин. kaupunki) – город (*Кристийнанкаупунки*); -кюля (фин. kylä) – деревня, село (*Ювяскюля, Линнанкюля*); -линна (фин. linna) – крепость, замок (карельск. Anuksenlinnu – *Ануксенлинну (Олонец), Савонлинна, Хямеэнлинна*);
- эстонские: -лин(н) (эст. linn) – город (эст. Tallinn – *Таллинн*).

Урбанонимы или урбонимы (лат. urbs – «город», urbanus – «городской») – названия внутригородских объектов, в том числе площадей – **агоронимы** (греч. ἀγορά – «площадь»), улиц – **годонимы** (греч. οδός – «путь, дорога, улица, русло») и отдельных зданий – **ойкодонимы** (греч. οἰκοδομή – «здание, строение»).

Принципы семантической и семиотической классификации годонимов были представлены в работе Т.В. Шмелевой «Современная

годонимия: семантика и семиотика» (1991). Автором противопоставляются два типа годонимов: ориентирующие и характеризующие.

Среди ориентирующих годонимов можно выделить две группы: внутренние и внешние. К внутренне ориентирующим относятся:

- 1) годонимы, выбирающие в качестве объекта ориентации здание или сооружение, являющееся продуктом человеческого труда, например, пер. *Элеваторный*, ул. *Мелькомбинатовская*, ул. *Вокзальная*, ул. *Аэровокзальная*, ул. *Деповская* и др.;
- 2) годонимы, ориентирующие на какой-либо природный объект, например, ул. *Прудовая*, ул. *Сосновый Лог*, ул. *Логовая*, ул. *Осиновая Речка*; ул. *Заречная*, ул. *Боровая*, ул. *Приручейная*, ул. *Рощевая* и др. [99, с. 33–34].

Вторую группу годонимов составляют внешние ориентиры (т. е. объектом ориентации служит что-либо, не принадлежащее городу, чаще всего какой-либо другой город). По словам Т.В. Шмелевой, внешне ориентирующие годонимы изначально соответствовали названию того города, к которому вели, т. е. улицы с такими названиями должны были лежать на окраине и являться так называемым «началом пути». Данный принцип наименования распространен в Москве: *Ленинградский* проспект, *Дмитровское* шоссе, *Варшавское* шоссе.

Ориентирующим названиям противопоставляются характеризующие, которые делятся на четыре типа.

К первому типу относятся названия улиц, в семантике которых присутствует элемент, описывающий внешний облик улицы. Например, ул. *Грунтовая*, ул. *Лесная*, ул. *Ровная*, ул. *Горная*, пер. *Кленовый*, ул. *Заливная*, ул. *Безводная*, ул. *Уклонная*. Вторую группу характеризующих названий составляют номинации, имеющие семантику соотнесения или сравнения с другими улицами. Например, ул. *Внутренняя*, ул. *Западная*, ул. *Отдаленная*, пер. *Крайний*, ул. *Верхняя Восточная*, ул. *Внутриквартальная* и др.

Следующий тип характеризует жителей улицы по роду их занятий. Например, пер. *Сестринский*, ул. *Слесарная*, пер. *Торговый*, ул. *Горняцкая*, ул. *Крестьянская*, ул. *Первостроителей*, ул. *Студенческая*, ул. *Учительская* и др.

К четвертому типу характеризующих номинаций относятся названия, связанные со спецификой профессии жителей, связанной с предметами и реалиями. Например, ул. *Мебельная*, ул. *Монтажная*, ул. *Шпальная*, ул. *Паровозная*, ул. *Динамитная*, ул. *Локомотивная*, ул. *Прокатная* (прокатка – вид обработки стали) и др. [99, с. 34–37].

Гидронимы (греч. υδωρ – «вода») – названия водных объектов, в том числе океанов и их частей – **океанонимы** (греч. ὠκεανός – «океан»); морей – **пелагонимы** (греч. ἐλαγος – море), озёр – **лимнонимы** (греч. λίμνη – «озеро»), рек – **потамонимы** (греч. ποταμός – «река»), болот – **гелонимы** (греч. ἐλος – «болото»).

Волга – река, берет начало в Тверской области, впадает в Каспийское море. Одна из крупнейших рек Европы. В древности называлась Ра, как об этом свидетельствует др.-греческий ученый Птолемей. Существует большое количество гипотез разной степени аргументированности о происхождении названия *Волга*: 1 – славянская, 2 – финно-угорская, 3 – дофинно-угорская, 4 – балтийская. Кроме того, существует ряд легенд, связывающих его с апеллятивами *волк*, *иволга* и др. Славянская гипотеза исходит из того, что в основе гидронима апеллятив *влага* – «сырость», «влажность», т. е. *Волга* – сырая, влажная, болотистая река. Имеют достаточное основание и другие версии. Окончательной этимологии гидронима пока нет.

Десна – река, левый приток Днепра, а также несколько мелких речек в Верхнем Поднепровье, среднем Поочье и на других славянских территориях, как западных, так и южных. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на территории западных и восточных славян *Десна* – это преимущественно левый приток.

Происхождение гидронима неизвестно. Большинство исследователей (А. Шахматов, М. Фасмер, Т. Лер-Сплавинский, М. Розвадовский и др.) пытались объяснить его через слав. * деснь – «правый», но то обстоятельство, что это преимущественно левые притоки, а не правые, породило ряд предположений. Одни считали, что у славян была иная ориентация – не на север, а на юг; или то, что славяне двигались по Днепру с юга на север, против течения.

Одним из перспективных предположений является соотнесение *Десна* и *Цна*. Варианты этих названий к востоку и юго-востоку от Москвы дают основание предполагать, что оба они восходят к одно-

му источнику. На это указывает тот факт, что в Поочье река *Десна* (левый приток Гуслицы в бассейне Москвы-реки) имеет вариант *Сна*.

Гидронимия от сна/цна имеет определенный ареал распространения на территории современной Центральной России: на востоке и юго-востоке он совпадает с ареалом мордовской гидронимии; на западе и северо-западе Центра он фиксируется в пределах распространения прибалтийско-финской и балтийской гидронимии.

Днепр — название Борисфен (у Геродота), хотя некоторые исследователи считают, что оно относится к Березине, правому притоку Днепра. Из многочисленных гипотез о происхождении этого гидронима заслуживает внимания предположение А.И. Соболевского, считавшего гидроним иранским. Он делит его на *danu-арара*, где *danu* — «река», *арара* — «отдельный, дальний» или *арга* — «глубокий», т. е. *Днепр* — далекая или глубокая река. Обе части названия известны как самостоятельные гидронимы — *Дон* и *Ибр* (в бассейне Днепра), *Ибрь* — на Балканах. По другой версии, название *Днепр* происходит от иран. (авест.) *воурустана* ~ «широкое место», и, видимо, было дано реке в нижнем течении, наиболее широкой части русла.

Ока — правый приток Волги. Бассейн Оки охватывает почти все центральные области России. По мнению некоторых исследователей, не Ока является притоком Волги, а наоборот: у Нижнего Новгорода Ока принимает Волгу и затем сама впадает в Каму у Казани.

Существует множество гипотез, что само по себе свидетельствует о сложности и спорности этимологизации этого гидронима. Многочисленные версии можно сгруппировать таким образом: угро-финская, балтийская, балто-славянская, славянская, германская, иранская. Все они довольно подробно представлены в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера и Кратком топонимическом словаре В.А. Никонова.

Разработанной и убедительной надо считать версию, по которой в основе названия *Ока* лежит неизвестный угро-финский или сибирский апеллятив. Нельзя не принимать к сведению, что западнее бассейна Оки мало водных объектов с таким названием, преимущественно они сосредоточены севернее и северо-восточнее: р. *Ока* — левый приток Ангары, стекающая с Саянского хребта; *Ока* — правый приток реки Кунья в бассейне Ловати (Псковск-

кая область) и др. *Ока* в бассейне Уфы, протекающая по Пермской области и Башкирии, может быть интерпретирована двояко: из финского *oШ* – «река» и из тюркского *ок* – «мелкая водосборная канава» или «стрела», «ось». Псковская *Ока* и Оковский лес в бывшей Тверской губернии могут соотноситься с прибалтийско-финским *jokki* – «река», а не только с балтийским *ака* – «источник». Ангарская *Ока*, по мнению исследователей, может быть соотнесена с бурятским *аха* – «старший», т. е. самая большая река, стекающая с Восточных Саян в Ангару. Коренные жители бассейна этой Оки называют ее *Ок-хем*, т. е. «стрела-река», быстрая как стрела [51].

Гидронимы способствуют расширению самой ономастической лексики, т. е. сферы собственных имен. От гидронимов образуются многие названия населенных мест и улиц, имена и фамилии людей, клички животных и т. д. В особенности широк круг собственно топонимов, образованных на базе имен рек и озер. Среди них такие названия городов, как *Москва*, *Донецк*, *Нарва*, *Воронеж*, *Старая Русса*, *Волгоград*, *Уральск*, *Омск*, *Енисейск*, *Иркутск*, *Томск*, *Уссурийск* и др. Более мелкие населенные пункты – поселки городского типа, села, деревни, железнодорожные станции и др. – сплошь и рядом называются по близлежащим рекам и озерам.

В названиях улиц и других внутригородских объектов сохраняется память о гидронимах, даже если соответствующие речки, озера или пруды уже не существуют. Так, в Москве были засыпаны или заключены в трубы многие гидрообъекты, но остались названия улиц: *Неглинная* улица (по реке *Неглинной*, или *Неглинке*, заключенной в 1817–1819 гг. в трубу), *Золоторожские* переулки и набережная (по притоку *Яузы* – ручью *Золотой Рожок*, заключенному в коллектор), две *Синичкины* улицы (по бывшему *Синичкину* пруду и речке *Синичке*, левому притоку *Яузы*), *Балканские* Большой и Малый переулки (по существовавшему до 1866 года *Балканскому* пруду) и др.

Дримонимы – названия лесов (от др.-греч. *drymos* – дерево) – *Беловежская пуща*, *Шервудский лес*.

Группа дримонимов – названий участков леса – наиболее многочисленна в микротопонимической системе сельской местности. Лингвистический анализ микротопонимов позволяет установить, какие участки леса имели существенное значение для человека,

были наиболее важными в плане их практического использования. Характер растительности в лесу (породы деревьев, виды грибов, ягод) во многом зависит оттого, каким был рельеф (положительный или отрицательный) на том или ином участке местности.

Имеются дримонимы с ярко выраженной мотивационной основой, содержащие прямое указание на те или иные качества деревьев, древесины, то есть на возможность использования в тех или иных целях: *Ольховатик*, *Молодь* (молодой ещё лес), *Мелянник* (мелкий лес).

Выделяется группа микропонимов, называющих участки леса не только по особенностям растущих там деревьев, но и по характеру растительности под деревьями. Довольно часто в северных лесах земля покрыта мхом, что нашло отражение в следующих наименованиях: *Мошки* (лес небольшой, кочки, мох), *Сухой мох* (место сухое, лес со мхом), *Середний мох* (сосняк в лесу, проходит лентой между высоким местом).

Наименования участков леса, как и сами лесные уголья, являлись ориентиром для тех, кто собирался идти в лес или находился там. Наиболее ярко это выражено в микропонимах, в основе образования которых указание на особенности формы лесного участка. Довольно часто встречаются наименования леса, растущего полосой на высоком или слегка возвышенном месте (чаще всего среди болотистой местности). Лесные полосы не только помогали ориентироваться в лесу, но и служили тропой, дорогой. Наименования таких участков, как правило, являются составными и представляют собой сочетания существительного *грива/гривка*, известного в местных говорах в значении «лес, растущий полосой», и прилагательного: *Узка гривка* (кругом мох, а тут повыше, клюква растёт), *Еловая грива* (одна ёлка возле болота), *Спирина грива* (по имени Спиридон, связанному с данным местом памятным для жителей случаем) и др.

Функционирование многочисленных микропонимов определённых групп на очень ограниченной территории, в говоре одного села говорит о ценности и важности выделенных и обозначенных реалий окружающего мира для сельского жителя [6].

Дромоним (от др.-греч. δρόμος – бег, движение, путь) – название какого-либо пути сообщения, как правило, за пределами населен-

ных пунктов. В отличие от улиц в населенных пунктах употребление этих названий не является обязательным, как и само их существование. Множество путей существуют, не имея имен. Название иногда может упоминаться в официальных документах, что тоже не является нормой, а скорее стремлением закрепления традиции.

Традиции были заложены очень давно. Со времен Древней Руси были известны «Путь из варяг в греки» и «Путь из варяг в арабы». Названием дороги подчеркивалась ее важность для торговли, международных и межземельных связей.

Сухопутные дромонимы наиболее распространены. Почти во всех городах дороги, ведущие вовне, имели собственные имена — чаще всего по населенному пункту, к которому ведут. С прибавлением слов «дорога», «тракт» или «шоссе». Исторические названия закрепились за современными автомобильными дорогами или городскими улицами (например, *Московский тракт* и *Иркутский тракт* в Томске). Название могло сохраняться за всей дорогой или постепенно терялось, иногда сосуществовали несколько разных названий. Дорога, проходящая через Сибирь, в разных местах могла именоваться *Иркутским*, *Томским*, *Сибирским*, *Омским трактом*. При движении на запад — *Московским трактом*. В целом *Московско-Сибирский тракт*. Кроме города, к которому направлена дорога, имя могло образоваться от местности. Например, дорога из Бийска в Монголию называется *Чуйский тракт* по реке Чуе, в долине которой проходит.

Внутренние *водные* дромонимы — обычно совпадают с названием гидрообъектов, по которым проходят (*Волжский путь*, *Обской путь*). Исключения — когда крупный путь включает несколько объектов (*Обь-Енисейский водный путь*).

Железнодорожные дромонимы — железные дороги получали имена в момент строительства или к открытию. Основание — по имени инициатора (*Николаевская железная дорога*); пунктов, которые дорога соединяет (*Турксиб*); местность, через которую проходит (*Кругобайкальская*). Возможны трансформации названия (*Великая сибирская магистраль* — *Транссибирская магистраль*) или переименования (*Николаевская* — *Октябрьская железная дорога*).

Оронимы (греч. *ὄρος* – «гора») – названия элементов рельефа земной поверхности.

Оронимия России сформирована средствами разных языков – финно-угорских, тюркских, самодийских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, монгольских, кавказских, индоевропейских. Если не считать новообразований, номинация всех крупных орографических единиц оказывается неславянской: *Валдай, Хибины, Урал, Кавказ, Алтай, Путорана, Бырранга, Кузнецкий Алатау, Саяны, Сихотэ-Алинь*. Их этимологии, за малым исключением, оказываются спорными, имеют несколько версий. Даже как будто прозрачный ороним *Яблонувый хребет* есть результат народного переосмысления исходного бурятского *Ябалгани даба* – «пеший перевал, легко проходимый, доступный».

Финно-угорские оронимы встречаются на обширных пространствах севера и северо-запада Европейской части России, на Урале, в Западной Сибири: *Хибины* с вершиной *Кукисвумчорр*; горы *Масельга, Луосварак* в Карелии; *Оссяур, Селемиз* и *Пониз, Путтумп, Высокая Парма* на Урале; *Вылиб Понмыльк* в Республике Коми и Ненецком автономном округе; *Нёр* – мансийское имя *Урала*; возвышенность *Пантсуйур* в Ханты-Мансийском автономном округе.

Самодийские названия гор известны на севере Урала и Западной Сибири: *хребет Пайхой, гора Певнэ, Саляпэ, Пензерлаха*.

Тюркская оронимия наблюдается на очень большой территории – от западных границ России до Бурятии и Якутии включительно: *горы Дыхтау, Каракая* на Северном Кавказе; *Сакматау* и *Ямантау* на Урале, *Пиртаг* и *Кокхая* в Хакасии, *Музтаг* в Шории; *Улуг-Тайга, Таскыл* в Туве; горы *Байтаг* и *Картаг* в Бурятии; *хребет Улахан-Дабан* в Хабаровском крае; *горы Хара-Тас, Тумусах, Кис-Тумул* в Якутии.

Тунгусо-маньчжурские оронимы присущи Восточной Сибири и Дальнему Востоку: *хребет Джугджур, гора Бугурчак, хребты Гыдан* (Колымский), *Гугда, Удокан, Кадар, гора Дёломо-Дыл*.

Монгольские элементы присутствуют в оронимии Поволжья, на Алтае, в Туве, Казахстане, Восточной Сибири: *возвышенность Ергени, гора Богдо, хребет Хамар-Дабан, вершина Мунку-Сардык, горы Баян-Ула, Улан-Хада*.

Палеоазиатские оронимы формируют имена гор на Камчатке, Чукотском полуострове, частично в Якутии: *утес Эпенил, хребет Огинратынон, мыс Туколан, впадина Чопко*.

На Северном Кавказе проживают многие народы: осетины, кабардинцы, чеченцы, адыги, убыхи, ингуши, лезгины, даргинцы и др. Их языками оформлены топонимы на территории Кавказа и Предкавказья (от Черного до Каспийского морей): *Бермамыт, Псе-ашко, Мартхох, Суган, Андийский, Аварский хребты*.

Индоевропейские оронимы России представлены русскими, балтийскими, романскими и ираноязычными названиями. Последние более заметны в гидронимии бассейнов Дона, Днепра и Кубани. Оронимы группируются на Северном Кавказе, где высятся *горы Адайхох, Гимарайхох, Урсах* (так осетины называют *Казбек*), *Цей, Даргхох, Мамисон*.

Русские географические оронимы повсеместны в пределах России, они присутствуют в каждой области, республике, национальных округах. Оронимия русская – образованные от русских слов названия положительных и отрицательных форм рельефа. Первые более многочисленны и часто формируют имена населенных мест, что можно объяснить ориентирующим значением разных форм рельефа.

По степени изученности оронимия уступает гидронимии и ойконимии. На Руси реки играли исключительно большую роль в развитии хозяйства и как фактор общения между разными славянскими племенами. Имена населенных мест издавна учитывались государственными службами. Горы, возвышенности, низины в этом плане представляли малый интерес, чем можно объяснить значительное количество книжных названий в оронимии. Наричательные существительные, отражающие те или иные черты земной поверхности, разнообразны и представлены народными терминами, среди них:

- 1) отражающие положительные формы – белок, буй, вал, венец, ворота, востряк, голец, горб, грива, гряда, камень, курган, лоб (взлобок), могила, мыс, ребро, рель, скала, сопка, холм, хребет, шелом и др.;

- 2) отражающие отрицательные формы – балка, впадина, враг, долина, западина, котловина, лог, ложбина, лоск, лощина, низина, низменность, овраг, падь, провал, пропасть, теснина, щель (ущелье), яма и др.;
- 3) обладающие противоположными значениями, т. е. отражающие как положительные, так и отрицательные формы, – веретье (вереть), вертеп, верх (вершина), кряж, обрыв, плота (плотвище), рог, увал, яр и др.;
- 4) нейтральные: берег, пещера, плоскость, равнина, ровняки.

Топонимическая активность приведенных здесь и других оронимических терминов разная. Одни из них весьма продуктивны в формировании географических названий (враг, гора, камень, рог, яр), другие (низменность, равнина, западина, овраг, пещера и т. д.) практически не оказали никакого влияния на русскую оронимию, хотя представлены в ойконимии.

Чем объяснить, что общеизвестные слова *возвышенность* и *хребет* остались изолированными в топонимии вообще? Такие новые названия, как *Передовой хребет* на Северном Кавказе и железнодорожные станции *Хребет-Уральский*, *Хребет* и *Хребтовая*, *Среднерусская возвышенность*, только подчеркивают это положение. Названия менее значительных орографических объектов, вершин отдельных гор, возвышенностей и отрогов повсеместно в России оказываются русскими с прозрачной этимологией: *гора Каменник* на Валдае и в Хибинах; *горы Магнитная*, *Ежевая*, *Дикарь*, *Теплая*, *Черная* на Урале; *Крестовый Голец* в Кольском нагорье; *гора Сахарная Голова* и *гора Столовая* на Кавказе; *Быструхинский Шпиль*, *Бийская Грива*, *Колыванский хребет* на Алтае; *Верхний Зуб* и *Бобровая* в Кузнецком Алатау; *ники Заоблачный* и *Грандиозный* в Западном Саяне; *гора Камень* в плато Путорана; *вершина Голец-Скалистый* в хребте Удокан в Восточной Сибири; *горы Березовая* и *Голая* в Сихотэ-Алине. На картах Камчатки и Сахалина русские оронимы читаются в большом количестве: *Голый хребет*, *Желтовская* и *Камчатская сопки*, *горы Три Брата* и *Три Сестры*. Русские оронимы соседствуют с иноязычными коренных жителей.

Словообразование в оронимии мало отличается от топонимического в целом. Часты описательные конструкции, где преоб-

ладают словосочетания: *Бешеная балка, Верблюд гора, Ветренный Холм, Горбатый хребет, Двугорбая, Дивногорье, Жигулевские Ворота, Жупановские Востряки, Каменный Пояс, Камень-Рыболов, Коврига, Красная Горка, Молодецкий Курган, Мохнатая Сопка, Плоская-Дальняя, Полуденные горы, Сердце-Камень, Синий Сырт, Скальный Пик, Снежный хребет, Средний хребет, Становой хребет, Сухой Яр, гора Толстый Мыс, гора Широкий Голец*. Из этого перечня видно, что названия горных сооружений оформлены обычно при помощи прилагательных, выступающих в качестве определения объекта. Распространенный в топонимии суффикс –ка не характерен в оронимии, но имеет место: *горы Кедровка, Голая Стрелка, Белка, Острая Сопка, Лавка*. Если в гидронимии модель Каменка обычна, то в оронимии – исключение, где преобладают формы: *Каменистая (-ый), Каменная, Каменный (Белок, Гребень, Зуб, Рог, хребет), Каме-нуха, Камень*. Малопродуктивны в оронимии и суффиксы -ов/-ев, -ин, обычные в именах населенных мест. При помощи суффикса -ск- оформлены книжные названия типа *Кубанская низменность* и формы прилагательных: *Байкальский* и *Анадырский хребты*.

Существенное отличие русской оронимии от других разделов топонимии – малое присутствие личных имен. Они представлены в названиях вершин Урала: *Денежкин Камень* и *Конжаковский Камень, Климентов Белок* на юге Красноярского края, *Ивановский Утес* в Читинской области, *Петровская Шишка* в Оренбургской области и др. И, конечно, книжные названия, появившиеся в разных горных массивах Сибири и Дальнего Востока в последнем столетии: *хребты Вернадского, Обручева, Черского, Чекановского, горы Крашенинникова, Бэра, Карпинского*. Особенно часты мемориальные оронимы в северных приполярных областях.

Такое же книжное происхождение имеют названия гор, возвышенностей и низменностей, производные от гидронимов: *Приволжская возвышенность, Донская низменность, Ангарский кряж, Вятские увалы, Прикаспийская низменность, Приазовская возвышенность, Приднепровская возвышенность, Днепровская низменность, Кубанская низменность, Окско-Донская низменность, Колымское нагорье, Вилюйское плато, Момский хребет, Олёкмо-Чарское нагорье,*

Верхнеянский и Буреинский хребет, Терский хребет, Амуро-Зейская равнина, Аладырская низменность.

Орографическая систематика выраженных в рельефе геоморфологических объектов включает названия-ориентиры: *Восточно-Европейская равнина* (она же *Русская*), *Западно-Сибирская низменность* (равнина), *Восточно-Сибирское нагорье*, *Северные Увалы*, *Полярный, Северный, Средний и Южный Урал*; *Западный и Восточный Саян*, *Западно-Сахалинский и Восточно-Сахалинский хребты*. «Городские» оронимы сравнительно немногочисленны: *Ставропольская возвышенность*, *Уфимское плато*, *Пулковские Высоты*, *Самарская лука*, *Клинско-Дмитровская гряда*, *Даниловская возвышенность*, *Иркутско-Черемховская равнина*, *Сарапульская возвышенность*, *Калачская возвышенность*.

Нечасты в русской оронимии и названия народов: *Мещерская низина*, *Юкагирское плоскогорье*, *Корякский хребет*, *Саяны*, *Чувашская гора*, *Тунгусское плато*, *Русские горы*, *Ламутский хребет*. В этом ряду перечислены оронимы, образованные в результате народной номинации, и книжные [48; 51; 62].

Разновидностью оронимов являются **спелеонимы** (греч. σπηλαιον – «пещера, грот») – названия подземных природных образований. Примеры спелеонимов: *пещера Крубера-Воронья*, *пещера Снежная*.

Выделяются и другие категории географических названий, например, собственные имена полей – **агроонимы** (греч. ἀγρος – «поле, пашня»), ненаселенных рукотворных объектов – **анойконимы** (греч. отрицательная приставка ἀν + «ойконим»), объектов подводного ландшафта – **батиионимы** (греч. βάθῦ – «глубина, омут»), ледников – **гляционимы** (лат. glacies – «лед»), островов – **инсулонимы** (лат. insula – «остров»), прибрежных объектов – **литонимы** (лат. litus – «берег»), мест погребения – **некронимы** (греч. νεκρῶν – «кладбище»), мест поклонения, храмов и монастырей – **эκκληзионимы** (греч. ἐκκλησία – «собрание, церковь»).

Кроме того, в топонимике выделяют **макропонимы** – названия больших географических объектов (от др.-греч. μακρός – большой) и **микротопонимы** – названия небольших объектов (от др.-греч. μικρός – малый), а также **антропотопонимы** – названия

географических объектов, произведённые от личного имени (от др.-греч. ἄνθρωπος — человек).

Топонимика Самарского Поволжья

Географический ландшафт Самарского края отличается большим разнообразием и множественностью природных и антропогенных объектов. На его территории расположено 11 городов, 22 поселка городского типа, около тысячи трехсот пятидесяти сельских населенных пунктов. В пределах области выявлены и учтены многочисленные места, связанные с проживанием здесь людей в древности, в том числе такие археологические памятники, как городища, селища, стоянки древних людей [4, с. 21].

О множественности природно-географических объектов области может свидетельствовать хотя бы уже тот факт, что бассейн реки Самары в пределах области составляют более четырехсот рек и речек разной протяженности. А в бассейне реки Сок насчитывается более трехсот питающих ее притоков. В пределах Самарской Луки установлено более пятисот разнообразных географических объектов, в том числе более тридцати отдельных гор, более восьмидесяти оврагов и ущелий, около семидесяти урочищ и т. д.

Множество географических объектов в Самарской области обуславливает и наличие здесь большого количества географических названий, или топонимов. Ведь по существу каждый маломальски приметный объект в пределах давно обжитой и освоенной людьми территории имеет свое название, иногда не одно, а два и даже несколько: официальное и бытовое, неофициальное; современное и не забытое населением старое, историческое. Сравните: *Самара* и *Куйбышев*, *Тольятти* и *Ставрополь*, *Жигулевск* и *Морк-ваши*; *Усолье — Надеино Усолье*, река *Чапаевка* — река *Моча*, *Чапаевск* — *Иващенко* и др.

Как и в любом другом регионе, географические названия Самарского Поволжья по происхождению являются разновременными и разноязычными. Они возникали и утверждались здесь в различные исторические периоды, на разной языковой основе, отражая общие процессы этнической истории Самарского края.

Средневожье, в том числе и территорию современной Самарской области, более четырех столетий назад начали активно осваивать русские. На протяжении длительного времени русское население составляет здесь около 80%. Понятно, что в пределах области функционирует значительное количество географических названий, возникших на основе русского языка.

О распространенности географических названий русского происхождения свидетельствует, например, уже то, что только в бассейне реки Самары более половины питающих ее притоков имеют определенно русские названия и возникли в рамках указанного времени. В Шенталинском районе из 60 селений русскими (т. е. с преобладающим русским населением) являются лишь 11. В то же время собственно русские названия имеют 37 селений. Из 84 селений Похвистневского района русскими являются 29, а собственно русские названия имеют 48 селений.

Особенности лингвоэтнической истории южного Средневожья обусловили наличие здесь разнообразных по языковой основе нерусских топонимов, в том числе тюркских (татарских, чувашских, башкирских и др.), финно-угорских (прежде всего, мордовских); в небольшом количестве монгольских и ирано-сарматских, наконец, довольно многочисленных смешанных или гибридно-контактационных. Сохраняется здесь и некоторое количество географических названий с невыявленной языковой принадлежностью.

Так, по свидетельству археологов, изучавших наиболее древние периоды истории, в середине II тыс. до н. э. в южной части Средневожья обитали племена срубной археологической культуры, которые были, видимо, ираноязычными, как скифы, аланы, осетины. Длительное время обитавшие в южной части Средневожья, ираноязычные сарматы оставили здесь, как память о себе, и некоторое количество географических названий. В пределах Самарского Поволжья к числу древних иранизмов с большой долей вероятности могут быть отнесены такие речные гидронимы, как *Черемшан* (Джарамсан) и *Самара*.

Уже в первые века нашей эры на Среднюю Волгу стали проникать тюркоязычные племена. А на рубеже IX–X вв. здесь возникло тюркоязычное в основе государство волжских булгар, просущест-

вовавшее около четырех веков. Оно занимало достаточно большую по тем временам территорию, охватывая, в частности, и часть современной Самарской области. Позднее, в XIII веке, Средневожье оказалось во власти Золотой Орды, государства с преобладанием тюркоязычного населения.

Особенно часто встречаются тюркизмы среди названий рек. Так, в бассейне Черемшана они составляют до 40% названий всех притоков этой реки; в бассейне реки Усы – до 35%; в бассейне Самары – до 25%; в бассейне Сока – до 20%. По существу большинство наиболее крупных рек области имеют названия тюркского происхождения (*Сок, Кондурча, Кинель, Сызранка, Иргиз* и др.)

С золотоордынским периодом в истории области связаны такие монголоязычные топогидронимы, как *Курумоч, Уса, Кутлугуш, Кутулук* и некоторые другие. Таких названий в области немного, буквально единицы, но они все же есть.

Повсеместно отдельными вкраплениями распространены в области и названия финно-угорского происхождения. Как правило, они связаны по своей основе с мордовскими языками – эрзя и мокша. Заметная концентрация финно-угорских топонимов наблюдается прежде всего там, где финно-угры (мордва) проживают и в настоящее время. Примерами финно-угорских топонимов могут быть такие, как *Моркваши, Сырейка, Мокша* и некоторые другие. Нельзя не отметить, что такие названия в целом немногочисленны, хотя мордовское население по численности даже превышает в области татарское.

Особую и довольно многочисленную группу географических названий Самарской области составляют топонимы типа *Большой Авраль, Большой Кинель, Малый Кинель, Сухая Самарка, Солдатские Челны, Старое Фейзуллово, Русский Байтуган, Новый Маклауш, Малый Каралык, Верхняя Кондурча* и т. п. Все подобные названия возникали в русском употреблении, о чем свидетельствует русское словоопределение в их составе. Но в основе их лежит ранее существовавшее нерусское название. Поэтому такие топонимы и относятся к числу гибридных или смешанных по своей языковой основе.

Круг слов, которые используются в качестве географических названий, в основном связан с несколькими тематическими груп-

пами лексики, редко выходя за их пределы. Отметим основные из них с соответствующими примерами из числа топонимов области.

Географические термины. Это слова, являющиеся видовыми или родовыми обозначениями географических объектов типа *выселки, умет, курмыш, буерак, шихан, кряж, рынок, гай, воложка, лука* и т. п. Некоторые из них заимствованы из других языков или связаны с местными говорами.

При определенных условиях такие нарицательные географические термины превращаются в собственные названия-топонимы. Процент названий, возникших на основе географических терминов, относительно невелик, но они есть. Сравните: село *Выселки* (Ставропольский район), урочище *Деревня* (Самарская Лука), село *Горки* (г. Новокуйбышевск), деревня *Городок* (Кошкинский район), село *Ключи* (Иса克林ский район), поселок *Колки* (Кинельский район), поселок *Лбище* (Самарская Лука), поселок *Лужки* (Красноярский район) и т. п.

Природно-ландшафтная лексика как основа топонимов. К этой группе относятся слова, обозначающие разнообразные природные особенности местного ландшафта, в том числе размеры и конфигурацию природных объектов, своеобразие их рельефа, гидрологии, флоры, фауны и т. д.

Названия, мотивированные подобными признаками, составляют одну из самых многочисленных групп топонимов. Так, среди самарских речных гидронимов названия по природным особенностям составляют по ориентировочным подсчетам более 60%. В Кинель-Черкасском районе из 53 населенных пунктов на этой основе поименован 21, т. е. около 40%. Это поселок *Безречьё* и село *Березовка*, поселок *Липовая Роща* и поселок *Вязники*, село *Лозовка* и поселок *Тальники*, село *Красная Горка* и поселок *Подгорный* и др. Около трети таких названий селений имеется в Иса克林ском, Хвостянском, Клявлинском и в других районах области.

Слова *со значением качественной оценки* в названиях. Топонимы с такой основой встречаются не очень часто, но все же имеются. Сравните: река *Хорошенькая* и село *Хорошенькое* (Красноярский район), села *Благодаровка* (Борский район), *Благодатное* (Большечерниговский район), село *Богатое*, поселки *Красный Ключ* (Ки-

нельский и Шигонский районы), озеро *Напрасное* (Кинель-Черкасский район), *Отрада* (Похвистневский и Сергиевский районы), разъезд *Услава* (Ставропольский район) и некоторые другие.

Имена и фамилии в названиях. Топонимы такой мотивировки составляют одну из самых распространенных групп географических названий Самарского Поволжья. Особенно высок процент таких наименований среди населенных пунктов различного типа, их частей, улиц. Так, в частности, в Исаклинском районе ойконимы с фамильно-именной основой составляют около 49%, в Камышлинском – более 60%, в Кинель-Черкасском – 34%, в Кинельском – около 27% и т. д.

К числу топонимов этой группы относятся и многие названия с нерусскими именами в основе: дер. *Ойкино*, село *Алакаевка*, дер. *Давлеткулово*, пос. *Астанаевка*, пос. *Алимовка*, села *Мамыково*, *Ерандаево*, *Алькино*, *Карабаевка*, *Абашево*, *Байдеряково*, *Тайдаково*, *Багряш*, *Девлезеркино*, *Старое Резяпкино*, *Старое Усманово*, *Старое Юреево*, *Старое Фейзуллово*, *Тимашево*, *Утекаево*, *Чувашское Абдикеево*, *Малое Алдаркино*, *Малое Ибряйкино*, *Новое Мансуркино*, *Новый Байтермиш* и др.

Названия-символы. Своеобразие этой группы топонимов заключается в том, что они возникают на основе слов, выражающих те или иные идеи.

Абсолютное большинство названий-символов возникло после революции 1917 года. Как правило, они и выражают идеи той революции, связаны с событиями и деятелями того времени.

Особенно характерны такого типа символические названия для колхозов, совхозов, предприятий, улиц, площадей. Более редки, но все же далеко не единичны подобные названия среди населенных пунктов. Несколько десятков селений имеют такие наименования и в Самарском Поволжье: пос. *Буревестник* (Богаатовский район), пос. *Власть Труда* (Волжский район), пос. *Дружба* (Безенчукский и Сызранский районы), пос. *Заря* (Кошкинский и Красноярский районы), ж/д станция *Звезда* (Безенчукский район), пос. *Знамя Труда* (Нефтегорский район), дер. *Идея* (Елховский район), пос. *Коммунар* (Большеглушицкий район), пос. *Комсомольский* (Борский и Кинельский районы), пос. *Красная Зорька*

(Борский район), пос. *Краснооктябрьский* (Большеглушицкий район), пос. *Ленинский* (Красноармейский район), пос. *Любовь Труда* (Челно-Вершинский район) и др.

Производственные названия. Специализация предприятия, расположенного в селении, иногда служит основой и для именованя и самого селения. Обычно такое имеет место тогда, когда предприятие занимает доминирующее положение в населенном пункте, когда само возникновение населенного пункта обусловлено возникновением соответствующего производства.

В качестве примеров можно указать следующие топонимы подобного типа: пос. *ДЭУ-48* (Сызранский район), раб. пос. *Зольное* (г. Жигулевск), село *Лагеревка* (Похвистневский район), пос. *Нефтяников* (Пестравский район), пос. *Рыбпитомник* (Сергиевский район), пос. *Труд* (Красноярский район), пос. *Энергетик* (Волжский район), пос. *Энергия* (Кинельский район) и некоторые другие.

Культовые топонимы. Наконец, нельзя не отметить наличие в области топонимов, обязанных своим существованием местным храмам, частично сохранившимся, а во многих случаях лишь оставившим о себе память в виде названий селений. Сравните: село *Воздвиженка*, село *Воскресенка*, село *Знаменка*, село *Преполовенка*, село *Рождествено*, село *Сергиевск*, село *Троицкое* и др.

Названия первичные и вторичные. Как и на других территориях, в области широко распространены повторяющиеся названия, а также названия с одинаковой образующей основой. Таковы, например, река *Самара* и областной центр *Самара*, речка *Курумоч* – село *Курумоч* – аэропорт *Курумоч* – станция *Курумоч*, река *Безенчук* – поселок *Безенчук*, река *Большой Кинель* – г. *Кинель* – с. *Кинель*, река *Сызрань* – г. *Сызрань*, река *Челнинка* – с. *Челно-Вершины*, река *Кондурча* – с. *Крепость Кондурча* и т. д.

Как правило, топонимы вторичной номинации возникают на основе пространственной смежности географических объектов, в результате их территориальной близости. В связи с этим города и селения нередко именуется по рекам, на которых они расположены; небольшие речки, в свою очередь, часто называются по селениям, близ которых протекают; поле может быть названо по лесу, лес – по горе, на которой находится, и т. д.

Особенно многочисленными оказываются переносы названий с рек на селения и с селений на реки. При этом большие реки, имеющие, как правило, и более древние названия, передают последние населенным пунктам. В то же время небольшие речки, названия которых более подвержены историческим изменениям, часто сами именуются по близлежащим селениям. Таковы, в частности, село *Багряш* – речка *Багряшка*, село *Захаркино* – речка *Захарка*, село *Кошки* – речка *Кошка*, г. *Чапаевск* – река *Чапаевка* (Моча), село *Сарбай* – река *Сарбай*, село *Трофимовка* – речка *Трофимовка* и др.

Особую группу составляют топонимы, образованные на основе уже существовавших названий при помощи специальных словообразующих средств (суффиксов, приставок). Ср.: горы *Жигули* – город *Жигулевск*, с. *Исаклы* – река *Исаклинка*, река *Черемшан* – пос. *Черемшанка*, город *Чапаевск* – река *Чапаевка*, село *Кашир* – пос. *Новокаширский*, село *Натальино* – село *Новонатальино* и др.

Среди топонимов вторичной номинации особо должны быть выделены те, которые принесены с других территорий в процессе миграции населения, освоения Самарского Поволжья на протяжении последних четырех столетий. Сравните такие названия селений, как села *Украинка*, *Пензено*, *Новокуровка*, *Новотулка*, *Большая Рязань*, деревня *Киевка* и некоторые другие.

Многочисленные географические названия области разнообразны не только по мотивировке, но и по своему «устройству», по своей структуре. Среди них есть и простые однословные, и сложные однословные, и составные двух- и даже трехсловные. Грамматически абсолютное большинство топонимов области относится к числу имен существительных, но есть и названия, относящиеся к разряду субстантивированных прилагательных.

Как правило, самарские топонимы имеют форму единственного числа. Но в небольшом количестве встречаются и названия в форме множественного числа. Ср.: пос. *Березки*, село *Белозерки*, деревня *Бутырки*, пос. *Вязники*, пос. *Дубки*, пос. *Журавли* и др. Только внешне уподобляются формам множественного числа и некоторые топонимы нерусского происхождения типа *Исаклы*, *Сухие Аврели*, *Шигоны* и т. п.

Среди речных гидронимов абсолютно преобладают названия с суффиксом -к- типа *Вязовка, Ветлянка, Домашка, Елховка, Исак-линка* и т.п. У рек с длиной чуть более десяти километров названия с этим суффиксом -к- составляют около сорока процентов. Широко распространен этот суффикс и в названиях селений. Как раньше, так и в настоящее время он обычно используется со значением уменьшительности и указывает на небольшие размеры называемых объектов.

Абсолютное господство русских названий населенных пунктов области определило и соответствующее структурное оформление их. Значительная часть ойконимов образована с помощью суффиксов, имеющих притяжательно-принадлежностное значение: -ов-о, -ев-о, -ин-о, -овк-а, -евк-а, -инк-а: *Алтухово, Варламово, Денгизбаево, Поляево, Балахоновка, Баженовка, Андреевка, Васильевка, Емелькино, Захаркино, Клявлино, Натальино* и др.

Из нерусских названий наиболее многочисленны топонимы с тюркско-татарским аффиксом -лы, -ла типа *Ерыкла, Зирекла, Камышла, Кармала, Талла, Ташла, Тергала, Шарла, Аскулы, Анлы* и др.

В небольшом количестве, но все же имеются в области нерусские топогидронимы с финальными частями на -чук, -уш, -ур (-юр), -ра, -ма, -гас: *Безенчук, Кутлугуш, Кутуруш, Маклауш, Суруш, Савруша, Самара, Чагра, Сунгур, Калмаюр, Телегас* и некоторые другие.

Многочисленны в пределах области и составные, обычно двухсловные названия. Они возникают тогда, когда в топогидроним включается или географический термин, требующий конкретизации при помощи слова-определения, или повторяющееся на близких территориях название – название-существительное, нуждающееся в дифференциации с помощью слова-определения. Ср.: *Бахилова Поляна, Березовая Поляна, Ясная Поляна, Теплый Стан; Тяглое Озеро; Татарский Байтуган, Русский Байтуган, Чувашский Байтуган; Белый Ключ, Студеный Ключ; Березовый Солонец, Сосновый Солонец; Большая Рязань, Малая Рязань* и т.п.

Длительно существуя в различной языковой и диалектной среде, топонимы нередко подвергаются различным звуковым и структурным видоизменениям. В результате таких трансформаций одно и то же название в разных письменных источниках, а иногда и в устном употреблении можно наблюдать в виде несовпадающих вариантов.

Так, в частности, Ахмед ибн Фадлан, описывая свое путешествие по территории, вошедшей ныне в состав Самарской области, называет реки *Ирхиз*, *Бачаг*, *Самур*, *Кинал*, *Сух*, *Кюнджюлю*. Ныне названия перечисленных рек звучат как *Иргиз*, *Моча* (Чапаевка), *Самара*, *Кинель*, *Сок*, *Кондурча*. Реку, известную ныне под названием *Черемшан*, ибн Фадлан именует *Джарамсан*. Как нетрудно заметить, все эти реки хранят свои названия с древнейших времен. Но звучание этих названий все же не осталось неизменным.

Примеры подобных изменений старинных названий в пределах области: *Авраль*, из более древнего *Эврэл*, *Челна* (Челнинка) из *Чаллы*, *Иржа* из *Ирзе*, *Ташла* (Ташолка) из *Ташлы*, *Сызрань* из *Сыза*, *Татьянка* из *Татья*, *Шлама* из *Ташлама* и целый ряд других.

Вариантные названия часты у старинных населенных пунктов. Так, на Самарской Луке есть село *Бахилово*. Возникло оно еще до 1665 года и в разных исторических источниках именуется то *Бахилов Буерак*, то *Мордовская Бахилова* (деревня), то *Бахиловка*. Там же село *Жигули* в источниках упоминается и как *Жигулиха*, и как *Жигулевка*. Село *Шелехметь* (Самарская Лука), возникшее до 1639–1640 гг., в письменных источниках указано и как деревня *Шелехметская*, и как *Шелехметкино*.

Наряду со звуковым и структурным варьированием одного и того же названия, в области достаточно распространены и случаи смены наименования одного и того же географического объекта.

Заметнее осуществляется этот процесс среди названий разного типа населенных пунктов и местных микрообъектов. Значительно реже меняются названия крупных природных объектов, особенно рек и больших водоемов.

На протяжении письменной истории немало количество переименований наблюдалось и в Самарском Поволжье. Так, в XVII–XVIII веках здесь происходит замена части ранее возникших нерусских названий русскими. В восемнадцатом и в начале девятнадцатого столетия многие населенные пункты получили своеобразные «вторые наименования» по строившимся тогда церквям. В результате у многих селений появились параллельные, двойные названия: село *Брусяны* – по церкви *Козьмодемьянское*; село *Жигули* – по церкви *Вознесенское*; село *Моркваши* – по церкви *Покровс-*

кое; село *Новинки* – по церкви *Архангельское*; село *Печерское* – по церкви *Никольское*, село *Сосновый Солонец* – по церкви *Дмитриевское*; *Усолье* – *Николаевское*; *Ширяево* – *Богоявленское* и др.

Некоторая часть их вторых именовании сохранилась и до настоящего времени, при этом в качестве основных и единственных (официальных): *Благовещенское*, *Воздвиженка*, *Воскресенка*, *Знаменка*, *Ильинка*, *Никольское*, *Преображенка*, *Преполовенка*, *Рождественно*, *Сергиевск*, *Спасское*, *Троицкое*, *Успенка* и некоторые другие.

Ряд городов и селений области был переименован в годы советской власти. Так, областной центр город *Самара* в 1935 году был переименован в *Куйбышев*, соответственно и область – в *Куйбышевскую*. Исторические названия городу и области были возвращены в 1991 году.

С эпохой советской власти связано переименование старинного села *Костычи* в город *Октябрьск*, села *Большая Царевщина* в *Волжский* (1961), станции *Иващенковой* в город *Чапаевск* (1929), а по нему реки *Мочи* в *Чапаевку*.

В этот же период утвердились названия типа *Новокуйбышевск*, *Краснооктябрьский*, *Красноармейское*, *Первомайский*, *Фрунзенский*. В городах и селениях области были переименованы многие микрорайоны, площади, улицы, крупные предприятия. При этом обычно не учитывалось то обстоятельство, что каждый старинный топоним – это своеобразный памятник истории, источник определенной информации о называемом объекте и местности, где он расположен. В связи с этим в настоящее время не без оснований возникают вопросы о необходимости восстановления в пределах области некоторых старинных географических наименований [4].

3.3. Другие разряды онимов

Космонимы и астронимы, народная космонимика

Названия звездного неба обычно делят на космонимы (от греч. κόσμος – «вселенная» и ὄνομα – «имя») и астронимы (от греч. ἀστήρ – «звезда» и ὄνομα – «имя»).

Космонимы – наименования зон и областей космического пространства, то есть галактик (*Туманность Андромеды*), в том

числе нашей (*Млечный Путь, Птичья Дорога, Шлях до Киева*); созвездий (*Большая Медведица, Лев, Пегас, Волосы Вероники*) и астеризмов – не являющихся созвездиями групп звезд (*Пояс Ориона, Плеяды*); темных участков Млечного пути (у древних инков: *Лисица, Лама, Пастух*).

Космонимы древни. Они отразили и сохранили следы былых представлений человечества о мироздании; они могут многое рассказать о давнем укладе жизни, о прежних передвижениях народов и их связях.

Как по-разному увидели различные народы один и тот же космический объект, показывают названия *Млечного пути*. Для одних он – *Лыжный след*, для других – *Серебряная река, Путь вора соломы*, он же *Тропа змеи, Спина бога, Щетина на спине, Дорога душ, Где волочили медведя, Песчаная река, Чумацкий шлях, Дорога в Иерусалим* (Рим, Киев и пр.). В польской работе по космонимии приведена сотня названий Млечного пути, и это лишь малая часть.

При таком многообразии названий (даже в пределах одного языка называют по-разному) случайное совпадение названий его у соседних народов невероятно. А в Поволжье не у двух и не у трех, а у большинства народов-соседей названия Млечного пути семантически однородны. Тюркские: татарское *Киек каз юлы* – «диких гусей путь», башкирское *Каз юлы* и чувашское *Хуркайнак суле* – с тем же этимологическим значением; финно-угорские: марийское *Кайыккомбо корно* – то же, эрзянское и мокшанское *Каргонь ки* – «журавлиный путь», у мокши *Нармонь ки* – «птичий путь».

Только калмыки, пришедшие в Нижнее Поволжье в XVII веке, удержали общемонгольскую идею названия Млечного пути «небесный шов» – *Тенгрин Уйдл* [57].

В Поволжье соперничают различные названия *Большой Медведицы*; некоторые из них очень древние, хотя на Волгу принесены в разное время. Основных семантических групп названий этого созвездия у народов Поволжья четыре: *Лось, Ковш, Повозка, Семерка*.

Очень ранним является название Большой Медведицы с этимологией «лось», «олень». В названиях Большой Медведицы эта идея господствует на огромных пространствах Севера у народов, теперь чрезвычайно отдаленных друг от друга. Эскимосы называют

это созвездие *Тунгтувахляк* «большой дикий олень», аналогично и обские угры; на пути между ними следы такого названия есть в тунгусских языках. И в северных русских диалектах Большая Медведица — *Сохатый*, т. е. «лось». В языках Поволжья таково название Большой Медведицы у марийцев — *Шордо-шудыр* «лось-звезда». Космоним *Лось*, зафиксированный и в русских говорах Нижегородского Заволжья, несомненно, связан с марийским.

Названия этого созвездия у башкир и татар содержат идею «семь» — по количеству наиболее ярких звезд Большой Медведицы (сегодня астрономы знают в этом созвездии массу звезд, но названия созвездий возникали за тысячелетия до телескопов). В тюркских языках это *Семь ханов*, *Семь архаров* (архар — «горный баран»), *Семь разбойников* или просто *Семерка*; в монгольских — *Семь старцев*, *Семь богов*, *Семь маралов*.

Истоки этих названий Большой Медведицы в Поволжье рассматриваются исследователями как периферия обширных массивов, лежащих вне Поволжья. Трудней объяснить названия с семантическим типом «ковш». Таково одно из марийских названий этого созвездия *Кучу-коркашудыр*, мокшанское *Карьхья-тяшьте*, эрзянское *Покиш-кече*. И то же этимологическое значение имело название этого созвездия в чувашском языке этой семьи: *Пысӑк Алтӑр ҫӑлтӑр*. Известен и русский космоним *Большой Ковш*, территориальное распространение которого никем не очерчено.

В русских говорах Нижнего Заволжья (на стыке Самарской и Саратовской областей) зарегистрировано название Большой Медведицы — *Телега*. Это вариант одного из древнейших ее названий «повозка, колесница». Как полагают, оно возникло в Передней Азии, откуда пришло к грекам (упомянуто в «Одиссее»), а от них к римлянам и распространилось у народов Европы, в том числе и у славян. В украинском языке космоним *Воз* жив и сегодня; украинское заселение Нижнего Заволжья с конца XVIII века могло принести туда это значение.

Скопление звезд в пограничной зоне созвездия Тельца в астрономии принято называть *Плеяды* (невооруженный глаз видит тут 6–9 звезд, Галилей в первый телескоп увидел 36, в современные телескопы — сотни). В языках мира пестры названия этой звездной

группы с яркой звездой в центре: «наседка с цыплятами», «гроздь», «7 звезд», «7 сестер», «группа женщин», «множество», «коровье сердце» и другие, у осетин — «сборище нартов, пирующих вокруг бочки вина»; случайность совпадения в двух языках явно исключена.

В минувшем столетии у южных удмуртов записано *Серънужкизили* — «редкое решето звезд»; и у чувашей одно из двух названий этой группы звезд — *Ала çалтар* — «решето звезд». Оба языка принадлежат к разным языковым семьям, в которых названия Плеяд несходны, так что чувашская и южноудмуртская параллель, видимо, возникла уже в Поволжье, а не принесена предками тюрков и финно-угров.

Общетюркское название Плеяд — *Ülker* (казахск. и киргизск. *Юркер*, чувашск. *Ёлькер*), этимология которого спорна (предложены значения «засада», «разделение», «продушина» и др.). Название Плеяд в эрзянском языке — *Веле*, что значит «деревня» или «рой», но бытовало и *Сисем-озяст* — «семь воробьев». Значение «решето», «сито» в марийском названии *Шоктэ-шудыр* и финском *Seulaset* еще не указывает исконности финно-угорского происхождения, встречаясь в космоимии весьма отдаленных народов: *Курчлю* в кумыкском (тюркской семьи) языке Дагестана и там же у аварцев — *Цалко*; эти семантические параллели позволяют предположить кальки русского источника; такое значение космонима широко распространено в русском, польском, балтийских и других языках, которым, как и дагестанскому, трудно было заимствовать его от финно-угорского.

В русских говорах Поволжья разновремененно записано несколько названий Плеяд: *Утиное гнездо* — в бывшей Нижегородской губернии (параллель — «наседка с цыплятами, квочка» в говорах Украины, Польши, Словакии и др.), а с другой стороны, *Попова семья* — в бывшем Чебоксарском уезде; называли и *Стожары*, как во многих других местностях России, но не от «100» и «жар», а от диалектного *стожар* — «ограда вокруг стога». В словаре В.И. Даля указано с пометой «симбирское» название *Висожары*.

Астроимями называются имена отдельных небесных тел: звезд (*Альдебаран, Вега, Полярная Звезда*), планет (*Меркурий, Венера, Марс, Юпитер*), спутников (*Луна, Фобос, Деймос, Нереида, Ио*), астероидов (*Церера, Паллада, Юнона*), комет (*комета Галлея*).

Из отдельных звезд прежде всего привлекает внимание *Полярная* — единственная «неподвижная» во всем сонме звезд над Поволжьем, меняющих свое положение на протяжении ночи и на протяжении года: она одна всегда указывала на север с достаточной точностью, когда не знали компаса. Как неподвижный центр, вокруг которого вращаются звездные табуны, она у скотоводческих народов вызывала образ *кола* с привязанными к нему лошадьми и кружащимися за ними разбойниками, стремящимися их украсть.

Этот небесный кол у тюрков *железный*, с непосредственным образным представлением. Это общетюркское название *темир казкы* сохранилось у башкир и татар, как и у большинства тюркоязычных народов. У монголов этот кол *золотой*.

У чувашей вместо тюрко-монгольского кола словари указывают иное название Полярной звезды — *сурсер çăлтăрĕ* — «северная звезда». У финнов она называется *Pohjantähti* — «северная звезда», с тем же значением у коми, но у эрзи записано *Валго теште* — «светлая звезда».

У народов, которые дольше вели кочевой образ жизни, космогония богаче. У калмыков кроме созвездий названы и все видимые простым глазом планеты: *Венера* — *Басн*, *Марс* — *Мингмр*, *Сатурн* — *Бемб*, *Юпитер* — *Пурвэ*. Названы планеты и у тюркоязычных народов. Для Венеры древнетюркские памятники знали названия *Севит* и *Чолпан*, документированные с XIV века и живые поныне: татарский *Чолпан*, башкирский *Сулпан*, каракалпакский *Шолпан* и т. д.

Становятся известными не всегда самые сильные небесные светила; звездное небо воспринималось как целостная картина, и заметной оказывалась звезда не за особую яркость, а по ее роли в сюжете картины. Так, у казахов названы две звезды Малой Медведицы — беловатая *Ак боз ат* — «белый мерин» и синеватая *Кок боз ат* — «сивый мерин»; на Украине записано название *Мышь* для небольшой звездочки Алькор [41; 57].

На практике термины «астроним» и «космоним» различают не последовательно. Астротопонимами именуются названия элементов рельефа на поверхности любой планеты: Луны (*селенонимы*), Земли (*геонимы*), Марса (*марсионим*), Венеры (*венусоним*), Меркурия (*меркурионим*).

В настоящее время народная астрономия почти полностью исчезает: астронимы известны очень немногим носителям народных говоров, утрачиваются четкие связи названий и называемых реалий, возникают дублетные названия, приложимые одновременно к двум-трем созвездиям. Народная астрономия нуждается в немедленном широком сборе тех звездных имен, которые еще сохранились в народной памяти.

Зоонимы и зоонимическое пространство

Собственные имена (клички) животных, чаще всего домашних, составляют разряд зоонимов (от греч. ζῷον – «животное» и ὄνομα – «имя»). Среди зоонимов различают **кинонимы** (греч. κύων, κύωνος – «собака»), то есть клички собак (*Бобик, Джек, Догоняй, Лайт, Лютня, Мухтар, Шарик*), **фелинонимы** (лат. felis – «кот») – кошачьи клички (*Мурка, Серый, Шурка, Хася, Шуришик, Фалафель*), **гиппони-мы** (греч. ἵπλος – «конь») – клички лошадей (*Булат, Звездочка, Апрелька, Ягода*), **орнитонимы** (греч. ὄρνις – «птица») – птичьи клички (попугаи *Кеша, Лима*) и другие разновидности кличек животных (*Зорька, Жданка, Рыжуха* – клички коров; *Кинули* – лев в зоопарке, *Нагди* – дикая слониха). Совокупность зоонимов – зоонимия; раздел ономастики, изучающий собственные имена животных, называется зоонимикой.

Научное исследование этого интересного материала, можно сказать, только лишь начинается. Работ по русской зоонимии известно пока немного. Большинство зоонимических публикаций в России и странах бывшего СССР было выполнено на фактах тюркских, финно-угорских, кавказских языков. Почти во всех работах такого рода проводятся сопоставления с русскими именами животных или просто перечисляются русские клички, распространенные в данном регионе. Поэтому все эти наблюдения имеют ценность и для русской зоонимики.

Имеющиеся работы не равноценны как по объему описываемого материала, так и по уровню его лингвистического осмысления. Исследователи не только делят зоонимы по тематическим разрядам, но и анализируют способы словообразования, тип мотивировки, характер номинации. Самыми частотными во всех регионах яв-

ляются зоонимы с внутренней формой, указывающей на цветовой признак. Эту особенность можно назвать зоонимической универсалией. Примечателен обычай называть *Березой* собак или коров бело-черной масти. Это метафорическое наименование обнаружено не только в русском языке, но и в других славянских языках, а также в тюркских. На основании подобных фактов можно сделать вывод о наличии общих принципов номинации у разных народов.

Многие русские клички своим дозоонимическим значением отражают характерные особенности нрава, поведения животных: *Верный, Шалун, Юла* (собаки), *Грозный, Кокетка, Лихая* (лошади), *Задира, Недотрога* (коровы). Зоонимы могут фиксировать внешние признаки: *Крошка, Малютка, Гигант* (лошади), *Кудряш, Лохматая* (собаки), *Бородач* (козел); время рождения: *Апрелька, Декабрик*. Клички такого рода мотивированы реальными признаками обозначаемых животных.

В класс кличек активно вторгается лексика из самых разных пластов. Большая группа зоонимов восходит к названиям растений: *Верба, Каштан, Тополек, Роза, Незабудка, Фиалка*; явлений природы: *Буря, Восход, Закат*. В клички животных могут превращаться названия различных предметов: *Алмаз* (бык), *Бирюза* (корова), *Изумруд* (лошадь), *Кубик, Кукла, Термос* (собаки). Встречаются и абстрактные существительные: *Загадка, Минус, Прогресс* (лошади).

Особую группу кличек образуют слова, созданные в результате трансонимизации – привлечения имен из других классов ономастической лексики, прежде всего имен людей. Обращает на себя внимание такая особенность: предпочтение отдается обычно имени экзотическому, чужестранному (*Андромеда, Пифагор, Тарзан*), которое легче ономазируется, не вызывая нежелательных при употреблении зоонима ассоциаций. Широкое распространение получили и несколько русских антропозоонимов: *Мишка, Васька, Машка*. Эти клички характеризуются полифункциональностью. Зооним *Мишка*, например, зарегистрирован на Урале в качестве имени быка, барана, лошади, кота, собаки, поросенка, козла, гуся и петуха.

Широкая распространенность во всех исследованных регионах кличек животных, образованных от имен людей, свидетельствует об отходе в наше время от традиций прошлого века, когда,

по наблюдению В.И. Даля, «грешно было кликать собаку человеческим именем».

Большое число кличек животных образуется сейчас и от другого класса собственных имен – топонимов. Наиболее часто клички образуются от названий рек, причем не только нашей страны: *Амазонка, Амур, Висла, Влтава, Двина, Ока, Тисса*. Интересно, что географические наименования *Волга, Валдай, Байкал* используются в качестве кличек собак в других странах. Это еще одно доказательство того факта, что в класс зоонимов легче проникают имена экзотические.

Многочисленные наблюдения показывают, что формирование системы зоонимов подвержено воздействию социальных, внеязыковых факторов. Это проявляется, например, в том, что разными оказались принципы именования животных в хозяйствах коллективных и индивидуальных. В Поволжье можно встретить фермы, где из 160 свиней 110 носят кличку *Чушка*, 30 – *Муська*, 10 – *Зюнька*. В коллективных хозяйствах существуют и определенные формальные ограничения: в кличке детеныша обязательно должны присутствовать инициальные звуки имен родителей. Жеребенок получает кличку *Вулкан*, потому что его родители – *Ваза* и *Курган*. В ситуации, когда необходимо придумать сотни кличек, возникают нередко имена довольно странные: *Агония, Дискуссия, Сульфидин*. Выбор клички для животного, находящегося в личном владении, не регламентируется такими жесткими правилами, потому и имена здесь оказываются более живыми, эмоциональными: *Добруша, Жданка, Кормилица, Милочка, Прелесть* (коровы).

Социальные факторы способствовали значительному расширению круга апеллятивной лексики, которая стала вовлекаться в разряд имен собственных. В последние десятилетия стали чаще применять термины науки, искусства: *Аккорд, Зенит, Гравюра, Рамсодия, Элегия, Флейта*. Целый ряд новых кличек обязан своим появлением научно-техническому прогрессу, успехам в освоении космоса: *Вертолет, Комета, Орбита, Ракета, Спутник*.

К собачьим кличкам в большей мере, чем к именам других домашних животных, предъявляются требования фонетического благозвучия. Для многих кличек собак характерна звуковая одно-

вершинность: *Бим, Джек, Джим, Ральф*. Скорее всего, это вызвано удобством произношения кратких имен при служебных командах.

Заслуживают внимания деривационные особенности зоонимии в русском языке, наиболее распространенным способом образования кличек является лексико-семантический – переход слова в разряд собственных имен животных без изменения формы: *Буян, Тайна, Цыган*.

Суффиксальный способ знаком зоонимии тоже. В основном это касается феминных дериватов: *Буланый – Буланка, Буян – Буянка, Гнедой – Гнедуха*. Надо сказать, что в русской зоонимии, особенно диалектной, намечается специализация зоонимических суффиксальных дериватов: *Косматуха, Пеструха, Добруша, Белоха, Буреха, Рыжуха, Звездоня, Февралька, Июлька, Мартик, Утрик, Жасминка, Любимка, Тополинка, Янтарка*. Слова эти апеллятивной лексике неизвестны, они специально созданы для зоонимической функции. Специфичными для кличек являются и феминные образования типа: *Альта, Буяна, Динга, Матроса, Минора, Привета*. Зоонимии известны и безаффиксные дериваты мужского рода: *Акул, Ракет*.

Большинство зоонимов в русском языке одноосновны. Сложные слова (*Белогубка, Серошейка, Жизнерадостная*) наблюдаются не часто, и это тоже одна из отличительных черт русской зоонимии. Известно, что многие тюркские зоонимы образуются основосложением: *Каракёз* (черноглазая), *Акулак* (белое ухо).

Встречаются среди кличек животных и составные образования. Прежде всего это сочетания прилагательных с существительными: *Большой Успех, Осенняя Ночка, Черная Магия* (лошади). Еще реже употребляются зоонимы, представляющие собой сочетания двух существительных: *Дочка Сосны, Сын Геркулеса*. Приводится несколько кличек, в которых сочетаются имя и отчество: поросенок *Борис Иванович*, кот *Василий Павлович*, свинья *Аксинья Ивановна*. Эти клички носят откровенно шуточный характер.

Зоонимы могут не только выполнять номинативную функцию, но и приобретать дополнительные оттенки. Нельзя не вспомнить *Хину Марковну* и *Брома Исаевича* – клички, придуманные Антоном Павловичем Чеховым для живших в его мелиховском доме собак породы такса. Здесь чувствуется и чеховская мягкая, ироничная

улыбка, и медицинский «привкус» — дань второй профессии писателя, и несомненное доказательство того, что клички домашних животных могут иметь богатую коннотацию. Необходимо сказать, что область литературной зоонимии остается до сих пор почти не тронутой филологами. Ономастическое пространство художественного произведения не должно ограничиваться именами персонажей, топонимами. Клички животных, о которых рассказывают художники слова, не менее важны. Достаточно вспомнить чеховскую *Капитанку*, лошадь *Фру-Фру* из «Анны Карениной», *Холстомера* из одноименного рассказа Льва Толстого.

Способность иметь прозвище рядом с основным именем сближает зоонимы с именами людей. Сходство с антропонимами проявляется и в том, что в зоонимии можно встретить упрощенные, трансформированные клички, которые функционируют наряду с официальным, паспортным именем: конь *Гиацинт* на тренировке становится *Гошей*, *Капитал* — *Капой*, *Ракета* — *Раей*. Перечень подобных уже описанных в литературе фактов можно продолжить: кошку, которую нарекли царственным именем *Нефертити*, вскоре стали называть по-домашнему *Тишкой*, а овчарку, в паспорте которой значится имя всемирно известного художника — *Винсент Ван Гог*, хозяйка называют ласково — *Винсуля*.

Обращает на себя внимание белое пятно в зоонимических исследованиях — клички животных, содержащихся в семьях, когда имена имеют не только рыбы и улитки в аквариуме, но и живущая в квартире лягушка — *Жульена*, а также черепаха — *Корина*. Подобные факты достойны внимания и лингвистов, и психологов. Это целый мир общения человека с природой, стремление противостоять урбанизации, обезличиванию. Зоонимической системе в целом свойственна большая, чем в других классах собственных имен, свобода выбора имени [70].

Этнонимы, их история и типы

Этнонимы (от греч. *ἔθνος* — племя, народ и *ὄνομα* — имя, название) — названия наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и других этнических общностей (этносов).

Изучение этнонимов даёт возможность проследить эволюцию имени, объяснить его происхождение, проследить пути этнических

миграций, культурные и языковые контакты. Этнонимы, будучи древними терминами, несут в себе ценную историческую и лингвистическую информацию. При многотысячелетнем развитии приблизительно на одних и тех же территориях население в различные периоды может трансформировать свои этнонимы: *сколоты* – *венеды* – *славяне* (*скловены*), *аланы* – *осетины*, *хунны* – *венгры*, *даки* – *румыны*, *фиссагеты* (*фисса-геты*) – *васи* – *весь* – *вепсы* и др.

Происхождение и функционирование этнонимов изучает этнонимика – раздел ономастики.

Различают макроэтнонимы – названия крупных этнических общностей и микроэтнонимы, обозначающие небольшие этнические объединения.

Макроэтнонимы – обычно соотносятся с макротопонимами (*русские* – Русь, *болгары* – Болгария). Соотнесённость бывает прямой, когда название страны образовано от этнонима (*франки* – Франция, *чехи* – Чехия, *греки* – Греция), и обратной, когда этноним произведён от названия страны (Америка – *американцы*, Австралия – *австралийцы*).

Эндоэтнонимы (от др.-греч. ἐνδον «внутри, дома» + ἔθνος «народ, племя» + ὄνμα «имя») – самоназвания народов или племён, которым противопоставлены названия, данные соседями этих племён или народов, например, самоназвание *Deutschen* по отношению к польскому «Niemcy» и русскому «немцы», французскому «Allemand» и испанскому «aleman».

Зачастую самоназвания кардинально отличаются от того, как этническая группа определяется в научной литературе или в окружающем обществе. Например, *баски* называют себя «эускалдунак» (баск. euskaldunak), *венгры* – «мадьярок» (венг. magyarok), *армяне* – «һайэр» (арм. հայեր), *евреи* – «йехудим» (ивр. יהודים), *финны* – «суо-малайсет» (фин. Suomalaiset) и т. д.

Экзоним (от греч. ἔξω экзо «вне» и греч. ὄνμα «имя») – топоним или этноним (экзотопоним и экзоэтноним соответственно), не употребляющийся местным населением или народом, в том числе и на официальном уровне, однако используемый по отношению к ним внешними сообществами.

Наиболее часто экзонимами являются эндонимы, адаптированные к условиям и произношению в каком-нибудь конкретном языке, например, русское *французы* и *Париж* соответствует французским Français (франсэ́) и Paris (пари́) или русскому *поляки* соответствует польское Polacy (поля́цы). Кроме того, экзоэтнонимами могут становиться и прозвища народов, которые со временем с ними смирились. К примеру, экзоэтноним *мордва* многими ошибочно воспринимается как народ.

Обычно экзонимы имеют историческое происхождение. Нередко экзонимы становятся более употребляемыми, чем самоназвание народов мира, в том числе и в научной литературе (и в международных научных языках). Например, распространённое англ. *Germans* (дже́менс, то есть германцы, рус. немцы) происходит от названия одного из франкских племён, тогда как современный автоэтноним немцев нем. Deutsche (дой́че), связанный с историческим самоназванием нидерландцев, дал начало английскому экзониму нидерландцев англ. *Dutch* (датч).

Другой пример того, как экзоним, являясь названием этноса другим народом, часто соседним, стал международным названием — это *чеченцы*. Самоназвание чеченцев *нохчи*, *нохчо*, вероятно, восходит к общему самоназванию чеченцев и ингушей *вайнахи* (от вай «наши» и нах «люди»), а в зависимости от места расселения и непосредственных контактов с различными народами, чеченцы известны у осетин — как *цацаны*, у кабардинцев — *шашаны*, у лезгин — *чачаны*, у кумыков — *мичигаиш* и др. Именно эти названия чеченцев соседними народами (цацаны, шашаны, чачаны), адаптированные в русском языке, дали современный международный этноним *чеченцы*.

Одним из источников происхождения экзонимов также является перенесение названия территории на имя народа, проживающего на ней. Примером такого территориального экзонима может считаться этноним *афганцы* в противовес самоназванию *па(ш/х)то*, *пуштуны*.

Экзонимы, в том числе и территориальные, часто давались народам колонизаторами (часто народами, ставшими «первооткрывателями» каких-нибудь земель). Например, фин. *loragi* «жители окраинной земли» в русском языке называются *саамами*. При этом

часто экзонимы колонизированных народов со временем заменяются на эндонимы (изредка на другие экзонимы), например, старое русское *гиляки́* заменилось на *нивхи* (самоназвание *нивхгу* «человек»), а этноним *ненцы* заменил устаревшее *юрыа́ки* (при этом самоназвание ненцев — *хасо́ва*).

Нередко экзонимы даются (а иногда и принимаются самими народами — в таком случае становятся эндонимами) для различения народов, имеющих разную национальную самоидентичность, но общие либо схожие названия. Как, например, ситуация с метаэтнонимом *татары*, закрепившимся за поволжскими и сибирскими татарами при старом самоназвании *булгар*, тогда как множество других тюркских народов, получивших сходное территориальное название в русском языке, приобрели другие имена (напр. *хакасы* — китайская транскрипция слова *кыргыз*, при устаревшем названии *минусинские* или *абаканские татары*). При этом бывает, что разные народы сохраняют общее самоназвание: *нани* остаётся эндонимом *ульчей*, *ороков* и *нанайцев*, а в прошлом такой же автоэтноним был и у *орочей*. Другой случай — главная нация сама навязывает отдельные этнонимы (экзонимы) отдельным частям этноса, разделённым территориально, а позднее и административно, как случилось с *адыгями*, из которых в XIX — начале XX века были выделены *кабардинцы*, *адыгейцы* и *черкесы*, что не повлияло на общее национальное самосознание этих народов, при этом автоэтнонимом для всех трёх народов осталось *адыге*, а общим экзонимом — *черкёсы*.

В остальном названия народов, как и многих других вещей и явлений, в том числе социальных, могут меняться. Например, вместо популярного экзонима *якуты* для названия этого народа в РФ под давлением якутской интеллигенции в последнее время (с середины 1990-х годов) активно используется самоназвание *сахá*, и до сих пор в научной российской литературе встречается двойственное название манси — *манси* (самоназвание) и *вогулы* (исторический экзоним, распространённый в западноевропейской литературе) [66].

Ниже приведён краткий список самых известных международных экзонимов⁶:

⁶ Использован материал электронного ресурса: <http://ru.wikipedia.org>

Албанцы — самоназвание алб. Shqiptarët (шкиптар, шкипарт; дословно «горные орлы»): на Балканах ещё до нашей эры жили иллирийские племена со сходным названием.

Армяне — самоназвание арм. Հայ (hay, хай); пример территориального экзонима: армяне называли себя так с древних времён, и название это связано с общим прародителем всех армян — легендарным Хайком. Интересно, что саму Армению армяне называли Хайк (арм. Հայր Կայ, приставка ր в конце слова в те поры в армянском языке означала множественное число). По другим предположениям, произошло от названия народа — хайасы. Страна Хайаса и народ хайасы упоминаются на глиняной хеттской таблице, относящейся ко второму тысячелетию до нашей эры.

Баски — самоназвание баск. Euskaldunak (эускалдунак, то есть «носители эускара» — баскского языка): название распространилось из языков соседних народов (испанцев, французов), этому слову родственны названия Бискайский залив и исторической области Бискайя, а также Гасконь.

Венгры — самоназвание венг. Magyarok (мадьарок); официальный международный экзоним Венгрия (англ. Hungarian, швед. ungrare, рум. unguşi, праслав. *Ųgъinъ, др.-рус. *оугринь*, польск. *węgieł*, болг. *унгарци*) происходит из булг. on ogur, тюрк. on oguz «десять огузских родов» [Фасмер].

Греки — самоназвание балканских греков греч. Ἕλληνας (эллинес): единства мнений по этому вопросу среди учёных нет, но можно сказать, что происхождение экзонима связано с эпонимом первых греческих колоний на юге Италии — Трайкон из Эвбеи; фактом остаётся начало распространения этнонима во времена Древнего Рима.

Грузины — самоназвание груз. ქართველები (картвэли), адаптировано, например, венграми — венг. Kartvéliek; название *грузины* происходит от имени св. Георгия — покровителя Грузии, которое на распространённых в Малой Азии каппадокийском и киликийском наречиях средневекового греческого языка звучало как Гюрги, в раннем Средневековье её население в сасанидском Иране стали называть *гурз*, *гюрдж*. В русский язык слово, как предполагают некоторые историки, заимствовано через посредство одного из тюркских языков.

Ирландцы – кроме англоязычного автоэтнонима Irish (айриш), имеют другое, кельтское самоназвание Éireannaigh (эйренах), происходящее от кельтского названия острова Ирландия – Эйре.

Китайцы – самоназвание хань 汉, ханьжень 汉人, ханьцзу 汉族; международные экзонимы китайцев (англ. Chinese чайни́з, нем. Chinesen хинéзен, хорв. Kinezi кинéзы, польск. Chińczусу хиньчы́цы) представляют собой изменённый эндоним, происходящий, в свою очередь, от династии Цинь (221 год до н. э. – 206 год до н. э.), проводившей объединительную государственную политику; рус. *китайцы* так же, как и тюркские (тат. Qıtay, каз. Қытай, Qıtay, уйг. قىتايخ, Xıtay) и монг. хятад, происходит от названия кочевого племени монгольского происхождения *каракитаи* (*кидани* в китайских источниках), захвативших часть Северного Китая.

Корейцы – экзоним происходит от названия средневековой страны на Корейском полуострове Корё (918–1392), самоназвание же корейцев кор. Chosŏn saram (чосон сарам) в Северной Корее и кор. Hanguk saram (хангук сарам) в Южной Корее.

Немцы – самоназвание нем. Deutsche. В русском, как и в большинстве славянских языков, название происходит от слова *немой* – говорящий неясно, непонятно. Это слово использовалось на Руси как собирательное название иностранцев, не владеющих русским языком. В других языках распространено название, происходящее от собирательного экзонима *Германцы*.

Осетины – два самоназвания в зависимости от двух основных субэтнических групп – *ирон* и *дигорон*; экзоним «осетины» происходит от топонима груз. ოსეთი (осéти) – «земля Осов», от груз. ოსი (оси) наименования аланов (предков осетин) в средневековых грузинских источниках (в древнерусских – *ясь*).

Финны – самоназвание фин. Suomalaiset (суомалайсет): единого мнения о происхождении экзонима не существует, по версиям, возможно перенесение на финнов древнего, ещё с римской эпохи, экзонима саамов; экзоним распространился благодаря названиям в скандинавских языках (швед. finländare).

Чукчи – самоназвание *луораветлан* («настоящие люди»); экзоним произошёл от названия, данного чукчам эвенами *чаучу* – «богатый оленями».

Якуты – самоназвание *саха*; экзоним предположительно произошёл от эвенского «яко», или «эко», следует также отметить, что по фонетическим законам слову *саха* на других тюркских языках соответствовало бы (незафиксированное в источниках) слово *jaqa/yaqa*.

Японцы – самоназвание 日本人 (нихондзин, ниппондзин); экзоним *японцы* представляет собой искажённое самоназвание, обозначающее «житель Ниппона», то есть Японии.

Одним из старейших и поныне используемых экзоэтнонимов, известным примерно с VI век до н. э., является этноним *армяне*, много веков существующий параллельно с самоназванием *хай*.

Этниконы (или *этнохоронимы* от греч. ἔθνος, «народ» + χώρος, «местность» + ὄνομα «название, имя») – названия жителей определённой местности, образующиеся от топонимов (Москва – *москвич*, Новгород – *новгородец*, Смоленск – *смолянин*, Одесса – *одессит*), а также неофициальные и прозвищные обозначения групп населения (*казаки, поморы, мадьяры, москали, хохлы, чалдоны* и т. д.). Употребляется также термин *жантите* (от фр. gents – «люди») – это название жителя того или иного города, например, *парижанин, веронец, марсеlec* и т. д.

В русском языке нет чёткого правила образования этнохоронимов, однако есть закономерности. Для названий, заканчивающихся на -ово, -ево, -ино, -ено и др., используется суффикс -ц- (*ивановцы* – от Иваново; *ильинцы* – от Ильино). Для названий, заканчивающихся на -тск, -цк, -ск и др., чаще всего используются суффиксы -ан-, -чан-, -ян- (*иркутяне* – от Иркутск; *хабаровчане* – от Хабаровск). Суффикс -ч-, как один из наиболее старых, используется только от названий старинных городов (*москвичи* – от Москва; *псковичи* – от Псков; *томичи* – от Томск).

Исключением являются этнохоронимы, образованные от названий с элементом «усть», они не подчиняются общим правилам и в большинстве своём независимо от окончания для словообразования используется суффикс -ц- (*устьабаканцы* – от Усть-Абакан; *устьилимцы* – от Усть-Илимск; *устьмайцы* – от Усть-Мая; *устьтаркцы* – от Усть-Тарка).

Зачастую этнохоронимы образуются не напрямую от топонима, а от производного прилагательного (*грязинцы* – грязинский – Грязи; *красницы* – краснинский – Красное).

В то же время есть правило написания этнохоронимов слитно во всех случаях, даже если в названиях, от которых они образованы, несколько слов написаны раздельно или через дефис (*левтолстовцы* – от Лев Толстой; *ньюйоркцы* – от Нью-Йорк; *старооскольцы* – от Старый Оскол).

Для некоторых топонимов в русском языке нет соответствующего устоявшегося этнохоронима (чаще всего этнохоронима женского рода). В этом случае жители той или иной местности называются описательно, например *жительница города Воронежа*.

Очень часто этнохороним образуется от исторического названия местности. Так, например, во многих европейских языках наряду с этнохоронимами, образованными от современных топонимов, широко используются этнохоронимы, образованные от латинских названий. Например, *манкунианцы* – жители Манчестера (от лат. *Mancunium*, в русском языке употребляется главным образом для обозначения игроков футбольного клуба «Манчестер Юнайтед»).

В ряде конкретных случаев этнохоронимы образуются особым образом, на основании ранее существовавшего топонима или сложившейся традиции. Например: *новоторы* – жители Торжка (от прежнего названия Новый Торг); *архангелогородцы* – жители Архангельска; *воложа́не* – жители Вологды; *нижегородцы* – жители Нижнего Новгорода; *камчада́лы* – жители Камчатки (по устаревшему этнониму); *киприо́ты* – жители Кипра; *косовары* – жители Косова; *кариока* – выходцы из Рио-де-Жанейро; *монегáски* – жители Монако; *конголезцы* – жители Конго; *одесситы* – жители Одессы; *муромля́не* – жители Мурома; *серпуховичи́* – жители Серпухова; *амча́не* или *омча́не* – жители Мценска (но *омичи* – жители Омска); *малагаси́йцы* – жители Мадагаскара; *куряне* – жители Курска; *ржев-витяне* – жители Ржева.

Этнонимия Древней Руси. Древнерусские названия племен и народов – это сплав древних, почерпнутых еще в эпоху индоевропейской общности названий, и новых, созданных на общеславянской и восточнославянской почве. Среди этнонимов Древней Руси следует различать два типа. К первому относятся этнонимы, обозначающие славян (такие названия, как правило, близки к самоназваниям). Наиболее полным источником, где они встречаются

ся, можно считать «Повесть временных лет». Ко второму относятся этнонимы, обозначающие неславянские народы и племена (такие названия крайне редко совпадают с самоназваниями этих этносов). Наилучший источник – древнерусский перевод хроники Георгия Амартола (Мниха).

По структуре все славянские этнонимы Древней Руси представлены тремя неравномерно распределенными группами: 1) этнонимами, производными с точки зрения древнерусского языка: *сърби, хровате* (хорваты), *дулѣби, ляхы, чехы, сѣверь*; 2) немногочисленной группой этнонимов, обозначающей славянские народы собирательным именем: *роусь, серебрь, морава*; 3) этнонимами, обозначающими множественность с помощью общеславянских формантов –ичи и -ѣне, -ане (-яне): *вятичи, радимичи, кривичи, дреговичи, лутичи, уличи, деревляне, поляне, мазовиане, поморяне, моравляне, хорутане* (словенцы), *полочане, бужане, вельняне* и т. д.

Только этнонимы последней группы позволяют прояснить их историю. Так, часть названий образована от имен гидронимических объектов: *бужане* – по реке Буг, *полочане* – по реке Полота, *поморяне* – по жительству в прибрежных районах Балтики, *моравляне* – по реке Морава. Названия на -ичи, возможно, отражают еще древнейшую общинно-родовую структуру славянского общества. В летописи говорится, что родоначальниками *радимичей* и *вятичей* были два брата, пришедшие «от ляхов» (т. е. с запада). Это можно рассматривать лишь как обычную для средних веков династическую легенду. *Радимичи*, скорее всего, были тесно связаны до переселения на восток с территорией Восточной Польши, где отчетливо просматриваются следы корня *рад-* (Радзмин, Радом и т. п.) в топонимике. Этноним *дреговичи* этимологизируется как «жители болот, дрегвы». Этнонимы *поляне* и *деревляне* объяснялись еще автором «Повести временных лет» как «жители полей» и «жители лесов (деревы)». Труднее с *кривичами*. Неудовлетворительна этимология от собственного имени жреца Крива. По одной из гипотез, *кривичи* – это синоним «украинцев», от *край, кроити* – со значением «пограничные».

Названия неславян имеют строгие рамки оформления. Ближайшие к восточным славянам финно-угорские и балтийские племена и народы называются исключительно собирательными именами:

литва, жмудь, чюдь, черемиса, зимегола и т. п. Другие неславяне называются именами на -ане, -яне: *агняне, асурияне, персяне, галичане, иудеяне* и т. п. И только ряд древних народов называются непроезводными именами: *греки, гѣтѣ, латины, обѣрѣ, пруси* и т. п.

Этнонимия Древней Руси охватывала практически все народы Европы, библейские народы и наиболее крупные этносы Азии. В наименовании народов могла быть вариантность: *греки* и *елини*, *гурзи* и *ивери*, *урмане* и *свей* и т. п., но никогда не было случаев прерывательного обозначения народов [42; 96].

Древнерусская теонимия

Теонимика — раздел ономастики, изучающий теонимы (собственные имена божеств) в плане их системной организации, функционирования, эволюции, этимологии, а также в их связях с другими разрядами собственной и нарицательной лексики.

В общем виде проблема имен вымышленных была поставлена в рамках логицистического подхода Б. Расселом и Г. Рейхенбахом, которые исходили из того, что каждое имя собственное должно иметь десигнат (обозначаемое). Поскольку у мифологических персонажей десигната как реального объекта действительности не наблюдается, то их имена не могут быть собственными. Б. Рассел вообще отказывается таким словам как в каком-либо смысле, так и в статусе имени. Г. Рейхенбах, примиряя противоречие, вызванное тем, что такие слова существуют реально, вводит, помимо собственных и нарицательных, понятие еще одного класса имен — «имена вообще», *only names*. Принципиально важно для теонимики, что как Б. Рассел, так и Г. Рейхенбах фактически выделили имена мифических персонажей в особый класс слов — либо «неимя», либо «имя вообще» [74].

Другого типа возражения против выделения теонимов в отдельную лексическую группу можно встретить у некоторых лингвистов. Так, М.И. Привалова причисляет имена божеств к антропонимам — именам человека, лица [67]. Однако в таком случае имена звероподобных божеств следовало бы, наверное, отнести к кличкам животных (зоонимам), солярных — к названиям звездного неба (астронимам или космонимам) и т. п. Подобное преувеличение лишь

показывает, что нет знака равенства между человеческим коллективом и его пантеоном: это два смежных явления, из которых второе является как бы преломленным отражением первого.

На этом основании выделяют мифонирию как своеобразный сектор ономастического пространства, который создан наподобие реальной его части и в котором особое место принадлежит теонимии и демононимии. Объектом изучения теонимики является целый комплекс вопросов, главные из которых – достоверность сведений о конкретных именах и названиях мифологических персонажей; статус собственного или нарицательного каждого из таких именовании в разных диалектных и этнических зонах; взаимосвязи собственного и нарицательного в теонимии; взаимосвязи теонимии и антропонимии, функциональные отличия теонимов и антропонимов; выявление системных отношений в плане этимологии мифологических именовании [33].

Теонимия древнерусская – совокупность древнерусских теонимов. С точки зрения лексикологии это небольшая замкнутая группа имен-историзмов, которые представляют общее наследие русского, украинского и белорусского языков и входят в более широкий лексический класс – мифологическую лексику.

Наиболее древние и подтвержденные разными памятниками (летописание, церковные поучения, художественная литература), восходящими к XII веку, – это теонимы *Перун*, *Хорс*, *Дажьбог*, *Стрибог*, *Симаргл*, *Мокошь* (так называемый киевский пантеон), а также *Волос / Велес*. Единственный раз, в славянском переводе византийской хроники Иоанна Малалы, включенном в древнерусское летописание, назван славянский бог *Сварог* – отец Дажьбога. В списках одного из церковных антиязыческих поучений XII века встречаются имена *Дива* и *Переплут*.

В тех же списках среди теонимов фигурирует *Род*, который в более позднем источнике XIV – начала XV века выступает антагонистом христианского бога. В памятниках XVII века, связанных с Киевом, наряду с именами Перун и Волос названы теонимы *Лад* (*Ладон*), *Позвизд*, *Купало*, *Коледа*, а также *Лоло*, *Дид* и некоторые другие (*Лада*). Этнографические материалы XIX века дают сведения о *Масленице*, *Маре*, *Кострубоньке*, *Купале*, *Яриле* как пер-

сонажах календарно-обрядовых действий (чаще всего в виде антропоморфных чучел).

Теонимия древнерусская связана с теонимией прибалтийских славян – *Поренут, Поревит, Прове, Радогост, Сварожич, Руевит, Святовит, Яровит*, менее ясные *Жива, Подага, Триглав, Чернобог* и некоторые другие. Сведения о язычестве прибалтийских славян исходят от католических миссионеров и западноевропейских хронистов, которые были современниками римской экспансии на север и восток Европы. Это был взгляд людей другого культурного круга и с другими задачами. Не зная жизни славян, не понимая, как правило, их диалекта, не имея графических средств в латинице для передачи специфики славянской речи, такие свидетели тем легче могли что-то исказить.

Под этим углом зрения в теонимии славян следует различать **собственно теонимы** как имена реально мыслимых язычниками божеств (*Перун, Волос, Святовит* и т.п.); **квзитеонимы** как слова, фактически не являющиеся теонимами, но воспринятые в качестве таковых интерпретаторами (ср.: *Род, Дива, Сварожич, Лада*); **псевдотеонимы**, сконструированные либо фальсифицированные имена несуществовавших божеств (например, *Услад* из «ус злат, а борода серебряна» в летописном портрете Перуна или же богиня *Дана*, которая якобы дала название Днепру: Дана + присно – «вечная, юная Дана»).

Такая классификация теонимии сильно затруднена спецификой самой мифологии, которая по сути явление принципиально неопределенное, с размытыми ситуативными границами между элементами. Вторая трудность – отсутствие хоть в какой-либо степени законченных фрагментов из древних сведений о язычестве восточных славян. В исследованиях этой области надо четко различать исходную фрагментарную фактологическую базу и ее научную интерпретацию, которая остается системой гипотез, в той или иной степени адекватных объекту.

Для перепроверки фактической стороны и для подтверждения гипотез исследователи привлекают широкий индоевропейский материал, анализируя его с языковедческих и культурологических позиций [35], с этнолингвистических позиций обследуют районы Славии с тем, чтобы выявить реликтовую систему обрядности и ве-

рований [84], анализируют место язычества в древнерусском социуме и стремятся выявить «глубину памяти» язычества, т. е. определить в мировом контексте этапы его эволюции (Б.А. Рыбаков).

Поиск системности в номинациях богов подводит к мысли, что возможны этимологические сближения их. Праслав. корни *svet-, *tūj-, *jag-(ъ), *rg(k)- воплощают идею силы, жизненной страсти, что объединяет ряд *Святовит, Руевит, Ярила* и, быть может, *Поровит, Прове, Перун*. Имена *Мокошь* и *Мара* могут оказаться объединенными идеей водного начала – важным элементом верований славян: *мок- «мокрый» и *мог- / *мег- «болото», «вода» (ср. еще украинское *ириця* «ведьма», белорусское царица *Ирица* – о змее, ведущей птиц в *ирей* и украинское *вир* «водоворот»). Другая ориентация корня *мог- / *мег- «смерть» сближается с идеей смерти, загробного мира. Идеей блага, богатства объединена пара *Дажьбог* и *Стрибог* как податель блага и распространитель блага в свете убедительной этимологии *dadǫ + *bogъ и *stri + *bogъ при *bogъ «богатство, благо». Даже теонимы *Хорс, Сварожич*, если принимать их иранскую этимологию, восходят к одной идее – «небо, сияющее небо, солнце»: последняя форма отражает огласовку *svaг- до VII века до н. э., а имя *Хорс* может оказаться рефлексом того же корня с закономерным переходом s>h в иранских диалектах в VIII веке до н. э. [34]

Сопоставление теонимии славян с их антропонимией показывает, что в последней практически не засвидетельствованы теофорные имена-композиции по типу, например, греческих *Артемидор* «дар Артемиды», *Зинаида* «дочь Зевса» и т. п. В позднейшей фиксации засвидетельствованы антропонимы, полностью совпадающие с теонимами, но они, как правило, могут иметь альтернативное объяснение. Средневековый сербский антропоним *Хрс* (указанный Р. Якобсоном) отражает не теоним, а греческий антропоним *χρυσός*, *χρυσή* наряду с его же калькой *Златан* (В. Георгиев). Сходный украинский антропоним *Хурс* является закономерной славянской трансформацией имени *Фурс* (М. Л. Худаш). В 1585 году Псковская Писцовая книга называет имя псковского пушкаря *Мокош Хлоптун*. В свете диалектного ярославского *мокоша, мокуша* «хлопотливый человек» прямая связь имени *Мокош* с теонимом *Мокошь* становится проблематичной.

Неясны настоящие отношения древнейших славянских антропонимов типа *Святослав* или *Святополк* и теонима *Святовит*. Больше всего в именнике славян представлены теофорные имена с корнем бог. Значительная часть их — несомненные кальки византийско-христианского именовслова: *Богдан*, *Богдар*, *Богдал*, *Божидар*, *Богумил*, *Богуслав*, *Богухвал* и греческие по происхождению *Диодор*, *Диодот*, *Дорофей* и *Феодор*, *Феодот*, *Досифей* и *Феодосий*, *Филофей* и *Феофил* и т. п. Однако другая часть имен, содержащаяся в западнославянском именовслове, не так легко объясняется христианством: *Богумир*, *Богуметь* и *Мстибог*, *Свойбог*, *Свебож*, *Унебож* и др. Есть предположения, что весь ряд имен такого типа вообще был инициирован древнейшим иранским влиянием (Т. Милевский).

В особом контексте надо, вероятно, воспринимать антропоним *Дажьббог*, отмеченный А. Н. Афанасьевым в Мосальском уезде, реконструируемое имя *Дажбог* из *Данило Дажбогович Задревецкий* в одной староукраинской грамоте и польский антропоним *Dadzɓog*. Пожелательная формула «дай бог», повторяемая сотни и сотни лет тысячами и тысячами людей в разных фонетических и эмфатических вариациях, могла породить и самостоятельные названия, не зависящие от теонима *Дажьббог*: украинское *дазьбі* «бог подаст» из *дасть біг* (бог) и прозвищное *дацьбоги* (того же происхождения). Польское *Dadzɓog* легче, быть может, объяснить из подобной формулы, чем через теоним (к тому же неизвестно, было ли у поляков божество *Дажьбог*).

В целом интересная проблема соотношения теонимии и антропонимии славян далека еще от системного обследования. То же можно сказать об отражении теонимии славян в топонимии: известны отдельные работы по топонимическим следам культа Перуна и разрозненные замечания исследователей в связи с тем или иным теонимом. Однако заметно, что следов теонимии славян почти нет в названиях населенных пунктов. Из общей картины выбивается теоним *Радогост*: он единственный зафиксирован синхронно с антропонимами *Радогост*, и он единственный отражается в названии крупнейшего центра прибалтийских славян *Радогощ* (а такие же топонимы известны и в восточнославянских пределах).

Еще одна важная проблема теонимии – соотношение теонимов и названий персонажей так называемой низшей демонологии. Известно, что в рамках христианства языческие боги низводились до уровня бесов и нечистой силы: *Мокошь* и домовый женский дух *мокоша* на Русском Севере, *Волос* и старочешское *veles* «черт, демон». Но при этом остается в тени вопрос, не было ли изначально так, что в разных славянских диалектно-племенных зонах сходные названия имели разный статус: ср. главный бог *Сварожич* на западе и *огонь-сварожич* на востоке славянского мира. За таким вопросом сложнейшая проблема структуры язычества славян в хроно-географическом аспекте. При этом важно учесть факты межъязыковой омонимии в номинациях мифологических персонажей: в словацком языке известно диалектное заимствование из венгерского *mókuskirály* «король-белка» – сказочный персонаж; морав. *pěrunek* «горный дух» и остравско-силезское *pěrun* «черт» возникли на базе фонетико-морфологических преобразований немецкого *Bergmann* «горный дух». Эти факты, конечно же, вносят коррективы во взгляды на следы почитания *Перуна* или *Мокоши* у западных славян. В целом изучение теонимии древнерусской и теонимии других славянских областей с точки зрения ономастики позволяет рассчитывать на определенный успех в исследованиях языческого комплекса славян [34].

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что такое «топоним»? В какой области научного знания в первую очередь изучается данное явление?
2. Назовите основные разряды топонимов.
3. Какие компоненты характерны для ойконимов?
4. Какова специфика происхождения и изменения урбанонимов?
5. Какие проблемы существуют в изучении гидронимии России?
6. Чем обосновано возникновение дримонимов?
7. Назовите виды дромонимов.
8. Каково временное происхождение географических названий Самарского Поволжья?
9. Какие языковые источники формировали топонимию Самарской области?

10. Подготовьте сообщение по материалам международных конференций «Ономастика Поволжья». Какие вопросы волнуют современных исследователей топонимики?
11. Выберите и проанализируйте один из разрядов топонимов Словаря географических названий Самарской области [4].

Рекомендуемая литература

1. Барашков, В.Ф. Самарская топонимика / В.Ф. Барашков, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 1996. — 192 с.
2. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. — М. : Просвещение, 1983. — С. 163–197.
3. Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. — М. : Мысль, 1974. — С. 136–167.
4. Ономастика Поволжья : тезисы докладов IX Междунар. конф., 9–12 сент. 2002 г. / отв. ред. В.И. Супрун. — Волгоград : Перемена, 2002.
5. Ономастика Поволжья : материалы X Междунар. научной конф., 12–14 сент. 2006 г. / отв. ред. Е.А. Яковлева. — Уфа : Изд-во БГПУ, 2006.
6. Суперанская, А.В. Имя — через века и страны / А.В. Суперанская ; отв.ред. Э.М. Мурзаев. — 2-е изд., испр. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — С. 102–125.

Глава 4. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТАТУС ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

4.1. Поэтическая ономастика

Теоретический и практический интерес представляет изучение функций собственных имен в художественной литературе. Раздел ономастики, который занимается изучением специфики онимов в художественных текстах, выделился в самостоятельную научную дисциплину, которую называют литературной, или поэтической, ономастикой. Если до 1960 года библиография по поэтической ономастике исчислялась десятком научных исследований и многочисленными фрагментарными заметками о поэтике собственных имен, в основном на страницах литературоведческих работ, то в настоящее время только на русском языке опубликовано свыше 1700 специальных книг, сборников, журнальных статей, защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций.

Длительное время поэтическая ономастика интересовала исследователей как прикладная дисциплина, востребованная, как правило, при публикации различных комментариев к художественным текстам, при составлении словарей собственных имен к художественным произведениям. Между тем проблема изучения собственных имен в художественных текстах актуализировалась и стала пониматься шире и глубже указанных выше прикладных задач.

На современном этапе поэтическая ономастика рассматривается как самостоятельная научная дисциплина со своим объектом исследования и собственными методами анализа, которая развивается в тесной связи с общей лексикологией, семиотикой, стилистикой, поэтикой и лингвистикой текста в широком аспекте.

Выделение «поэтической ономастики» в самостоятельную научную дисциплину предусматривает закрепление за ней необходимой системы терминов, соотносимых с ее спецификой, а также определение основного термина по аналогии с другими научными дисциплинами (ср. лексема для лексикологии, фонема для фонологии, морфема для морфологии и т. д.).

Традиционно при анализе собственных имен в художественной литературе и персонификации художественного образа (одушевленного или неодушевленного) употребляли термины имя или собственное имя. Применительно к художественным текстам они конкретизировались: имя действующего лица, имя литературного персонажа, имя персонажа. В частности, В.А. Никонов дает следующее определение: «Имя персонажа — одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя выбрано вопреки правде)» [56, с. 234]. В данном определении в основном признается только тесная связь собственного имени художественного произведения с обществом и общественными условиями, но не уточняется его специфика в структуре художественного текста как самостоятельной единицы.

Длительное время доминирующим термином для обозначения собственных имен в художественном тексте был термин «литературный антропоним», указывающий на все без исключения личные собственные имена, именующие персонажей. При анализе в художественном тексте топонимов, зоонимов соответственно стали употреблять термины «литературный топоним», «литературный зооним».

Необходим был универсальный термин, соотносимый со всеми рядами имен собственных в художественном тексте. Для поэтической ономастики таким термином является *поэтоним*. Этот термин литературоведы уже использовали для обозначения условных экзотических, мифологических, т. е. наделенных определенным поэтическим смыслом, собственных имен.

В поэтической ономастике было расширено смысловое содержание термина *поэтоним*. В «Словаре ономастической терминологии»

дается следующее его толкование: «Поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имен, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [65, с. 108].

Внешняя звуковая характеристика поэтонимов, как и других собственных имен, бесспорно, соотносит их с нарицательной лексикой. Не столь значительны различия между поэтонимами и апеллятивами на словообразовательном и грамматическом уровнях. Проблема возникает при определении понятийности или смыслового содержания имен собственных вообще и поэтонимов в частности.

Дело в том, что поэтонимы функционируют в условиях специфики художественного текста, выполняя авторский замысел в реализации идейно-эстетических и иных задач, что дает основание говорить об актуализации стилистических и иных возможностей на содержательном уровне. В художественном тексте поэтонимы в значительной степени сближаются по своим функциональным характеристикам с нарицательными словами художественного текста.

Содержание или значение поэтонимов представляет сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических характеристик. Вся содержательная сторона поэтонимов должна пониматься через художественное описание денотата (образа) в поэтическом тексте. В отличие от апеллятивов сведения о собственных именах, в том числе и поэтонимах, предусматривают знание сопутствующих данных, как, например, особые мотивы именованья, история имени, этимология его основы и др. Учитываются условия функционирования собственного имени в обществе, степень известности денотата (носителя) и его имени и др.

С учетом стилистической функции поэтонимы очень близки к собственным именам на уровне речи. Они наделены энциклопедической информацией, представляющей собой внеречевые сведения о денотате имени собственного. В то же время речевая информация устанавливает связь имени с его носителем, социальное поле денотата и его имени и выявляет отношение говорящего к именуемому. Таким образом, содержательность поэтонимов проявляется

при выражении ими стилистических функций, одновременно подчиняя речевую, энциклопедическую и языковую информативность имени, что дает основание говорить о наличии у них значения.

Денотатами поэтонимов выступают вымышленные (идеальные), созданные воображением автора образы, за которыми закрепляются по воле писателя индивидуальные собственные имена. Их смысловое содержание может быть понято с учетом конкретного художественного произведения, поэтому поэтонимы следует считать знаками особого, искусственного образования, созданными автором и воспринятыми читателем.

При анализе поэтонимов художественных текстов используются методы, восходящие к методическим приемам лингвистики, литературоведения, социологии, истории, психологии и других дисциплин. Такое комбинированное наслаение определяется спецификой самой поэтической ономастики. Сложный и комплексный характер объекта ономастических исследований исключает изолированное рассмотрение отдельных имен и выдвигает в качестве предварительного условия для их изучения учет разнообразных факторов, так или иначе влияющих на формирование имеющихся систем, учет лингвистических и экстралингвистических связей отдельных типов имен, связей онимических типов друг с другом и с апеллятивной лексикой. Это требование полностью распространяется и на поэтонимы с учетом специфики их функционирования в художественной литературе.

Наиболее органична связь поэтической ономастики с языкознанием и литературоведением. Длительное время исследование поэтонимов осуществлялось на прикладном уровне в литературоведении. Высказывалось мнение, что изучение ономастики художественного произведения начинается с анализа авторского мировоззрения и мировосприятия, что входит в компетенцию литературоведа, и лишь на следующем этапе к исследованию подключается лингвист.

Теоретические приемы литературоведения, истории литературы помогают раскрытию таких тем, как «поэтонимы и литературные течения», «поэтонимы и литературная эпоха», «поэтонимы и подтекст» и др. Основное внимание в этих случаях направлено не

на раскрытие социальных или экспрессивно-оценочных признаков поэтонимов, а на их роль в обогащении идеи, конкретной мысли данного произведения. Литературоведческий подход предусматривает анализ поэтонимов с учетом воздействия на них экстралингвистических факторов, таких как влияние конкретных стилей, жанров, изображаемого времени, подтекста и социальных закономерностей на выбор и использование поэтонима.

Анализ функций поэтонимов при создании художественных образов объективно предусматривает переплетение лингвистических и литературоведческих методов. Лингвистический подход к анализу поэтонимов выдвигает на первый план проблему взаимодействия поэтонимов со структурой художественного текста. При этом предусматривается рассмотрение всех поэтонимов как специфических лексических единиц в языке и речи.

Любой поэтоним находится в неразрывной связи с другими составляющими элементами художественного текста, образующими целостность художественного повествования. Поэтонимы не могут вводиться в художественный текст случайно. Они органически срастаются с общей архитектурой и содержанием художественного произведения.

Постепенно стали формироваться в поэтической ономастике собственные приемы анализа поэтонимов на основе синтеза уже зарекомендовавших себя методов в смежных гуманитарных научных дисциплинах. Анализ семантической экспрессии, символики и фонетического облика поэтонимов при создании художественных образов осуществляется с учетом знания семасиологии, лексикологии, фонетики, словообразования, которые переплетаются с требованиями стилистики. Семантико-стилистическая функция поэтонимов становится доминирующей при их анализе.

В.В. Виноградов писал, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных характеризующих функциях и т. п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [16, с. 38]. Имена собственные стали объектом изучения не только стилистики художественной речи,

но и науки о стилях художественной литературы, поэтики, теории поэтической речи и др.

Бесспорна связь поэтической ономастики с социологией. Поэтоним потенциально содержит дополнительные социальные характеристики, которые необходимо учитывать при раскрытии того или иного художественного образа. Расслоение общества по социальным признакам отразилось на употреблении в каждом классе, сословии специфических личных имен, отчеств и фамилий. В поэтической ономастике эта особенность используется при дополнительном подчеркивании принадлежности носителя поэтонима к дворянам, купцам, крестьянам или другим социальным слоям общества, а также указывает на их национальность. Л.Н. Толстой добивался, чтобы поэтонимы не выделялись на фоне общенационального ономастикона, но при этом сохраняли бы черты авторского имятворчества. Он иногда только незначительно изменял реальную фамилию (*Болконский – Волконский, Куракин – Курагин, Долохов – Дорохов*), но чаще создавал фамилии персонажей по известным моделям. Неудивительно, что на фоне бытовавших исторических фамилий, введенных в текст «Войны и мира» (*Кутузов, Аракчеев, Голицын, Платов* и др.), созданные фамилии вымышленных героев воспринимаются также естественно, как и исторические: *Архаров, Ахросимов, Ростов* и др.

Основными объектами поэтической ономастики следует считать опубликованные тексты художественных произведений, на базе которых производится анализ поэтонимов с учетом идейного содержания произведения и специфики авторского мастерства. Тем не менее анализ поэтонимов будет неполон без привлечения дополнительных источников, сопутствующих процессу создания художественного текста. К ним, прежде всего, следует отнести авторские черновые наброски, предварительные варианты художественного текста, корректурные листы и др. Должны учитываться заметки в записных книжках, собираемый писателем различный языковой и фактологический материал. Например, А.Н. Островский при работе над своими произведениями собрал много диалектных и просторечных слов для предполагаемого словаря русского народного языка. В некоторых случаях эти записи помогают про-

следить, как драматург использовал диалектные слова при создании фамилий персонажей. Фамилия Городулин соотносится с записью А.Н. Островского: «Городули. Вздор, болтовня, вранье. — Полно тебе городули-то городить».

Наиболее надежным и исчерпывающим источником для изучения поэтонимов являются академические собрания сочинений писателей (ср. издания А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и др.), а также академические издания отдельных художественных произведений, как, например, «Петербург» А. Белого в серии «Литературные памятники». Эти источники позволяют проследить эволюцию создания и ввода в окончательный текст поэтонима, соотнести его с различными авторскими вариантами. Н.В. Гоголь при выборе имени героя «Шинели» в черновых вариантах записал Башмаков, Башмакевич, но эти фамилии в окончательном варианте были заменены фамилией Башмакин.

При анализе поэтонимов вызывает интерес сравнение различных прижизненных изданий художественных произведений, в которые автор вносил дополнения, изменения, в том числе и в собственные имена. А.П. Чехов при подготовке своего «Полного собрания сочинений» в 1899–1901 гг. в ряде случаев заменил фамилии героев своих ранних рассказов, а иногда не понравившиеся ему поэтонимы вычеркивал. В рассказе «Брак по расчету» была убрана фамилия Паршивцев, в рассказе «На чужбине» фамилию Дрянин заменил на Дружков, а Какишев на Камышев. Фамилию Смердяев в рассказе «Чтение» изменил на Мердяев, что избавило первоначальный поэтоним от дополнительных ассоциаций.

Таким образом, поэтическая ономастика органически связана с различными научными дисциплинами. Синтез методов и приемов сопредельных гуманитарных наук позволяет самой поэтической ономастике индивидуализироваться. Из второстепенной прикладной дисциплины, которая длительное время растворялась в огромном массиве литературоведения и стилистики, языкознания и текстологии, истории и социологии, поэтическая ономастика в настоящее время имеет право считаться самостоятельным научным направлением со своими объектом исследования, методами, целями и задачами [31].

4.2. Ономастическое пространство художественного произведения

Имена собственные в художественном тексте образуют особую подсистему со свойственными ей системообразующими механизмами, а также закономерностями функционирования. Их роль достаточно строго определена: «1) они служат текстовой вехой – обозначают главного (главных) персонажей; 2) создают богатый ономастический фон; 3) выступают в качестве опознавательного знака факультативного характера; 4) содержат в себе важные особенности реализации национально-культурного компонента произведения» [81, с. 50].

Под ономастическим пространством понимается сумма собственных имен, которые употребляются в языке данного народа для наименования реальных, гипотетических и фантастических объектов. Соответственно, ономастическим пространством художественного произведения (ОПХП) следует считать совокупность всех поэтонимов, которые встречаются в художественном произведении.

Границы ономастического пространства в поэтической ономастике могут быть расширены за счет объединения художественных произведений по определенному жанру или временному срезу. Можно очертить ономастическое пространство художественных произведений одного писателя или группы авторов. Более широкое представление о границах ономастического пространства дает анализ совокупности поэтонимов конкретной национальной художественной литературы. Пределом можно считать описание ОПХП всей мировой художественной литературы, что допустимо, скорее всего, как теоретическое предположение. Но в любом случае ономастическое пространство художественной литературы сохраняет признак вторичности по отношению к национальным ономастическим пространствам, что отражается в наличии у них различительных признаков при определенном сходстве.

Ономастическое пространство художественного произведения выступает подсистемой общей образной системы, с одной стороны, а с другой – отражает специфику авторского творчества, жанровых и стилевых различий, соотносительность содержания художественного произведения с эпохой изображения и временем создания произведе-

дения и т. д. ОПХП отчетливо проявляется при анализе эпических художественных произведений или нескольких небольших произведений одного или группы писателей.

Ономастическое пространство художественного произведения позволяет наиболее полно представить ономастическую систему, к которой прибегает писатель, дает возможность показать сложные взаимоотношения поэтонимов в конкретном художественном тексте, их становление, развитие и функционирование с учетом индивидуально-авторского стиля и общих закономерностей литературного языка.

Функционирование в художественных текстах поэтических антропонимов, топонимов, зоонимов и других онимов, которые сами могут в отдельности быть самостоятельным объектом изучения, дает основания объединять их в самостоятельные ономастические поля в составе общего ОПХП. Поэтонимы, входящие в определенное семантическое поле, более конкретно раскрывают свои признаки, одновременно сохраняя определенную экспрессивно-логическую связь с поэтонимами других ономастических полей в границах единого ономастического пространства художественного произведения.

Наиболее многопланово ономастические поля поэтонимов представлены в эпических произведениях, в которых широко используется речевая, энциклопедическая и языковая информация поэтонимов различных разрядов. В трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» встречается более двух тысяч поэтонимов, позволяющих представить описываемую эпоху более объемно и выразительно. Многие приводимые в эпосе поэтонимы исчезли из современного употребления, требуют исторического комментирования. Такими микрополями онимов в произведении являются названия учреждений и организаций, союзов и партий («Союз защиты родины и свободы», «Временное правительство» и др.), наименования воинских группировок и подразделений (Добровольческая армия, Усольский полк), названия гостиниц, кинотеатров, ресторанов (Смольный, «Версаль», «Красные бубенцы»), названия органов периодической печати («Слово народа», «Русские ведомости», «Русское слово» и др.).

Количественный показатель не играет первостепенной роли в определении специфики ономастического пространства художественного произведения. Количество единиц ономастического пространства не имеет абсолютной зависимости от величины художественного текста. Количество поэтонимов мотивировано во многих случаях целями и задачами художественного произведения. В небольшом рассказе А.П. Чехова «Лошадиная фамилия» большое число поэтонимов вызвано развитием действия поиска нужной фамилии.

Доминирующая роль в ОПХП принадлежит системно-образным отношениям поэтонимов, которые играют организующую роль ономастического пространства в структуре художественного текста. Системность позволяет выявить мотивы отбора поэтонимов, а также описать и раскрыть их стилистические возможности в конкретном ономастическом пространстве художественного произведения.

В отличие от национальной ономастики, где временные границы ввода онимов в ономастическое пространство довольно условны, в поэтической ономастике отчетливо выделяются две фазы формирования ономастического пространства художественного произведения. Первая фаза охватывает период работы автора над художественным произведением от замысла до завершающего воплощения. Вторая фаза предусматривает статическое закрепление поэтонимов за конкретным художественным произведением, которые в дальнейшем будут функционировать во времени и пространстве без изменений.

Динамика наполняемости ономастического пространства художественного произведения необходимыми поэтонимами характерна только для первой фазы. В процессе работы над художественным произведением допустима свободная замена поэтонимов, изменение их функций в контексте произведения. Это объяснимо субъективными мотивами художественного творчества. Интересный материал, иллюстрирующий сложный процесс развития фабулы и создания художественных образов, содержится в черновиках, предварительных вариантах художественных произведений. Ф.М. Достоевский при работе над романом «Бесы» в черновиках именует будущих своих персонажей разными именами, часть из которых

не встречается в основном каноническом тексте. В черновых набросках встречаются реальные имена прототипов, условные имена персонажей: Грановский (в основном тексте романа С.Т. Верховенский), его сын (или племянник) Студент (впоследствии Петр Верховенский), Княгиня (в тексте Варвара Петровна Ставрогина), Князь (в романе Ставрогин), Шапошников (в романе Шатов), Воспитанница (Дарья Павловна), Красавица (Лиза Тушина), капитан Картузов (Лебядкин), Хроникер и др. (Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. 12. – С. 172) [31].

Подобный сложный процесс поиска нужного поэтонима характерен для любого мастера художественного слова. К сожалению, значительная часть предварительных материалов или уничтожается самими авторами, или хранится в малодоступных для широкого читателя архивах. Анализ поэтонимов в предварительных материалах, набросках может быть произведен в границах самостоятельного ономастического пространства, которое при проецировании на ономастическое пространство канонического текста художественного произведения позволяет создать общую картину творческого поиска нужного поэтонима для художественного образа.

Завершение работы над художественным произведением предполагает окончательную фиксацию единиц ономастического пространства этого произведения, которое как бы навечно «окаменеет», не допуская дальнейших принципиальных изменений ни количественно, ни качественно. В исключительных случаях, преследуя определенные идеологические или учебные цели, при переизданиях художественных произведений можно наблюдать «механическое» сокращение поэтонимов, но эти случаи не могут быть решающими при изучении ономастического пространства канонического текста.

В художественном произведении ономастическое пространство характеризуется непроницаемостью для других онимов. В этом принципиальное отличие поэтического ономастического пространства от пространства национальной ономастики. Для последнего характерна количественная динамика, которая может перерасти в качественное изменение.

Ономастическое пространство художественного произведения может включать разнообразные поэтонимы, без учета их активного или пассивного функционирования в национальной ономастике. В тетралогии В.П. Катаева «Волны Черного моря» ономастическое пространство включает 292 антропонима, 269 топонимов, 178 названий предприятий, учреждений, обществ и объединений, 60 сортовых и фирменных названий, 47 названий произведений литературы и искусства, 32 названия средств передвижения, 30 наименований органов периодической печати, 21 мифоним, 11 фалеронимов, 11 хремотонимов, 10 хрононимов, 6 названий праздников, юбилеев и торжеств, 5 космонимов, 4 зоонима. Всего в тетралогии В.П. Катаева ономастическое пространство охватывает 978 поэтонимов, номинативно соотносимых с различными денотатами [82, с. 146].

В ОПХП включаются и заглавия произведения. Функция заглавия художественного произведения усиливается в тех случаях, когда оно выражается через другой поэтоним, который входит в конкретное ономастическое поле: антропонимов («Евгений Онегин», «Обломов», «Васса Железнова» и др.), топонимов («Цусима», «Тихий Дон» и др.), зоонимов («Каштанка») и т. д.

Доля поэтических антропонимов в художественном произведении превышает все другие, в том числе и топонимы. Подобная антропоцентричность является важнейшей отличительной чертой ономастического пространства художественного произведения. Ономастическое пространство художественных произведений Ф.М. Достоевского включает около 4400 поэтонимов в первичной номинации без учета различных фонетико-орфографических и деривационных вариантов. В этом поэтическом пространстве 79,9% поэтонимов приходится на антропонимы, затем 28,1% составляют топонимы и только 0,1% включают другие разряды собственных имен [31].

На стабильность системных отношений в ОПХП влияет один из важных признаков поэтической ономастики: ее вторичность по отношению к национальной ономастике. Этот принцип способствует приданию допустимой достоверности художественного текста даже при описании самых нереальных событий, в основном характерных для фантастических произведений. Таковы имена первобытных людей в начале четвертичного периода развития человечества:

Ун, Зур, Нао, Гунн, Нам, Фаум в романе Рони Старшего «Борьба за огонь» или Ожо, Крек, Гель, Рюг в «Приключении доисторического мальчика» д'Эрвильи.

Ономастическое пространство художественного произведения сохраняет свои характеризующие признаки при переводах художественного текста на другие языки. Обычно в таких случаях поэтонимы подлинника сохраняются без изменения. Переводу могут подвергаться только те поэтонимы, прямая передача которых на чужом языке может ослабить художественное восприятие образа. В основном переводятся прозвища и «говорящие» имена типа Толстяк, Хромой и др.

Полное представление ОПХП возможно осуществить через лексикографическое описание поэтонимов одного, нескольких или всех художественных произведений писателя или группы писателей.

4.3. Разряды поэтонимов

Классификации поэтонимов

Возможны различные подходы к общим принципам классификации поэтонимов. Например, с позиций образной характеристики и сюжетного функционирования поэтонимы могут быть разбиты на очень большие разряды. Можно в одну группу включить поэтонимы, которые непосредственно задействованы в художественном тексте как средство выделения и дальнейшей характеристики при раскрытии содержания произведения: имена главных и второстепенных действующих лиц, названия мест действия и др. Во вторую группу войдут поэтонимы, которые опосредовано участвуют в раскрытии содержания художественного произведения, косвенно принимающие участие в общей образной характеристике: исторические собственные имена при сравнении, описании, имена литературные, а также иные собственные имена, которые в контексте художественного произведения создают своеобразный «культурный» фон произведения, который необходимо учитывать при общей оценке художественного текста.

Возможна классификация поэтонимов с учетом их роли в образной характеристике, чаще всего при анализе поэтических ант-

ропонимов. По мнению М.В. Карпенко, все поэтонимы могут быть разбиты на две группы: а) прямо характеризующие и б) косвенно характеризующие. Она приходит к выводу, что третьей группы, к которой относились бы нехарактеризующие имена, в художественном произведении не должно быть [39, с. 24].

Прямо характеризующие поэтонимы давно были в поле зрения исследователей поэтической ономастики. Анализируя ономастику русской литературы XVIII–XIX вв., В.Н. Михайлов предложил характеризующие поэтонимы делить на следующие разряды:

- 1) имена, обладающие функцией «семантической характеристики»: *Правдин, Взяткин, Ворчалкина, Стихоткачев* и др.;
- 2) имена, осуществляющие «общеэкспрессивную» функцию: *Яичница, Пустопузov, Подщина, Бошов* и др.;
- 3) имена, осуществляющие по преимуществу функцию указания на социальную, национальную принадлежность: *Немцов, Князев*;
- 4) реальные исторические имена персонажей художественного произведения, которые не «создает» художник: *Потемкин, Екатерина* [49].

Л.М. Щетинин, анализируя антропонимию английской литературы, предложил следующую классификацию имен литературных героев с учетом их стилистической роли в художественном произведении:

- 1) нейтральные имена, в которых значение основы и фонетическая форма никак не отражают особенности характера и поведения героя, не имеют ассоциаций с его именем: *Домби, Копперфильд* в романах Ч. Диккенса, *Форсайт* в саге Л. Голсуорси и др.;

- 2) описательные (характеризующие) имена, основы которых дают прямую или косвенную характеристику их носителей: *Дедлюк* (от мертвая точка, тупик), *Крук* (обманщик, плут), *Хэдстоун* (каменная голова) в произведениях Ч. Диккенса;

- 3) пародийные имена, имеющие ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску обычно негативного характера: лорд *Будл*, лорд *Гудл*, сэр *Дудл*, герцог *Фудл* и др. в «Холодном доме» Ч. Диккенса (ср. перечень имен в рассказе А.П. Чехова «Лошадиная фамилия»);

4) ассоциативные имена, которые своей зрительной и звуковой формой вызывают у читателя различные ассоциации, уточняющие и углубляющие характеристику персонажей: мисс *Флайт* (ср. «полет») – маленькая, сухонькая старушка, мысли которой порхают, как птицы (Ч. Диккенс «Холодный дом»), мистер *Тутс* («играть на дудочке») – несерьезный, недалекий богатый недоросль (Ч. Диккенс «Домби и сын») [100, с. 126–132].

В классификации Л.М. Щетинина не просматривается тенденция определения роли автора в создании поэтонимов.

Анализируя бинарные оппозиции собственных имен в ономастическом поле художественного произведения, О.И. Фoniaкова группирует поэтонимы по следующим основным позициям:

1) по специфике денотативного значения имен собственных в общем именнике национального языка и в ономастическом пространстве художественного текста (т. е. оппозиция типа антропонимы – топонимы, топонимы – урбанонимы, личные имена – фамилии, личные имена – прозвища и т. д.);

2) по способу художественной номинации в художественных текстах (оппозиция: узуальные и окказиональные лексические средства с учетом контекстуальных и индивидуально-авторских подходов и т. д.);

3) по соотношению имен собственных в поэтической ономастике с национальным именником языка народа (оппозиция: реальные – вымышленные, частое – редкое, сословное – внесословное и т. д. при характеристике поэтонимов) [95, с. 39–40].

Признавая вторичность поэтонимов по отношению к национально-историческим собственным именам, с одной стороны, а с другой – роль автора в создании и использовании поэтонимов при образной характеристике, сложно разработать универсальную классификацию поэтонимов. Следует учитывать, что сам механизм создания поэтонимов не имеет однозначного объяснения. Приходить к выводу, что вся стилистика имен в художественном произведении обычно строится на основе стилистики реально существующих имен, а не вопреки ей, – означает признание минимальной роли авторского имятворчества и имяупотребления. Такой подход, вероятно, можно сделать только на основании анализа поэтонимов исто-

рической прозы. Но и при утверждении доминирующей роли автора в создании поэтонимов при их классификации нельзя не учитывать связи поэтонимов с национальной ономастикой, связи с замыслом произведения, раскрытия роли художественного образа в тексте.

В основе классификации поэтонимов необходимо учитывать единство процесса «реальная ономастика – автор – поэтическая ономастика», который играет доминирующую роль при создании художественного текста. Это позволяет выделить в поэтическом ономастическом пространстве следующие разряды поэтонимов:

- 1) исторические собственные имена для исторических персонажей, мест, событий в художественном тексте;
- 2) исторические собственные имена для вымышленных автором художественных образов;
- 3) общеупотребительные имена и названия национальной ономастики для вымышленных автором художественных образов;
- 4) поэтонимы вымышленных образов, созданных по моделям национальной ономастики (полуреальные имена);
- 5) авторские поэтонимы, созданные для усиления экспрессии имени при характеристике художественного образа без учета специфики национальной ономастики;
- 6) вымышленные поэтонимы для нереальных художественных образов, не имеющих прямой соотнесенности с объективной действительностью [31].

Исторические собственные имена лиц и географических объектов

Подобные поэтонимы могут сохранять в художественных текстах всю полноту характеризующих признаков, которые закрепились за ними при их употреблении в национальной ономастике. Роль писателя в создании таких поэтонимов минимальна. Тем не менее значимость авторской воли возрастает после закрепления за поэтонимами дополнительных коннотаций, которые усиливают индивидуализацию поэтонима, наполняют экспрессивностью художественный образ. В некоторых случаях приобретенная в художественном произведении дополнительная характеристика исторического поэтонима в дальнейшем может закрепляться за ис-

торическим онимом, который в реальной действительности мог и не иметь характеризующих признаков, свойственных поэтониму. Художественное раскрытие образа *Наполеона* в «Войне и мире» Л. Толстого дает основание говорить о функционировании в романе «трех» Наполеонов, восходящих к одному прототипу.

Длительное время исторические поэтонимы не привлекали внимания исследователей поэтической ономастики. В их использовании не усматривалась творческая роль писателя. Анализ ономастического пространства реалистической прозы позволил признать, что поэтонимами следует считать не только созданные автором собственные имена, но и имена реальных исторических лиц, являющихся образами художественного произведения.

Определились характеризующие признаки исторических поэтонимов.

Во-первых, автор при создании художественного произведения всегда тенденциозен, поэтому способы именования исторических персонажей обычно обусловлены авторским отношением к изображаемому реальным лицам. Во-вторых, именования реальных лиц в художественном тексте приобретают дополнительные смысловые оттенки, так как они выполняют определенную художественно-стилистическую функцию. В-третьих, собственные имена исторических лиц влияют на формирование всего ономастикона произведения. В-четвертых, исторические собственные имена оказывают влияние не только на выбор поэтонимов для вымышленных художественных образов, но и на их стилистическое функционирование в художественном тексте.

Историзм художественного произведения обусловлен обязательным включением в его ономастическое пространство подлинных собственных имен реальных исторических лиц или географических названий. В эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» свыше 550 действующих лиц, из которых 468 имеют собственные имена. Более 200 персонажей произведения названы реальными историческими именами: *Апраскин, Архаров, Билибин, Белов, Берг, Гончаров, Гурьев, Денисов, Зубов, Козловский, Кутузов, Мамонов, Мещерский, Несвицкий, Оболенский, Орлов, Панин, Разумовский, Хвостиков, Хандриков, Щербанев, Юсупов* и др., сведения о которых имеются

в родословных исторических справочниках. Таковы и топонимы *Москва, Бородино, Тушино* и др. Подбор имен исторических лиц сюжетно оправдан и подчинен общему идейному замыслу. Так, обилие нерусских фамилий среди приближенных императора не было случайным явлением. *Михельсон, Вейротер, фон Таль, Ванцингероде, Бенигсен, Армфельд, Клаузевиц, Пфуль, Розенкампф, Шнейдер, Швари, Эйхен* и др. – вот кто прямо или косвенно влиял в то время на судьбу страны [30, с. 74].

Стремление писателей при изображении исторических событий, в которых принимали участие известные исторические личности, подменять их вымышленными именами может привести к искажению и неверному пониманию исторической достоверности, что приводит к снижению художественной ценности произведения. В то же время нельзя требовать от писателей, когда они обобщенно описывают исторические события, конкретной увязки с определенной исторической личностью или конкретным историческим местом действия. Эта проблема выходит за рамки интересов поэтической ономастики.

Использование исторических поэтонимов во многом зависит от жанра художественного произведения. Такие поэтонимы чаще встречаются в произведениях исторической тематики. В них исторические поэтонимы преобладают в ономастическом пространстве художественного произведения и выделяются на фоне общего употребления лексем в тексте.

Исторические имена вымышленных художественных образов

Национальная система онимов является богатейшим источником для создания автором поэтонимов вымышленных образов. В данном случае подобные поэтонимы восходят к национальной ономастической номенклатуре только в плане формы, выражения, в то время как содержание каждого поэтонима определяется его соотношенностью не с реальной личностью, а с созданным художественным образом.

В редких случаях процесс выбора автором поэтонима совпадает с простым механическим заимствованием из национальной

ономастики, то есть достаточно автору выбрать из какого-нибудь заданного списка имен (словари фамилий, словари личных имен, справочники телефонной сети, списки граждан и т. д.) нужное собственное имя и закрепить его за создаваемым художественным образом. В реальности процесс поиска необходимых по замыслу поэтонимов выглядит более творческим, так как сам выбор нужного поэтонима определяется мастерством художника, идейной направленностью произведения, развитием сюжета и т. д. Чем «ювелирнее» будет производиться автором отбор необходимых поэтонимов, тем значительнее будет влияние художественной правдоподобности повествования. Особенно это характерно для поэтонимов реалистических произведений.

Особо следует выделить поэтонимы, восходящие к историческим реальным онимам и сохраняющие с ними ассоциативные связи в художественном тексте. В ряде случаев такие поэтонимы не могут реализовать потенциальные ассоциативные данные исторического антропонима, но напоминание в контексте повествования о таких связях приводит к повышенной экспрессии, чаще всего юмористического или сатирического характера. В «Жизни Клима Самгина» М. Горького такая активизация культурно-исторического содержания исторического имени русского полководца Кутузова проявляется при использовании поэтонима *Кутузов* для вымышленного персонажа: «...У вас, Кутузов, неприятная манера стоять, выдвинув левую ногу вперед. Это значит: вы уже считаете себя вождем и думаете о монументе... Кстати — у вас и фамилия та же, что и у полководца, которым командовала армия» (М. Горький. Собр. соч. в 30 т., т. 19, с. 244–245). Ср. также поэтоним *Долгорукий* в «Подружке» Ф. М. Достоевского, *Фемистокл* в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя и др.

В «Войне и мире» Л. Н. Толстого встречаются поэтонимы, бесспорно восходящие к бытовавшим в XIX веке реальным фамилиям, хотя в тексте художественные образы созданы творческим воображением писателя. Такие поэтонимы встречаются при именовании в романе солдат, офицеров, купцов и др.: капитан *Тушин*, капитан *Тимохин*, майор *Басов*, офицер *Быков*, фельдфебель *Захарченко*, юнкер *Миронов*, купец *Селиванов*, мужик *Андрей Севастьянов*, казаки

Лихачев, Шاپовалов, дворник Ферантонтов, солдаты Антонов, Деметьев, Киселев, Лазарев, Макеев, Медведев, Петров, Соколов и др.

В эпопее М. Горького «Жизнь Клима Самгина» фамилии персонажей в основном совпадают с данными ономастических словарей («Ономастикон» С.Б. Веселовского, «Словрь русских фамилий» В.А. Никонова, «Словарь фамилий» Ю.А. Федосюка, «Русские фамилии» А.В. Сусловой). Из 305 фамилий в произведении только 18 не имеют соответствия с данными словарей реальных фамилий [27]. В произведениях А. Грина раннего периода творчества многие фамилии персонажей напоминают распространенные реальные фамилии дореволюционной поры: мужик *Агафьин* («Гералька и его сын»), солдат *Алехин* («История одного убийства»), наборщик *Аблещинов* («Узник Крестов»), ссыльный *Антипов* («Ксения Турпалова»), геолог *Афанасьев* («Глухая тропа») и др.

Если бы имелся сводный список русских фамилий, то в нем можно было бы отыскать фамилии, абсолютное большинство которых созвучны поэтонимам реалистических художественных произведений. В статье И. Малевича «Заглянем в адресную книгу» («Неделя», 1983, № 35, с. 23) отмечается, что только в Днепропетровской области проживают 200 Толстых, 100 Пушкиных, 100 Чичиковых, Маниловых и Гоголей, 26 Ноздревых, 14 Плюшкиных, 12 Коробочек, 2 Тараса Бульбы и др. [31].

Поэтонимы, созданные по моделям национальной ономастики

Данные поэтонимы представляют многочисленный пласт в поэтической ономастике. М.В. Карпенко назвала такие поэтонимы в художественных текстах «полуреальными» [39, с. 24]. В большинстве случаев подобные поэтонимы не отличаются «по духу», не говоря уже «по форме», от собственных имен национальной ономастики. Их «искусственность» может быть выявлена только в результате литературоведческого или текстологического анализа. Данные поэтонимы характерны для реалистической художественной литературы.

Использование поэтонимов данного разряда объясняется стремлением автора художественного произведения соблюдать принцип социально-исторического правдоподобия, чтобы через

собственные имена передать особенности изображаемого времени, событий, персонажей.

Л.Н. Толстой не включил в основной текст «Войны и мира» вымышленные имена, встречающиеся в черновых набросках: *Простой, Плохов, Красовицкий, Криницин, Кушнев, Пригородько, Шамко, Пировская, Чиргазова, Голопузов* и др., так как считал, что эти имена были «фальшивыми для уха». В то же время в текст вошли созданные Л.Н. Толстым следующие поэтонимы вымышленных автором персонажей: *Бицкий, Мальвинцев, Макарин, Перонская, Седморецкий, Чатров, Каратаев, Шерер, Жилинский, Голуховский* и др. Их искусственность в ономастическом пространстве романа Л.Н. Толстого не ощущается.

У А.М. Горького в художественных произведениях встречается 1189 фамилий персонажей, в том числе 1093 русских и 96 иноязычных. Все они созданы по действующим моделям фамилий национальной ономастики. Лексическое поле фамилий, образованных писателем от личных имен, составляет 20,7%, что соответствует удельному весу (20%) аналогичных фамилий национальной русской ономастики. Исследователи отметили, что 43% «авторских» фамилий в произведениях А.М. Горького полностью соответствуют общенародным фамилиям [31].

Экспрессивные поэтонимы, созданные без учета традиционной специфики национальной ономастики

Данные поэтонимы используются автором в художественном произведении с определенной стилистической целью. Они всегда воспринимаются как искусственные образования. Их чаще используют в сатирических, юмористических произведениях. За ними давно закрепился термин «говорящие имена».

По содержанию эти поэтонимы близки к прозвищам. В них экспрессия усиливается за счет необычной фонетической оболочки имени, словообразовательной структуры, семантики. Роль автора в создании подобных поэтонимов приоритетна. Его возможности не могут быть ограничены какими-либо требованиями, кроме творческого замысла. Автор в подобном поэтониме пытается во всей полноте раскрыть все его потенциальные эмоционально-экспрес-

сивные признаки. Таковы Дуня *Пешеморепереходящинская*, *Накричхвостов*, *Мырина* в рассказах А.П. Чехова, *Ламврокакис*, *Щипяцев* в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, *Свидригайлов*, *Фердыщенко* у Ф.М. Достоевского, *Шмурло*, *Двоеточие*, *Подшибло* в прозе и драматургии А.М. Горького и т. д.

Специфика поэтонимов данного разряда в том, что при переводах художественного текста на другой иностранный язык встречаются определенные трудности. Они требуют или перевода, если основа восходит к прозвищу, или же сопровождение поэтоним дополнительным комментарием. При переводах не всегда соблюдается полная эквивалентность исходного поэтонима. Например, комедийное имя героя В. Шекспира в переводах на русский язык звучит в различных вариантах: *Прыщ* (перевод П.А. Каншина), *Бородавка* (перевод З.А. Венгеровой), *Лишай* (перевод Б.Л. Пастернака).

Более оправдан вывод, что «говорящие» поэтонимы не должны переводиться, а нуждаются только в тщательно продуманных подстрочных пояснениях переводчика. В «Селе Степанчиково» Ф.М. Достоевского лакей носит фамилию *Видоплясов*, которую меняет на другие фамилии: *Верный*, *Уланов*, *Танцев* и др. Семантика новых фамилий для Видоплясова легко поддается расшифровке. Их можно переводить, например, на английский язык: *Трумен*, *Дансер* и т. д., но при переводе будет нарушена авторская целенаправленность в выборе фамилий для персонажа, так как завистники Видоплясова к каждой новой фамилии для него подбирают рифмы, вроде «скверный», «болванов» или слова непечатного характера, которые на английском языке будут не созвучны переведенным фамилиям персонажа [31].

Поэтонимы, созданные при описании нереальной действительности

По своей сути эти поэтонимы не соотносятся с какой-нибудь конкретной национальной ономастикой. Они встречаются в основном в произведениях фантастических жанров или стилизованного романтического направления.

Обычно такие поэтонимы лишены содержательного смысла и выделяются необычным для национальной ономастики фонети-

ческим оформлением. В фантастическом романе И. Ефремова «Час быка» космонавты носят имена *Фай, Чеди, Олав, Вир, Нея, Дин, Чойо-Чогаз* и др.

Поэтонимы этой группы характерны для романтических произведений А. Грина. Описывая многообразный, созданный воображением мир своей Гринландии, писатель вводит поэтонимы, выделяющиеся фонетическим оформлением без соответствующего соотношения со смысловым содержанием имени: *Авис, Альдо, Атевуд, Ар, Алль, Бевс, Батль* и др.

«Заимствованные» поэтонимы

Поэтонимы данного разряда немногочисленны. Их можно условно назвать «блуждающими» поэтонимами. Своеобразие этих поэтонимов в том, что они уже в первичном употреблении наполнены смысловым содержанием, которое в дальнейшем сопровождает поэтоним во всех случаях его употребления. Таковы многие образы классических произведений литературы.

Ввод таких поэтонимов в новый художественный текст предусматривает и обязательный перенос прежней оценочной содержательности при обязательном появлении каких-то новых характерных признаков. Процесс ввода таких поэтонимов следует рассматривать как творческий, а не «подражательный» [56, с. 237]. Этот художественный прием называется «аллюзией» (намек) и литературной реминисценцией (т. е. возвращение к одноименной ономастической номинации в обрисовке новых типов и характера) [95, с. 42].

Такие поэтонимы играют значительную роль при раскрытии содержания полемиического, пародийного плана. М.Е. Салтыков-Щедрин в произведении «Господа Молчалины» своих персонажей именует *Молчалиным, Чацким, Рудиным*, а в очерке «За рубежом» — *Хлестаковым, Держимордой, Тяжкин-Ляпкиным* и др. В произведениях А. Грина встречаются поэтонимы для вновь созданных персонажей *Кармен* («Жизнь Гнора»), *Собакевич* («Ява»), *Пинкертон* («Бродяга и начальник тюрьмы») и др. В «Евгении Онегине» А.С. Пушкина встречается поэтоним *Скотинин* из «Недоросля» Д.И. Фонвизина.

В произведениях Ф.М. Достоевского некоторые персонажи именуются грибоедовскими поэтонимами (*Левинька* и *Боренька*

в «Горе от ума» и «Униженных и оскорбленных»), пушкинскими (*Акулина Панфиловна* в «Капитанской дочке» и «Дядюшкином сне», *Швабрин* в «Капитанской дочке» и «Идиоте», *Карл Мейер* в «Истории села Горюхина» и «Неточке Незвановой»), гоголевскими (*Каролина Ивановна* в «Шинели» и «Двойнике», *Петрушка* в «Мертвых душах» и «Двойнике», *Теплов* в «Записках сумасшедшего» и «Двойнике»). Имя *Королева Марго* из романа А. Дюма встречается в повести М. Горького «В людях» [31].

4.4. Литературная ономастика в России

Для возникновения науки, изучающей ономастику художественного текста, абсолютно необходимо четкое осознание участниками литературной коммуникации (автором текста и его читателями) художественно-эстетического потенциала собственного имени, включенности онома в общую парадигму изобразительных средств произведения.

Трудно сказать с полной определенностью, когда у литературного онома появился этот статус. Во всяком случае, уже в античной литературе собственные имена играют важную роль, решая не только собственно лингвистические задачи, но и выполняя ряд художественных функций, присущих и современной нам литературной ономией.

Намного позднее сформировались интралингвистические предпосылки развития литературной ономастики. Лишь в прошлом веке лингвистика в достаточной мере апробировала ряд важнейших идей, легших в основание новой дисциплины. Это прежде всего представления о системности языка и знаковом характере слова, и в частности имени собственного, предполагающие выделение в нем плана выражения и плана содержания, означающего и означаемого. Существенную роль в понимании того, как функционирует оним в тексте, сыграло четкое разграничение языка и речи, так как именно в речевой коммуникации собственное имя реализует свой богатый и разнообразный семантический потенциал. Когда выработанные в рамках структурализма строгие научные методы были перенесены на исследование речевых феноменов, это послу-

жило одной из важнейших предпосылок становления и развития литературной ономастики.

Не менее продуктивным оказалось внедрение структурных методов в литературоведческую науку, осуществленное русской формальной школой в 20-е годы прошлого века, и творческое развитие и переосмысление их московско-тартуской семиотической школой в 60–70-е годы. Литературная ономастика, будучи принципиально комплексной, пограничной наукой, могла быть разработана в полной мере только тогда, когда были накоплены необходимые знания и теоретические обобщения не только в области лингвистики, но и литературоведения, а также логики, семиотики и герменевтики, на чьи достижения она опиралась и опирается в своем развитии.

В русской литературе объектом рефлексии собственные имена как особый лексический разряд впервые стали в художественной практике классицистов. Примечательно, что М.В. Ломоносов, совместивший в своем подходе к литературе позиции теоретика и практика, видел в именах собственных один из мощных тексто- и стилеобразующих факторов.

Гораздо чаще к именам обращались в связи с определенной интерпретацией тех или иных персонажей. Имя при этом не выделялось из художественной и языковой ткани всего произведения в качестве самостоятельной смысловой сущности и отдельного объекта исследования, а воспринималось как атрибут персонажа или даже целого литературного направления и привлекалось только в связи с их анализом. Поэтому на протяжении XVIII–XIX вв. почти не находится более или менее развернутых рассуждений о статусе и функциях литературного имени: в сферу интересов лингвистики литературные онимы не попадают, а исследователи литературы и литературные критики ограничиваются отдельными краткими замечаниями, иногда, впрочем, достаточно точными и интересными.

Рассматривая образ Печорина и сравнивая героя с Онегиным, критик замечает: «Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою. Иногда в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость, хотя, может быть, и не видимая самим поэтом...» [94, с. 112]).

Если развернуть это вскользь брошенное замечание в терминах современной литературной ономастики, мысль критика можно интерпретировать следующим образом: имя лермонтовского героя определяет его относительно пушкинского персонажа, и, следовательно, онимы *Онегин* и *Печорин* являются коррелирующими знаками; они создают в читательской проекции лермонтовского романа интертекстуальную ономастическую оппозицию, выражая переключку образов; образы при этом оказываются в отношениях объекта читательской рефлексии и фона для этой рефлексии, а внутренняя форма фамилий выступает в качестве знака, манифестирующего концептуально важный компонент содержательной структуры произведения через сближение означаемых данных имен. Белинский, впрочем, не настаивает на обязательном наличии рационально осознанной авторской установки такого сближения имен и номинируемых ими персонажей. По его мнению, интуитивный характер создания ономастической номинативной единицы не препятствует закономерному осознанию интертекстуальной переключки со стороны читателя.

Проницательное суждение критика имеет, однако, мимолетный характер, так как в центре его внимания не лингвистические или семиотические механизмы выражения определенного художественного содержания, а само это художественное содержание и его отношение к внешней реальности.

Первые работы, посвященные непосредственно собственным именам, появляются в начале XX века. Их заслуга состоит в том, что они впервые поставили в центр научного поиска имя, переведя его из разряда удобных и всегда имеющихся под рукой иллюстраций или аргументов в категорию объектов, имеющих полноценное право на исследовательский интерес.

Большой вклад в постепенное формирование литературной ономастики внесли представители формальной школы. Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.В. Виноградов, исследуя произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других русских писателей, на конкретном материале формулируют ряд положений, оказавших заметное влияние на последующее развитие данной дисциплины. Так, Ю.Н. Тыняновым была высказана глубокая

идея о принципиальной мотивированности литературного онима художественным образом, следствием чего является характеризующий потенциал имени; в произведении, по его мнению, нет и не может быть «неговорящих» имен, всякое имя в каком-либо отношении характеризует образ и потому представляет собой средство достижения художественной выразительности.

Принятие и усвоение идеи художественной ценности литературного имени потребовало изучения собственных имен как в лингвистическом (в качестве языкового и стилистического феномена), так и в литературоведческом (в качестве компонента литературного произведения) аспекте. Поэтому понятно обращение к собственным именам лингвистов и литературоведов 1930–1940-х годов.

В.В. Виноградов в фундаментальном труде о стиле Пушкина рассматривает некоторые собственные имена, использованные писателем в своих произведениях, в стилистическом аспекте. Практические исследования позволяют ему несколько позже выдвинуть в качестве одной из важнейших и перспективных для науки о русском литературном языке задач изучение истории имен и фамилий персонажей русской литературы XVIII–XIX веков [16]. Несомненно, этому интересу со стороны лингвистов к именам в произведениях художественной литературы немало способствовали и достижения исторической ономастики по изучению становления русского антропонимикона.

Не менее активно со своих позиций анализировали собственные имена и литературоведы. Например, сразу несколько авторов юбилейного сборника статей (1946), выпущенного к 150-летию со дня рождения А.С. Грибоедова, рассматривая его комедию «Горе от ума» в различных аспектах, прибегают к ономастическим наблюдениям. В том же году опубликована большая статья Ю.Н. Тынянова в другом посвященном творчеству Грибоедова сборнике, в которой исследователем на основании сближения фамилий главного героя пьесы и исторически реального П.Я. Чаадаева предлагаются параллели между литературным и историческим персонажами.

Определяющими для возникновения русской литературной ономастики стали 1950-е годы. Утверждается представление о самостоятельной ценности имени собственного как объекта филоло-

гического анализа. Начинается этап накопления данных и эмпирического освоения разрозненного фактического материала.

Внимание исследователей прежде всего привлекли произведения русской классики XIX века, прочно вошедшие в культурный фонд и лучше всего изученные в филологическом отношении. Для анализа обычно выбиралась ономастика писателей, употреблявших литературные имена с яркой внутренней формой или очевидным социальным колоритом, которые сразу бросались в глаза и облегчали распознавание характеризующих функций этих имен. Так, среди двадцати двух публикаций, вышедших в 1950-е годы, пять работ было посвящено ономастике Некрасова, по четыре – Салтыкова-Щедрина и Чехова (в основном, раннего), три – Гоголя; остальным писателям (Л. Толстому, Достоевскому, Н. Успенскому, Слепцову, Решетникову) посвящены единичные работы.

В это же время начинается разработка более общих вопросов поэтики собственного имени и основных теоретических понятий, необходимых для анализа литературного материала. В 1956 году защищается первая кандидатская диссертация по литературной ономастике (В.Н. Михайлов), обобщившая накопленные сведения об антропонимии художественного текста и знаменовавшая собой новую стадию изучения собственных имен в художественном тексте [49]. Вторую половину 1950-х – начало 1960-х годов и следует считать датой рождения новой научной дисциплины. Именно в это время окончательно утверждается мнение о самостоятельности ее объекта, эмпирическим путем ищутся методы исследования, накапливается материал, начинает определяться круг задач, вырабатываются основы терминологии. Таким образом, на настоящий момент современной русской литературной ономастике чуть более 50 лет.

С начала 1960-х годов началось активное развитие новой науки. Темпы этого развития можно проследить по неуклонному и достаточно быстрому увеличению количества научных публикаций, посвященных самым разным вопросам литературной ономастики.

В библиографическом списке начала XXI века содержится в общей сложности около 850 названий работ по данной проблематике, которые отражают движение русской литературной ономастики от ее истоков к современному состоянию. Из них шестидесятью

годами датируется 48 работ (более 5% общей численности), семидесятыми – 116 работ (более 13%), в восьмидесятые годы вышло 229 работ (около 27%), а в девяностые и первые годы нового тысячелетия появилось 434 публикации (более 51%). На остальные работы, вышедшие до 60-х годов прошлого века, приходится менее 3% общего числа публикаций [94].

После распада СССР в ближнем зарубежье оказались сильнейшие ономастические школы, бывшие центрами развития литературной ономастики в Советском Союзе. Так, в 1960–1980-е годы собственные имена активно изучались филологами Самаркандского и Ташкентского университетов в Узбекистане, среди которых специалистам по ономастике наиболее известны имена С.И. Зинина и Э.Б. Магазаника.

На Украине вокруг Ю.А. Карпенко, В.Н. Михайлова и Е.С. Отинна возникли целые научные направления, во многом определившие пути развития литературной ономастики. После получения республикой независимости в их деятельности произошли определенные изменения, и в центре внимания украинских ономастов закономерно оказалась родная литература, хотя и к русской словесности интерес в этих школах вовсе не утрачен.

Сейчас накоплен значительный материал как по общим вопросам литературной ономастики (специфика литературных онимов, их функции в художественном тексте, взаимодействие с другими единицами текста и тропами, приемы и способы выражения именами разнообразных смыслов и т. д.), так и по конкретным авторам и произведениям. Конечно, собранный и изученный материал представлен очень неравномерно: одним проблемам, писателям, произведениям уделяется значительно больше внимания, чем другим. Это хорошо видно при сопоставлении количества работ по авторам одного хронологического периода: к примеру, если по ономастике А.С. Пушкина в библиографии имеется 57 работ, то по ономастике М.Ю. Лермонтова – всего 7, а по антропонимам у А.С. Грибоедова – 9.

Немало работ по собственным именам в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, тогда как проза И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова, И.А. Бунина, А.И. Куприна изучена в этом отношении гораздо хуже. Произведе-

ния современных авторов вообще крайне редко привлекают внимание исследователей литературной ономии, хотя перспективность их изучения в ономастическом аспекте вряд ли у кого-то из лингвистов, занимающихся литературной ономастикой, вызывает сомнение.

Неравномерно изучены разряды литературных ономов: основная масса работ посвящена изучению антропонимии, намного меньше работ по литературным топонимам, а исследования по другим разрядам ономастической лексики (зоонимам, астронимам, хрематонимам и т. д.) буквально единичны. Этот факт, несомненно, объясняется количественным преобладанием и функциональным превалированием антропонимии в художественном тексте, что, в свою очередь, находит объяснение в принципиальной антропоцентричности художественного текста.

Накопленный фактический материал и эмпирические наблюдения многих исследователей, рассыпанные по многочисленным публикациям, обуславливают потребность литературной ономастики в теоретической концепции, которая могла бы послужить основой дальнейшей научной деятельности. Современная литературная ономастика находится на той стадии, когда особенно плодотворно обобщение полученных результатов, выявление в описанных фактах общих закономерностей и определение приоритетных, наиболее перспективных направлений их изучения. На русском языке опубликовано не более десятка книг по данной дисциплине, весьма различающихся между собой объемом, подходом к объекту исследования, методиками анализа и поставленными целями. Это разнообразие закономерно: оно отражает реально существующие расхождения между исследователями в понимании предмета литературной ономастики и ее места в филологической парадигме.

Среди опубликованных по указанной теме монографий преобладают работы лингвистического характера. Осознание того, что собственное имя является лингвистической единицей, функционирующей в специфическом контексте и выполняющей специфические художественные задачи, объединяет большинство данных исследований. Только книга М.С. Альтмана демонстрирует чисто литературоведческий подход к объекту – ономастике Ф.М. Достоевского (1975). Остальные авторы при рассмотрении

ономастической лексики так или иначе обращаются к понятиям и идеям современной лингвистики. Это характерно и для двух работ В.Н. Михайлова (1965; 1981), выросших из практических потребностей преподавания соответствующей лингвистической специальности в рамках вузовской программы, и для работы Э.Б. Магазаника (1978), делающей упор на изучении художественных свойств собственных имен и их потенциала в области поэтики, и для книги О.И. Фоянковой (1990), попытавшейся ввести литературную ономастику в круг смежных лингвистических дисциплин, прояснить их взаимоотношения и показать разнообразие конкретных методов исследования литературной онимики.

Очень продуктивным для литературной ономастики оказался рубеж тысячелетий, когда появилось сразу три крупных монографии, отразивших напряженный поиск этой наукой новых путей развития. Вместе с тем они показали и многоаспектность современной русской литературной ономастики, разнообразие ее интересов и различное понимание ею своих задач.

Предметом исследования А.Б. Пеньковского (1999) стал литературный оним *Нина*, который позволил автору в результате лингвокультурологического и герменевтического анализа употребления этого имени в ряде произведений русской литературы сделать весьма интересные выводы о его концептуальном наполнении. Исследованию положения ономастической системы в языке и отражению ее свойств в художественной речи посвящена монография В.И. Супруна (2000). Определенный итог изучению поэтики собственных имен в литературе на настоящий момент подводится в книге украинского ученого В.М. Калинкина (1999) [94, с. 117].

С известной долей условности можно говорить о четырех линиях в изучении литературной онимики. Первая может быть названа «философской», так как имя здесь рассматривается в его отношении к другим философским категориям и традиционной философской проблематике. К этому направлению принадлежат работы С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и некоторые другие. Вторая линия («логическая») представлена работами специалистов по логике естественного языка, обратившихся к анализу имен собственных. В этих работах оним рассматривается в контексте теории референ-

ции и в парадигме логических категорий. Третья линия представлена работами традиционной литературоведческой, а четвертая – лингвистической направленности. Степень близости между двумя последними гораздо больше, поскольку они имеют дело с проблематикой смежных наук и, вдобавок, при изучении очень специфичного и многоаспектного по своей природе явления – языковой единицы в литературно-художественной коммуникации.

Из четырех названных направлений наиболее перспективным для литературной ономастики представляется последнее, так как именно в его рамках наиболее полно и объективно могут быть учтены и рассмотрены факторы, влияющие на возникновение и интерпретацию художественного текста. Это в полной мере соответствует повороту современной лингвистики от изучения статической языковой системы к исследованию «языка в его действии». Появившиеся в результате такого поворота новые лингвистические дисциплины – когнитивная лингвистика, теория дискурса, теория интертекста и др., а также активно развивающиеся лингвистика текста и поэтика, – это те науки, с которыми литературная ономастика может эффективно взаимодействовать при решении своих задач.

Особенно это касается работ с литературоведческой доминантой. Работы всех направлений обогащают литературную ономастику свежими идеями и концепциями, позволяя взглянуть на ее предмет под новым углом зрения. Например, теория референции, логическая по своей сущности, может быть применена и при анализе литературной онимии. Вообще, излишняя строгость и однозначность очерченных границ данной научной отрасли только препятствовали бы развитию литературной ономастики и упрощали реальную сложность ее генезиса, ограничивая возможности дальнейших исследований.

Представляется наиболее эффективным широкий комплексный подход к материалу исследования: к сфере компетенции литературной ономастики должны быть отнесены не только факты употребления имен собственных в художественном тексте, но и случаи импликации литературных онимов, художественно мотивированного отказа от их употребления (своеобразный «нуль-прием»), и закономерности взаимодействия с ономастической номинацией номинации апеллятивной и местоименной и т. д.

4.5. Имя собственное как компонент фразеологизма, прецедентные онимы

Фразеологизмы, имеющие в своем составе собственные имена, составляют значительный пласт идиоматического фонда языка. Ценность фразеологии с ономастическими компонентами состоит в том, что она отражает национальную специфику народа, сообщает о его обычаях, традициях, истории, культуре. Онимы, употребляемые в составе фразеологических единиц, называют предметы (лица), актуальные для данного языкового сообщества.

Изучением функционирования фразеологизмов с собственными именами занимались такие ученые, как В.Н. Андреев, В.М. Мокиенко, Д.Б. Гудков, Е.А. Добрыднева, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева, Г.Г. Сергеева и др. Исследования в данной области ономастики были посвящены таким вопросам, как место собственного имени в составе русской фразеологии [50], прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка [25; 26], прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации [43], функционирование имен собственных в арготических фразеологизмах [2] и др.

На основе изучения данной проблемы сделаны выводы о том, что, опираясь на функционально-семантическую теорию значения имени собственного, можно судить о семантике онимов в составе фразеологических оборотов. Становясь компонентом фразеологической единицы, имя собственное начинает выполнять функцию имени нарицательного, потому что оно становится обобщенным наименованием однородных предметов, обладающих совокупностью определенных свойств. Оним перестает быть выражением индивидуального, единичного, но сохраняет генетическую и смысловую связь с исходным именем собственным.

Характерной чертой имени собственного в составе фразеологизма является то, что при семантическом варьировании оно может иметь функциональный синоним — имя нарицательное (*валять ваньку* — *валять дурака* «дурачиться, делать глупости») при сохранении семантики высказывания.

Фразеологизмы с собственными именами часто встречаются в мифологии и религии (например, фразеологические сращения

нить *Ариадны*, *Ноев ковчег* и фразеологические сочетания *сизифов труд*, *соломоново решение*). Такие имена собственные называются прецедентными, то есть известными представителям определенного сообщества и входящими в когнитивную (познавательную) базу их деятельности. Прецедентное имя собственное, отражая представление об именуемом предмете, способно выражать коннотации, устойчивые признаки понятия, закрепленные за этим именем в данном языковом коллективе.

Социальная оценка предмета отражается часто благодаря включению имени собственного в состав устойчивого сочетания (*филькина грамота* – «ничего не значащая бумажка», *во всю ивановскую* – «очень громко»). Характерной чертой фразеологизмов данного типа является то, что онимы в их составе обычно пишутся с маленькой буквы, что свидетельствует об обобщенности наименования. Фразеологические единицы с компонентами-собственными именами нередко передают негативную экспрессивную коннотацию, что зачастую выражается с помощью грамматических и словообразовательных средств. Например, фразеологизм *филькина грамота* выражает пренебрежительную оценку из-за употребления имени собственного с суффиксом разговорной окраски, что придает ему оттенок фамильярности (*Филипп* – *Филя* – *Филька*).

В некоторых фразеологизмах встречаются имена собственные, созвучные с именами нарицательными, придающими устойчивым сочетаниям шуточный характер. Такие фразеологические единицы создаются на основе паронимии, самой употребительной фигуры в жаргоне (*Харитона мать* (ср. *харя* – груб. простореч. *лицо*) – «спать»). Яркая экспрессивность фразеологических оборотов обусловливается гипотетической выводимостью значения подобных онимов из нарицательных наименований.

Функционирование фразеологизмов с собственными именами характерно и для жаргона, который представляет собой открытую и активно пополняющуюся языковую систему. Жаргон выражает эмоции, оценку человека, и фразеологические единицы используются для экспрессивной характеристики предметов. Жаргонные фразеологизмы представляют интерес для изучения и анализа особенностей восприятия действительности и вещей, так как они со-

здают уникальную образность, отражая мироощущение носителя жаргона. Онимы в составе жаргонных фразеологических единиц обладают значением и способны претерпевать различные типы семантических изменений. Характер типов изменений семантики имен собственных зависит от их содержания, т. е. от принадлежности к классу общих или прецедентных онимов.

Прецедентность как лингвистическое явление обусловлена национальными, социальными, историческими и другими факторами. Изучение прецедентных феноменов входит в сферу интересов когнитивной лингвистики. Впервые обратил внимание на проблему прецедентности Ю.Н. Караулов в работе «Русский язык и языковая личность» [38]. Прецедентность характеризуется такими чертами, как известность большинству представителей лингвокультурного сообщества, актуальность в познавательном и эмоциональном плане, постоянная возобновляемость в речи.

В современной литературе собственные имена рассматриваются как один из прецедентных феноменов. Обладающие широкой известностью у языкового коллектива индивидуальные имена могут обрести понятийное содержание и способность не только указывать на конкретного индивида, но и обозначать некоторое множество объектов, приписывая им определенные признаки, свойства, качества (т. е. функционировать подобно нарицательным) [26, с. 35].

Прецедентные имена собственные составляют обширный пласт среди онимов. Они отражают инвариантные представления о личных именах, которые хранятся в когнитивной базе языкового сообщества, определяются национальной культурой. Главной составляющей прецедентных имен является комплекс фоновых знаний об употребляемом имени, которые зависят от культурной компетенции индивида. Денотат прецедентного онима опирается на представления об именуемом им культурном явлении или предмете (о политическом, научном деятеле, художнике, писателе, литературном персонаже). Сигнификат прецедентного имени представляет собой энциклопедические знания об обозначаемом предмете, хотя и в максимально редуцированном виде. Субъективный, индивидуальный инвариант денотата может не совпадать с общепризнанным национальным представлением, но опирается на него. Прецедентное имя может

иметь коннотативные семы и употребляться для характеристики объекта высказывания. Признаки выражаемого прецедентным онимом понятия имеют устойчивый характер, так как воплощают общепринятую оценку предмета. Прецедентные имена собственные значимы для говорящего в познавательном и эмоциональном отношениях и хорошо известны окружению данной личности.

Источниками появления прецедентных онимов являются исторические реалии (*Куликовская битва, Мария Стюарт, Усама Бен Ладен, Ричард Львиное Сердце, Иван Грозный, мать Тереза, Папа Римский, нашествие Наполеона, Миклухо-Маклай среди дикарей*), политическая сфера (*лохматить Шандыбина, играть в Жириновского*), произведения литературы и их персонажи (*Анна Каренина, папа Карло, Герасим и Му-Му, Карабас Барабас*), композиторы и их музыкальные произведения (*марш Мендельсона, Иоганн Себастьян Бах*), рекламные тексты (*Тетя Ася*), кинематография (*Джеймс Бонд, Луис Альберто, Просто Мария, Рабыня Изаура*), мультипликация (*Том и Джерри, Чип и Дейл, Винни Пух*), телевидение (*Последний герой, Сам себе режиссер, Очумелые ручки, Большая стирка, Фактор страха*).

К числу основных признаков прецедентных онимов можно отнести следующие: известность, отличающаяся такими характеристиками, как популярность и общепризнанность; целостность восприятия (без вычленения составных частей); воспроизводимость содержания, т. е. постоянное возобновление единства всех основных элементов целого, его свойств и связей; стандартность формы, выражающаяся в повторяемости в неизменном виде, устойчивости; жесткая ассоциативность – связь между определенной языковой единицей и явлением, которое она номинирует; частотность употребления, предполагающая многократное применение. Этот признак прецедентности реализуется за счет сокращений и аббревиатур, а также употребления фамилий без инициалов (Например, *Толстой* в значении «ученик, написавший большое сочинение»). В каждой национальной литературе есть авторы, названия произведений и имена персонажей которых становятся прецедентными. В английской литературе такими являются произведения У. Шекспира и связанные с ними прецедентные имена *Отелло, Гамлет, Ромео и Джульетта*.

Большинство прецедентных имен собственных имеют частотный характер, т. е. они известны многим современным людям в мире и входят в универсальное когнитивное пространство (*Иван Грозный* со значением «директор школы», *Анна Каренина* со значением «учительница русского языка и литературы», *Наташа Ростова* со значением «молодая учительница русского языка и литературы», *Гарри Поттер* со значением «отличник», *мать Тереза* со значением «школьная медсестра»).

Также можно выделить национально-прецедентные онимы, актуальные, значимые для представителя того или иного национально-лингвокультурного сообщества, однако не приобретшие еще универсальный характер (*Хорь и Калиныч*, *Герасим и Му-Му* – «директор и завуч»). Часто разные национально-прецедентные феномены в лингвокультурных сообществах актуализируют одно и то же явление или качество. Полного человека можно назвать американским прецедентным именем *Шрек* (персонаж серии американских мультфильмов). Прецедентные имена *Мэри Поппинс*, *Фрэнкен Бок* обозначают воспитательницу, учителя и т. д.

Прецедентное имя характеризуется информативностью, познавательной и эмоциональной ценностью для носителя языка, инвариантностью и символичностью. Заключая в себе значение в концентрированном виде, прецедентный оним способен обозначать внешность человека (*Дядя Степа*), тип его характера (*Обломов*), модель поведения (*Отелло*), социальное положение (*Абрамович*).

Прецедентные единицы фразеологизмов выполняют различные функции: дескриптивные, референтные, оценочные. Например, в жаргонной фразеологической единице *Иван Грозный* со значением «директор школы» имя собственное является очень яркой характеристикой сурового, властного, строгого человека не только благодаря значению слова-компонента «грозный». Говорящий апеллирует к фоновым знаниям собеседника, к которым относится осведомленность о личности Ивана Грозного: его внешности, характере, судьбе. Таким целостным образом характеризует носитель жаргона директора школы, который воплощает в себе, подобно правителю государства, закон и порядок учебного заведения.

Яркой характеристикой является жаргонный фразеологизм *Гарри Поттер* со значением «отличник; эрудированный, способный ученик». Образ Гарри Поттера близок современному школьнику не только по книгам Дж. Роулинг, но и по ярким экранизациям ее произведений. Это худенький мальчик с взъерошенными волосами и большими очками. Выразительную силу фразеологизму придает типичный для всех отличников визуальный образ, нашедший отражение в серии фильмов о Гарри Поттере. Положительные коннотации фразеологизму придает одобрительное отношение к персонажу, так как Гарри не только способный ученик, но и хороший друг, товарищ [19].

В речевой практике говорящий обычно передает как свои собственные, индивидуальные оценки, характеристики предметов, так и общенациональные. Поэтому употребительность прецедентных имен собственных зависит от межкультурных контактов, уровня образованности и просвещенности членов лингвокультурного сообщества. Прецедентное имя собственное, с одной стороны, связано со своим источником и содержит важную информацию о нем, а с другой — обретает самостоятельность и способность обозначать признак в отвлечении от своего носителя.

Необходимо отметить, что в жаргонной фразеологии существует небольшое количество фразеологизмов, имеющих в своем составе имя собственное с символизированным значением. Это объясняется тем, что символы обычно несут в себе положительную коннотацию, что для жаргона нехарактерно. Например, жаргонный фразеологический оборот *слушать Мендельсона* — «присутствовать на акте бракосочетания». В данном фразеологизме символизация значения имени собственного мотивируется его метонимическим переосмыслением (перенос наименования с фамилии композитора на его музыкальное произведение). Символизация онима обусловлена культурной традицией: марш Мендельсона является неизменным атрибутом свадебной церемонии. Фразеологизм имеет положительную эмоционально-экспрессивную окраску, так как в его составе используется стилистически и эмотивно нейтральное слово «слушать» и компонент — имя собственное с положительной коннотацией.

Коннотации играют особую роль в прагматическом компоненте precedentного онима, используемого во фразеологизмах. Коннотация дает возможность говорящему воздействовать на сознание и эмоции слушателя. Использование precedentных имен собственных заставляет индивида осмысливать их значение, применяя свой культурный, образовательный и социальный опыт. Если оценка явно не выражена при употреблении precedentного имени, то его коннотации могут быть различны, несмотря на наличие у каждой фразеологической единицы основных сигнификативных значений (например, *Бритни Спирс*: 1 – «молодая, неопытная учительница»; 2 – «привлекательная девушка»). Смысловую неполноту высказывания слушатель может восстановить, нейтрализовать, принимая во внимание свои фоновые знания и возможный контекст [63].

Оценочный компонент, заключенный в значении фразеологизма, является особенно значимым (*Ален Делон* – «красивый мужчина»). С оценочным компонентом значения precedentного имени собственного связан эмоциональный компонент, выражающий чувства и эмоции (*напа Карло* – «трудяга»). Оценка человеком какого-то явления, как правило, влечет за собой эмоциональное отношение, переживание. Оценочный и эмоциональный компоненты коннотации обычно связаны с экспрессивным компонентом, который выражает большую степень проявления признака. Precedentные онимы не нуждаются в специальных словах-интенсификаторах, которые увеличивали бы коннотативные оттенки фразеологизма. Будучи концентрированной единицей, precedentное имя включает все три компонента коннотации (оценка, эмоции, экспрессивность), тем самым представляя собой чрезвычайно выразительную единицу.

Таким образом, к особенностям значения precedentных имен собственных в составе фразеологизмов можно отнести чрезвычайную степень информативности, познавательную и эмоциональную ценность для носителя языка, символичность и экспрессивность. Для precedentных онимов важно наличие набора определенных признаков именованного предмета для выражения ассоциативной связи и коннотаций, которые заставляют человека осмысливать их значение, применяя свой культурный, образовательный и социальный опыт. Precedentное имя собственное, функционирующее

в составе фразеологизмов, с одной стороны, связано со своим источником и содержит важную информацию о нем, а с другой — обретает самостоятельность и способность обозначать признак в отвлечении от своего носителя. Включение прецедентных онимов в состав фразеологических единиц позволяет апеллировать к культурным и энциклопедическим знаниям собеседников, что помогает судить о языковой картине в целом.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Каковы основные проблемы поэтической ономастики?
2. Дайте определения понятий «ономастическое пространство художественного произведения» и «поэтоним».
3. На каких принципах базируются классификации поэтонимов?
4. Назовите разряды поэтонимов. В чем их специфика?
5. Какой стилистический прием используется писателями на основе «заимствованных» поэтонимов?
6. Приведите примеры разрядов поэтонимов из художественной литературы (на выбор).
7. Каковы основные этапы становления поэтической ономастики в нашей стране?
8. Прочитайте гл. II–V первой части книги П.А. Флоренского «Имена». Каковы основания определения автором художественных образов как имён «в развернутом виде»?
9. Подготовьте сообщение по одной из статей второй части («Словарь имен») книги П.А. Флоренского «Имена». Что является значимым для автора при определении внутренней структуры имени?
10. Что такое «прецедентность»? Кто впервые ввёл это понятие?
11. Каковы отличия общих и прецедентных имен собственных?
12. Приведите 4–5 примеров современных прецедентных имен собственных, обоснуйте свой выбор.
13. Какая информация представлена в именах собственных, входящих во фразеологические единицы? На чем базируется экспрессивность онима во фразеологической единице?
14. Сделайте анализ 2–3 онимических фразеологизмов с точки зрения происхождения и/или разряда имени собственного, представленного во фразеологической единице.

Рекомендуемая литература

1. Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 9–16.
2. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – С. 233–245.
3. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – М. : Купина, 1993.
4. Фоякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фоякова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Ономастика как наука об именах. Место ономастики среди других наук.
2. Проблематика ономастики. Специфика ономастики как научной дисциплины, её связь с другими науками.
3. История изучения собственных имен. Статус имени собственного.
4. Аpellятив и его онимизация. Аpellятивация имен собственных.
5. Понятие «ономастическое пространство»: объем и содержание.
6. Классификации собственных имен.
7. Семантика имени собственного, его категории.
8. Семантическая модель онима.
9. Методы ономастических исследований: описательный, исторический и сравнительно-сопоставительный.
10. Ареальный, семиотический и стилистический методы ономастических исследований.
11. Методы ономастических исследований (психолингвистический и статистический).
12. Разряды имен собственных.
13. Антропонимия: личное имя как социальный знак.
14. Национальные именники России.
15. Основные этапы и процессы в истории русской антропонимики.
16. Русская антропонимическая модель.
17. Происхождение русских отчеств.
18. Проблемы семантики фамилий.
19. Генеалогия как наука, изучающая историю рода.
20. Ономастическая лексикография. Типы ономастических словарей.
21. Словари русских личных имен и фамилий.
22. Словарь древнерусских имен Н.М. Тупикова.
23. Русские фамилии тюркского происхождения.
24. Искусственные фамилии: семантика, словообразование.
25. История псевдонимов.
26. Антропонимы: семантика, структура, происхождение (на языковом материале по выбору студента).
27. Топонимика. Группировка и классификация топонимов.
28. Волжские топонимы.
29. Волжские топонимы на карте г. Тольятти.

30. Названия населенных пунктов Ставропольского района Самарской области с точки зрения происхождения.
31. Названия населенных пунктов Ставропольского района Самарской области в лексико-семантическом и структурном аспектах.
32. Неофициальные наименования г. Тольятти.
33. Урбанонимия Ставрополя-на-Волге.
34. Топонимия Тольятти. Проблема переименования.
35. Микротопонимия одного из районов города Тольятти.
36. Ономастика как источник изучения ментальности городской провинции (на материале ономастического пространства г. Тольятти).
37. Космонимы и астронимы, народная космонимика.
38. Зоонимы и зоонимическое пространство.
39. Этнонимы, их история и типы.
40. Древнерусская теонимия.
41. Проблемы поэтической ономастики.
42. Ономастическое пространство художественного произведения.
43. Разряды поэтонимов. Принципы классификации поэтонимов.
44. Литературная ономастика в России: история и перспективы.
45. П.А. Флоренский о художественно-эстетическом потенциале онимов.
46. Имя собственное как компонент фразеологизма.
47. Прецедентность имени собственного.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н.Ф. О природе ономастической семантики / Н.Ф. Алефиренко // Ономастика Поволжья : тезисы докладов VIII Междунар. конф. 8–11 сент. 1998 г. / отв. ред. В.И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 165–168.
2. Андреев, В.Н. Функционирование имён собственных в арготических фразеологизмах / В.Н. Андреев // Язык. Речь. Речевая деятельность : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2003. – С. 3–10.
3. Апресян, Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
4. Барашков, В.Ф. Самарская топонимика / В.Ф. Барашков, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1996. – 192 с.
5. Баскаков, Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н.А. Баскаков. – М. : Наука, 1979. – 280 с.
6. Бахвалова, Т.В. Микротопонимическая система вологодской деревни как отражение мировосприятия северного жителя / Т.В. Бахвалова // // Рябининские чтения-2007. – Петрозаводск, 2007. – 497 с.
7. Беленькая, В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка / В.Д. Беленькая. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 168 с.
8. Березович, Е.Л. К построению комплексной модели топонимической семантики / Е.Л. Березович // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 5–13.
9. Блау, М.Г. Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий : словарь-справочник / М.Г. Блау. – М. : ЭНАС, 2010. – 209 с.
10. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
11. Бондалетов, В.Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения / В.Д. Бондалетов // Ономастика и норма. – М. : Наука, 1976. – С. 12–46.

12. Бояркин, В.Д. Фразеологические единицы с ономастическим компонентом в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Д. Бояркин. – Л. : ЛГУ им. А.А. Жданова, 1987. – 17 с.
13. Введенская, Л.А. От собственных имен к нарицательным : кн. для учащихся ст. классов сред. шк. / Л.А. Введенская, Н.П. Колесников. – 2-е изд., испр, и доп. – М. : Просвещение, 1989. – 143 с.
14. Веди́на, Т.Ф. Словарь личных имен / Т.Ф. Веди́на. – М. : АСТ, 2000. – 608 с.
15. Веселовский, С.Г. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Г. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
16. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
17. Волчек, О.Д. Проблема ментальности и значение имени / О.Д. Волчек // Социально-психологические проблемы ментальности. – Смоленск, 2002. – С. 103–106.
18. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М. Ганжина. – М. : Астрель : АСТ, 2001. – 672 с.
19. Гладченкова, Е.А. Особенности значения прецедентных онимов в составе жаргонных фразеологизмов / Е.А. Гладченкова // Образовательный процесс: взгляд изнутри : материалы IV Международ. научно-практ. конф. : в 2 т. – Днепропетровск, 2010. – Т. 2. – С. 29–36.
20. Голомидова, М.В. Искусственная номинация в ономастике / М.В. Голомидова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.
21. Горбаневский, М.В. В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. – М. : Знание, 1987. – 208 с.
22. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М.В. Горбаневский. – М. : ОЛРС, 1996. – 304 с.
23. Горбачевич, К.С. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга / К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло. – СПб. : Норинт, 2002. – 353 с.
24. Грушко, Е.А. Энциклопедия русских фамилий / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 592 с.

25. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 1998. – Вып. 4. Филология. – С. 82–92.
26. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М. : МГУ, 1999. – 152 с.
27. Дорогая, В.Б. Имя собственное и нарицательное в системе наименований персонажа (Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Б. Дорогая. – Л., 1985. – 22 с.
28. Душечкина, Е. Светлана. Культурная история имени / Е. Душечкина. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 227 с.
29. Жучкевич, В.А. Общая топонимика / В.А. Жучкевич. – Минск : Высш. шк., 1980. – 288 с.
30. Зинин, С.И. Антропонимия «Войны и мира» Л.Н. Толстого / С.И. Зинин // Русский язык в школе. – 1978. – № 4. – С. 74–77.
31. Зинин, С.И. Введение в поэтическую ономастику [Электронный ресурс] / С.И. Зинин. – URL : <http://www.planeta-imen.parod.ru/litonomastika/vstuplenije.html>.
32. Зинин, С.И. Русские отчества / С.И. Зинин // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О.Н. Трубочёва. – М. : Школа-Пресс, 1994. – С. 186–196.
33. Зубов, Н.И. Теонимика / Н.И. Зубов // Русская энциклопедия. Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О.Н. Трубочева. – М. : Школа-Пресс, 1994. – С. 219–221.
34. Зубов, Н.И. Теонимия древнерусская / Н.И. Зубов // Русская энциклопедия. Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О.Н. Трубочева. – М. : Школа-Пресс, 1994. – С. 221–227.
35. Иванов, Вяч. Вс. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М., 1974. – С. 217–243.
36. Ивашко, В.А. Как выбирают имена / В.А. Ивашко. – Минск : Высш. шк., 1980. – 176 с.

37. Имя: Семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН ; отв. ред. Т.М. Николаева. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 360 с.
38. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : ЛКИ : УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
39. Карпенко, М.В. Русская антропонимика / М.В. Карпенко. – Одесса : Одес. гос. ун-т, 1970. – 42 с.
40. Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 9–16.
41. Карпенко, Ю.А. Названия звездного неба / Ю.А. Карпенко. – М. : Наука, 1981. – 184 с.
42. Ковалев, Г.Ф. История русских этнических названий / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж : ВГУ, 1982. – 160 с.
43. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных [и др.] // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.
44. Кузнецова, Л.Н. О произношении отчеств / Л.Н. Кузнецова // Русская речь. – 1984. – № 5.
45. Курилович, Е. Положение имени собственного в языке / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 251–266.
46. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М. : МГУ, 1990. – 269 с.
47. Магазаник, Э.Б. Ономапозитика или «говорящие имена» в литературе / Э.Б. Магазанник. – Ташкент : ФАН, 1978. – 146 с.
48. Матвеев, А.К. Вершины Каменного Пояса: названия гор Урала / А.К. Матвеев. – 2-е изд., переработ. и доп. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990. – 288 с.
49. Михайлов, В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX века, их функция и словообразование : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Михайлов. – М., 1956. – 20 с.
50. Мокиенко, В.М. Собственное имя в составе русской фразеологии / В.М. Мокиенко // Ctskoslovenska rusistika. – 1977. – № 1 (XXII). – С. 1–8.

51. Мурзаев, Э.М. География в названиях / Э.М. Мурзаев. – М. : Наука, 1982. – 176 с.
52. Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1974. – 382 с.
53. Мусульманские имена : словарь-справочник. – СПб. : ДИЛЯ, 2008. – 448 с.
54. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 179 с.
55. Никонов, В.А. География фамилий / В.А. Никонов. – М., 1988. – 192 с.
56. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М. : Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва «Наука», 1974. – 278 с.
57. Никонов, В.А. Космонимия Поволжья / В.А. Никонов // Ономастика Поволжья : тез. докл. 3-й науч. конф. – Уфа, 1973. – С. 373–378.
58. Ономастика и грамматика / отв. ред. Л.П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1981. – 273 с.
59. Ономастика и норма / под ред. Л.П. Калакуцкой. – М. : Наука, 1976. – 250 с.
60. Ономастика Поволжья : тез. докл. IX Междунар. конф., 9–12 сент. 2002 г. / отв. ред. В.И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2002. – 228 с.
61. Ономастика Поволжья : материалы X Междунар. научной конф, 12–14 сент. 2006 г. / отв. ред. Е.А. Яковлева. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2006. – 372 с.
62. Оронимика : сб. статей. – М. : ЦНИИ ГА и К, 1969. – 70 с.
63. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2004. – 412 с.
64. Подольская, Н.В. Проблемы ономастического словообразования / Н.В. Подольская // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40–54.
65. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская ; отв. ред. А.В. Суперанская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
66. Попов, А.И. Названия народов СССР: введение в этнонимику / А.И. Попов. – Л. : Наука, 1973. – 172 с.

67. Привалова, М.И. Собственные имена и проблема омонимии / М.И. Привалова // Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 56–67.
68. Рассказов, Ю.С. Секреты имен: от имяславия до философии языка / Ю.С. Рассказов. – М. : Лабиринт-МП, 2000. – 128 с.
69. Реформатский, А.А. Семиотика географической карты / А.А. Реформатский // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. – М. : Наука, 1964. – 232 с.
70. Рядченко, Н.Г. Из наблюдений над русской зоонимией / Н.Г. Рядченко // Русская ономастика : сб. научн. трудов. – Одесса : ОГУ, 1984.
71. Селищев, А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А.М. Селищев // Избранные труды. – М. : Просвещение, 1968. – С. 97–129.
72. Степанова, Ф.В. Русский женский антропонимикон в культурно-генетическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.В. Степанова. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2006.
73. Суперанская, А.В. Имя – через века и страны / А.В. Суперанская ; отв. ред. Э.М. Мурзаев. – 2-е изд., испр. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 192 с.
74. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – 2-е изд., испр. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 368 с.
75. Суперанская, А.В. О русских именах / А.В. Суперанская, А.В. Суслова. – М. : Азбука, 2010. – 304 с.
76. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен / А.В. Суперанская. – М. : Эксмо, 2006. – 384 с.
77. Суперанская, А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Суслова. – М. : Наука, 1981. – 176 с.
78. Суперанская, А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1969. – 206 с.
79. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.] ; отв. ред. А.П. Непокупный. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
80. Суперанская, А.В. Что такое топонимика?: Из истории географических названий / А.В. Суперанская. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2011. – 176 с.

81. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. — Волгоград : Перемена, 2000. — 172 с.
82. Сулова, Т.Д. Ономастикон В.П. Катаева (На материале тетралогии «Волны Черного моря») / Т.Д. Сулова // Русская ономастика. — Одесса : Изд-во Одесского гос. ун-та, 1984. — С. 146–151.
83. Ташицкий, В. Место ономастики среди других гуманитарных наук / В. Ташицкий // Вопросы языкознания. — 1961. — № 2. — С. 35–40.
84. Толстой, Н.И. Избранные труды: славянская лексикология и семасиология / Н.И. Толстой. — М. : Слово, 1997. — Т. 1. — 540 с.
85. Топоров, В.Н. Из области теоретической топономастики / В.Н. Топоров // Вопросы языкознания. — 1962. — № 6. — С. 3–12.
86. Топоров, В.Н. Из теоретической ономатологии [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров. — URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/topor/nomen.php.
87. Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике / В.Н. Топоров. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 814 с.
88. Топорова, Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные / Т.В. Топорова. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 253 с.
89. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен : с прил. / Н.М. Тупиков ; подгот. изд. и предисл. Ф.Б. Успенского. — М. : Языки славянских культур, 2005. — 1032 с.
90. Унбегаун, Б.-О. Отчества на -ич и их отношение к русским фамилиям / Б.-О. Унбегаун // Исследования по славянскому языкознанию. — М., 1971. — С. 280–286.
91. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии : пер. с англ. / Б.-О. Унбегаун ; общ. ред. Б.А. Успенского. — 2-е изд., испр. — М. : Прогресс, 1995. — 448 с.
92. Федосюк, Ю.А. Русские фамилии : популярный этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. — 6-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 240 с.
93. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. — М. : Купина, 1993. — 316 с.

94. Фомин, А.А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 108–120.
95. Фояякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фояякова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 103 с.
96. Хабургаев, Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» / Г.А. Хабургаев. – М. : МГУ, 1979. – 232 с.
97. Чичагов, В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. Гл. IV. Отчества / В.К. Чичагов. – М. : Учпедгиз, 1959. – 127 с.
98. Шейко, Н.И. Русские имена и фамилии / Н.И. Шейко. – М. : Вече, 2005. – 304 с.
99. Шмелева, Т.В. Современная годонимия: семантика и семиотика / Т.В. Шмелева // Лингвистическое краеведение. – Пермь, 1991. – С. 33–37.
100. Щетинин, Л.М. Имена и названия / Л.М. Щетинин. – Ростов н/Д : РГУ, 1968. – 215 с.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Глава 1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОНОМАСТИКИ.....	8
1.1. Ономастика как наука об именах.....	8
1.2. Место ономастики среди других наук.....	12
1.3. История изучения собственных имен.....	18
1.4. Статус имени собственного.....	21
1.5. Границы ономастической лексики.....	24
1.6. Ономастическое пространство: объем и содержание.....	30
1.7. Классификации собственных имен.....	35
1.8. Семантика имен собственных.....	45
Глава 2. МЕТОДЫ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	60
2.1. Описательный метод.....	61
2.2. Исторический метод.....	63
2.3. Сравнительно-сопоставительный метод.....	66
2.4. Ареальный метод.....	69
2.5. Семиотический метод.....	72
2.6. Стилистический метод.....	73
2.7. Психолингвистический метод.....	75
2.8. Статистический метод.....	78
Глава 3. РАЗРЯДЫ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ.....	80
3.1. Антропонимика.....	80
3.2. Топонимика.....	146
3.3. Другие разряды онимов.....	171
Глава 4. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТАТУС ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО	196
4.1. Поэтическая ономастика.....	196
4.2. Ономастическое пространство художественного произведения.....	203
4.3. Разряды поэтонимов.....	208
4.4. Литературная ономастика в России.....	219
4.5. Имя собственное как компонент фразеологизма, прецедентные онимы.....	228
ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ.....	237
Библиографический список.....	239

Учебное издание

Сызранова Галина Юрьевна

ОНОМАСТИКА

Учебное пособие

Редактор *Е.Ю. Жданова*

Технический редактор *З.М. Малявина*

Компьютерная верстка: *Л.В. Сызганцева*

Дизайн обложки: *Г.В. Карасева, Г.С. Сызранова*

Подписано в печать 08.02.2013. Формат 60×84/16.

Печать оперативная. Усл. п. л. 14,41.

Тираж 50 экз. Заказ № 1-14-12.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

